

84P2
мст
D-24

ИЛЬЯ ДВОРКИН

ГОЛОВА АНТИЧНОЙ БОГИНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Повесть эта продолжает одну из ранних моих книг — «День начинается утром», — которая была напечатана в 1965 году. Потом я написал довольно много книжек, но никогда не забывал, что «День начинается утром» должна иметь продолжение. Я был мальчишкой во время войны, и «День начинается утром» — книжка обо мне и моих товарищах.

Мы выросли. Подросли и наши дети. Мальчишки и девчонки военных лет и нынешние ребята... В чём они похожи? Чем отличаются друг от друга? Тема эта давно меня волнует. И вообще, признаюсь, очень хотелось написать приключенческую книжку. Чтобы тайны, чтобы погони, чтобы верные друзья и непримиримые враги. И ещё рассказать о верности, о благородстве и о хороших людях, которые всегда в конце концов побеждают плохих.

Автор

РИСУНКИ А. СКОЛОЗУБОВА

Глава первая
В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Тоненький лучик солнца брызнул из-за проёма окна, прострелил комнату и упёрся тёплым пальцем в правую бровь Вити. Сколько весит солнечный луч? Просыпаться не хотелось. Витя попыталась смахнуть гостя ладонью, но лучик передвинулся и упрямо пощекотал ей переносицу. Витя чихнула и проснулась. Она лежала с открытыми, ещё подёрнутыми

сонным туманом глазами и улыбалась. Обычно насмешливый, большой её девчачий рот растягивался всё шире и шире — доверчиво и несколько недоуменно. Она попыталась сообразить, отчего ей так хорошо сейчас, отчего безудержное счастье заполняет всю её — от пяток до макушки. Может, оттого, что не надо вскакивать, торопиться, бежать в школу?

Нет, каникулы начались ещё неделю назад, а к безделью человек умудряется привыкнуть так скоро, так скоро! Ей казалось, будто каникулы были всегда.

А может быть, потому, что вчера она первой проплыла сотку и — наконец-то! — обогнала эту дылду Ленку Богданову, которая воображает себя совсем взрослой и всем девочкам говорит противным голосом: «Дура-ашка!» — с таким видом, будто она знает «главную тайну».

Конечно же, победить её было приятно, не у каждой девчонки в двенадцать лет настоящий второй разряд по плаванию. Не юношеский, а настоящий.

Но нет! Всё-таки это не то. Потому что после соревнований Ленка плакала в раздевалке и правильное её кукольное лицо стало вовсе не красивым. Оно сделалось алым, а глаза нехорошо закосили. И почему-то Витя почувствовала себя виноватой и вся её радость ушла. Она даже подсела к Ленке, что-то попыталась сказать ей, утешить, но та вдруг затопала ногами, и то, что она прокричала, было настолько смешно и глупо — только руками разведёшь.

— Я этого так не оставлю! Мама будет жаловаться! — закричала она. — И бабушка будет жаловаться!..

Все девчонки разом расхохотались, Витя тоже, хотя ей и хотелось сдержаться. Но зато она сразу перестала чувствовать себя виноватой. Съязвила даже:

— А почему ты не сказала любимого слова «дура-ашка»?

Съязвить-то съязвила, но какой-то неприятный осадок всё равно остался, хоть и знала она всегда, что Ленка воображала и человек неумный. Даром что красивая и выше всех в группе.

Нет, от всего этого нельзя стать счастливой. Вообще-то Витя подозревала, отчего с ней творится такое: и солнечный лучик — счастье, и привычные полосатые обои, и старый глобус на подоконнике с дыркой в районе Северной Африки, всё-всё вокруг — счастье!

Витя знала, отчего с ней такое. Она ждала чуда. И знала, каким это чудо будет, но, чтобы оно пришло скорее, старалась притвориться перед собой, что не знает и не думает о нём.

Витя попыталась отвлечься и поразмышлять о чём-нибудь весёлом и хорошем. Но почему-то сразу пришло в голову плохое и грустное. Она вспомнила, что умерла её бабушка, которую Витя любила безмерно. Бабушка умерла два года назад, летом, когда Витя была в спортивном пионерском лагере, и от неё долго скрывали это горе. И потом многие месяцы Витя не могла поверить, что тоненькой, как девочка! ласковой и умной бабушки уже нет больше. Это было ужасно — знать, что бабушки нет и больше никогда не будет. А если говорить правду, то Витя до сих пор не верила в это. Она, конечно, знала: люди умирают, но так же твёрдо знала — она, Витя, не умрёт никогда, потому что этого не может быть.

Она только сейчас заметила, что давно уже не улыбается, а плачет и подушка около ушей мокрая.

И Витя подумала, что бабушке это очень не понравилось бы: она всегда учила Витю быть мужественной. Это она и назвала её мальчишеским именем — Витя, хотя на самом деле Витя была Викторией, а все Виктории, как известно, Вики, а не Вити.

Бабушка и в бассейн её отвела — крошечным шестилетним лягушонком, и утренней гимнастикой заставляла заниматься неукоснительно, каждый день, вместе с собой. Она открывала при этом дверь в комнату мамы и папы, чтобы быть немым укором их лени. Мама делала вид, что спит, а папа прятался от немого укора под одеяло с головой и там хихикал.

Витя и бабушка неумоимо размахивали крохотными гантельками, а папа следил за ними в щёлку весёлым глазом и смешил Витю.

— Посеешь привычку — пожнёшь характер, — говорила бабушка, делая вид, будто не замечает этого насмешливого глаза, — Хилость рождает завистников и мелких тиранов,

Наконец папа не выдерживал, вскакивал в одной пижаме, босиком, хватал в охапку Витю и бабушку, кружил по комнате и хохотал.

— Граф Суворов Рымникский и его железная гвардия! — кричал он. — Тяжело в учении — легко в бою!

Суворовым он называл бабушку из-за короткой седой косички.

Видно, он давно уже пожал свой характер. И ничего тут не поделаешь.

— В тропических водах водится рыба-скат, называется рохля, ей лень шевелиться, даже когда её хватают за хвост,— говорила бабушка специальным «воспитательским» голосом.

Но неповоротливый рохлей папу никак не назовёшь, да и маму — тоже (очень похожие они пожали себе характеры), потому что оба были археологами и перекопали столько земли, сколько и не снилось молодому бульдозеру до капитального ремонта, как говорил папа.

А теперь они увлекались подводной археологией, и Витя думала, что не позавидуешь тому, кто попытался бы их, бесхвостых, поймать за ласты.

Папа был здоровенный, а мама ему под стать, только потоньше и на полголовы ниже.

— Богатство, доставшееся без труда, не ценят, — говорила бабушка, намекая на папину силу, — и поставь нас немедленно на пол, мы ещё не закончили комплекс.

— Так уж и без труда! Так уж и даром! — смеялся папа и показывал ладонь с небольшой лопату величиной, всю в желтоватых, ороговевших мозолях,

Мама всё ещё делала вид, что она спит, но ресницы её уже вздрагивали — и наконец она не выдерживала и тоже начинала хохотать, а потом прямо в пижаме садилась на коврик, немисливо переплетала ноги и отжималась на руках — делала так называемый лотос, который могут только йоги.

А уж этого не умел никто — ни папа, ни Витя, ни упорная бабушка, хоть Витя дважды подглядела, как та старалась научиться этому, когда думала, что её никто не видит.

Мама оглядывала всех спокойными, вытянутыми к вискам, «византийскими», как говорил папа, глазами и спрашивала:

— Ну что, слабаки? Расти вам ещё надо, стараться, милые, работать над собой не покладая рук.

Она снова забиралась в тёплую постель и мгновенно засыпала, Это у неё такая экспедиционная привычка. И тогда все, пристыженные, ходили на цыпочках, и только непередаваемый, тёплый и уютный запах свежесваренного кофе будил её безошибочно. Она пристрастилась к кофе в далёкой стране Колумбии, где раскапывала какую-то допотопную цивилизацию вместе с археологами многих стран.

Прятели до сих пор присылали ей оттуда какие-то особые зелёные бобы. Она сама их жарила и молола. А когда заваривала на свой лад, не всякий мог этот кофе пить. А папа утверждал, что если дать его хлебнуть безроговому телёнку, то у него вырастут метровые рога, и самые храбрые тореро в ужасе разбегутся при виде рогатого зверя.

Все вместе шли на кухню пить кофе. Вите тоже доставалось несколько капель в чашку с молоком.

Когда она была совсем маленькой и всё принимала всерьёз, то частенько украдкой щупала голову — не растёт ли чего? Ах, какие это были выходные дни, какие они были!

И, наверное, всю жизнь при запахе кофе будут вспоминаться Вите уют, надёжность жизни, веселье и доброта.

А потом... потом начались тётки няни. За год их сменилось три.

Мама и папа допоздна задерживались на работе, у них были частые командировки, и все стены «Ленгорсправки» обклеивались мамой объявлениями с умоляющими призывами о помощи.

Витя с родителями жила в самом центре, центрее уж не бывает — на Невском проспекте. Тётя няня должна была встречать Витю из школы, переводить через кишасящие автомобилями, троллейбусами, автобусами и трамваями Литейный и Невский проспекты, провожать домой (Витю возмущало это недоверие к её самостоятельности), кормить обедом, отводить в бассейн и приводить обратно. Теперь мама и папа не могли ездить в командировки вместе, потому что бабушку не умела заменить ни одна тётя няня.

Первой была очень милая, очень добрая и очень болезненная старушка, которой просто не под силу было забираться на четвёртый этаж. Все очень привязались к ней, она тоже, но выдержала только полтора месяца.

Вторая — высоченная костлявая женщина, вся в чёрном, с усами и большим позеленевшим нательным крестом. Она ушла через неделю с громкими проклятиями.

Однажды, убирая папин закуток, гордо именуемый кабинетом, она наткнулась в книжном шкафу на окаменелый череп. Нянька дико завизжала.

— Антихристы! Сатаны! — кричала она и потрясала рукой. — Гробокопатели! Осквернители могил! Чур меня, чур! Ноги моей в страшном этом доме не будет!

И, к восторгу Вити, удалилась, так грохнув дверь, что висевший на стене щит времён Владимира Красно Солнышко сорвался с гвоздя и с кастрюльным звоном долго катался по прихожей.

А когда снизу пришёл разъярённый сосед — инспектор Госстраха Черногуз-Брудастов, — то застал папу, сидящего от хохота на полу, горько плачущую маму и Витю, деловито вешающую щит на место.

Третья нянька писала рассказы. К тому же она вела обширнейшую переписку с писателями. Правда, от каждого из них она получала не больше одного письма. Но писателей, как оказалось, существовало бесчисленное множество, и большинство из них были добросовестные люди.

Нянька очень сильно хромала, ей исполнилось семьдесят четыре года, в её коллекции имелось по письму от Короленко и Горького, и ещё она обожала сладкое вино портвейн. Когда она занималась творчеством, всё в доме замирало, ходить даже на цыпочках считалось кощунством. Писала она исключительно про несчастную любовь и только за папиным столом. Он ей нравился больше других. За ним она чувствовала неиссякаемое вдохновение.

В один прекрасный день она без всякого предупреждения исчезла. И тогда Витя взбунтовалась. В ознаменование этого она приготовила обед, и, к изумлению родителей, он оказался съедобным. Маме был сдан экзамен по правилам уличного движения, и Витя получила самостоятельность.

И вот прошёл год. Витя частенько ловила взгляды между папой и мамой, когда, как заправская хозяйка, разливала сваренные ею супы и щи, накладывала котлеты и голубцы. Чего уж греха таить — она гордилась собой. Но однажды, совершенно случайно, она услышала, как мама, всхлипывая, говорит отцу:

— Витька! Моя Витька! Она ведь совсем взрослая стала! А ей всего двенадцать! Ты понимаешь — двенадцать! У ребёнка должно быть детство, понимаешь! Розовое и безоблачное...

— Детство у неё есть! И очень неплохое детство. А если она научилась что-то делать собственными руками — честь ей и хвала. И вот что: в этом году я её обязательно возьму с собой в экспедицию, — твёрдо сказал отец. — Хватит пионерских лагерей. Пусть поглядит, как люди работают настоящую работу.

У Витьки всё захолонуло внутри. Сколько раз просилась она с родителями «в поле». И неизменно получала ответ:

— Рано, Витёк. Ещё успеешь. Расти.

А сегодня... Это и было то самое чудо, которого ждала Витя.

Она сладко потянулась в постели — и вдруг пронзительно задребезжал звонок.

Как была — растрёпанная, в пижамке, босиком — Витя бросилась отпирать.

Чудотворцем оказалась спокойная пожилая женщина.

— Соболева Виктория Константиновна здесь проживает? — спросила она.

— Это я, — прошептала Витя.

— Ишь! — насмешливо удивилась вершительница чудес. — Денежный перевод ждёшь от кого?

— Жду. От папы.

— А письмецо?

— И письмо, и письмо! — рассмеялась Витя.

— Документ есть какой?

— Метрика есть, я сейчас... Вы проходите, пожалуйста, — засуетилась Витя.

— Ну, стрекоза, — хмыкнула женщина, проходя в квартиру, — куда ж ты такую прорву денег денешь — аж пятьдесят рублей?

— Ух ты! — восхитилась Витя. — Пятьдесят! Билет — раз! Кеды — два! Новый тренировочный костюм — три, — стала она загибать пальцы, — и вообще — дорога ведь!

Пока Витя читала письмо, почтальон наставительно ворчала:

— Ошалели люди, ей-бо! Такое дитё — в такую даль-дорогу одну... Ты гляди денежки-то припрядь подальше, а то в поездах народец лихой ездит... На ходу подмётки режут. Подальше положишь — поближе возьмёшь.

— Вы не беспокойтесь, папа мне билет забронировал — вот номер поезда — и с бригадиром проводников договорился. Эх! — Витя крутнулась на пятке. — Эх! Послезавтра — ту-ту! Ту-ту! Полстраны увижу!

— Ту-ту... — Почтальон усмехнулась, внимательно поглядела на Витю, и той показалось вдруг, что в глазах у женщины, где-то там, в глубине зрачков, плещется зависть к ней, девчонке. И она ничуть не удивилась этому; чему ж ещё завидовать человеку, кроме свободы и счастья увидеть то, чего никогда прежде не видел?!

Глава вторая ДОРОГА

Нет на свете запахов более волнующих, чем запахи железнодорожных вокзалов.

Аэровокзалы — это просто места, где продаются билеты; аэродромы же не пахнут — они насквозь продуты ветрами: естественными — то влажными, то морозными, и искусственными — прокалёнными вихрями реактивных струй.

Самолёты прекрасны в своей стремительной серебристой законченности. А тёмно-синие или зелёные морды тепловозов и электровозов не только прекрасны, но и трогательны.

Чем же могут пахнуть столь чистоплотные сооружения?

В том-то и дело, что пахнут не они, а сами вокзалы, впитавшие в каждую свою балку копоть тысяч и тысяч паровозов — когда-то маслянисто поблёскивавших могучими шатунами, шипевших пышными усами мятого пара, изрыгавших из труб густые клубы дыма.

Про паровозы рассказывал Вите папа.

Теперь паровозы ушли на покой, но папа специально водил Витю на Ленинград-Московскую сортировочную станцию, чтобы показать какого-нибудь замурзанного маневрового работягу с пронзительным нахальным голосом-гудком. Толковал ей про всякие там тендеры, бегунки, реверсы. Потому что папа был влюблён в паровозы, это у него с детства осталось.

На станции был тупичок, сплошь заставленный отработавшими свой век, остывшими печальными паровозами.

Папа с дочкой забирались по крутой лесенке в какой-нибудь могучий в своё время ИС или ФД, Витя садилась на откидной стульчик у окошка машиниста, клала локоть на обитый зелёным (бывшим когда-то зелёным) репсом с помпончиками подлокотник и глядела вперёд. И казалось ей, что летят они с папой по натруженным голубоватым рельсам и проносятся сквозь пахучую степь, всю в матово-серебристых ковылях, сквозь леса и гулкие мгновенные мосты.

Но папа быстро мрачнел. Разорённые грубыми руками кабины с вывинченными или выдранными с мясом вентилями и манометрами, бессмысленно разбитыми непонятными трубками, погнутыми реверсами печалили его.

Он никогда не работал ни машинистом, ни кочегаром. Просто, когда он был мальчишкой, жарко и натужно пыхтящие паровозы были посланцами неведомых и прекрасных земель, они звали в далёкие странствия и обещали неслыханные приключения.

И папа любил их.

— Я мог часами околачиваться на вокзалах, — смущённо признавался он, — Что такое нынешние самолёты? Упаковали тебя в него в Ленинграде, выстрелили в небо —

и вот ты уже, допустим, в Ростове или Каире. И непонятно — то ли ты летел, то ли стоял на месте, а под тобой нужным боком услужливо повернулся земной шарик. И ты не путешественник, а так... биологическая начинка, живая посылка.

Папа любил вокзалы и поезда. И когда было у него достаточно времени, всегда ездил железной дорогой, а не летал. Только вот беда — времени постоянно ему не хватало.

У Вити же было его теперь предостаточно, и она с удовольствием пробралась в свой вагон, забросила рюкзак на багажную полку и села, блаженно вытянув ноги. Она была самым первым пассажиром в своём вагоне, и ей это необычайно нравилось. Она чувствовала себя независимой, взрослой и красивой.

И тот, кто никогда не был двенадцатилетней девчонкой в грубых новеньких джинсах, туго зашнурованных кедах, алом свитере-водолазке и лёгкой куртке-штормовке, никогда не поймёт, как это здорово — чувствовать себя ловкой, гибкой и красивой. И почти взрослой.

Человек без понятия, поглядев на её короткий решительный нос, усыпанное веснушками лицо и короткую стрижку, вполне мог бы принять Витю за мальчишку. Но внимательному достаточно было поглядеть в мамыны, подтянутые к вискам, те самые «византийские» глаза, чтобы сразу разобратся, что к чему.

Соседи по купе появились одновременно, хотя сразу было заметно — незнакомые. Один — сухощавый невысокий моряк с воронёным якорем — знаком капитана дальнего плавания — на груди, второй — громоздкий, лохматый, с огромной трубкой в зубах, удивительно похожий на знакомого Вите сенбернара, которого каждый день прогуливал по Стремянной улице чопорный, с голубоватыми сединами, старик. Витя, когда видела их вместе, всегда почему-то думала, что молчаливый хозяин могучей собаки — старый капитан. Но однажды она его встретила без сенбернара, с авоськой, полной мелких магазинных свёртков, и капитаном ей старик не показался. Хотя, если подумать, при чём здесь сенбернар и авоська?

А тут самый настоящий, без подделки, капитан улыбнулся Вите, легко забросил большой, новый, вкусно пахнущий

кожей чемодан рядом с её рюкзакишкой и сел на полку, спокойно разглядывая чуть прищуренными глазами своих спутников. Вот так спокойно, наверное, глядел он навстречу всяким шквалам, тайфунам, торнадо, смерчам и цунами, А также самумам. Хотя, впрочем, самумы — это в пустынях,

Второй поставил у ног две здоровенные клетчатые сумки, шумно потёр руки и выпустил пахучий клуб дыма из трубки,

— Отлично! — прогудел он. — Одно мужское общество! Это прекрасно! Давайте знакомиться: Любезнов Аркадий Витальевич — покровитель искусств.

— Станислав Сергеич, — представился моряк.

— Витя, — сказала Витя.

— Отлично! — снова загредел сенбернар. — Я, Витька, абонирую нижнюю полку, ибо верхняя хрупка для моих телес. А ты парень шустрый — белочкой туда взлетишь. Давай-ка, милый, приподыми коечку, я туда баулы свои приспособлю.

Витя покорно приподняла нижнюю свою законную полку, и Аркадий Витальевич, пыхтя, уложил в рундук свой багаж.

— Лишь бы женского полу чёрт не принёс, — буркнул он, — хоть подымить всласть можно.

(Кстати сказать, до самого конца так и ехали втроём.)

— Спасибо! Молоток парень! — рявкнул сенбернар и мясистой лапищей увесисто шлёпнул Витю пониже спины.

Витя резко выпрямилась, покраснела и только собиралась сказать грубияну какую-нибудь резкость, но, увидев смеющиеся глаза капитана, сдержалась. Видно было, что Станислав Сергеевич обо всём уже догадался и с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться.

Капитан расстегнул небольшую синюю сумку с буквами SAS по бокам, вынул горсть ярких пакетиков с жевательной резинкой, протянул Вите.

— Угощайтесь. Везу сынишке. Вам сколько лет?

— Двенадцать.

— Одногодки, значит. Мой наказывал привезти побольше этой чепуховины. Просто с ума посходили. Вам тоже нравится?

— Умгм! — Витя уже засунула в рот целых три восхитительно пахущих мятой пластинки.

— Что вы только в этой жвачке находите, не понимаю... — Капитан покачал головой.

— А что, а что, — засуетился сенбернар, — очень освежает рот. Вы позволите?

Он бесцеремонно запустил лапу, поросшую рыжими волосками, в сумку, вытащил солидную горсть, сосредоточенно зажевал. «Не много же вы привезёте сыну, раз уж этот нахальный бегемот рядом», — подумала Витя и неприязненно поглядела на Аркадия Витальевича. А он вдруг выдул изо рта огромный пузырь, и тот с громким треском лопнул, облепив его лицо серой плёнкой.

Этого Аркадий Витальевич, очевидно, не ожидал. Он стал сосредоточенно сдирать пальцами плёнку, но она приклеилась плотно, особенно вязко залепив пышные рыжеватые усы и бакенбарды.

— Чёрт те что, — бормотал сенбернар, — как же теперь, а? Вот ведь буржуи проклятые! И придумают же!

Он схватил полотенце, вытащил мыло и побежал отмываться,

Капитан наконец не выдержал, повалился от хохота на диван.

— Вас действительно Витей зовут? — спросил он, не переставая смеяться.

— Да. Вообще-то я Виктория, но дома — Витя. И в школе.

— Дела! — У капитана азартно загорелись глаза. — Вы пока не признавайтесь. До вечера. Разыграем нашего покровителя искусств. Договорились?

— Договорились! — Вите снова стало хорошо и спокойно. Этот человек, Станислав Сергеевич, удивительно напоминал чем-то папу, хоть внешне они совсем не были похожи. И всё-таки, если приглядеться, похожи — жестами, интонациями, всей повадкой своей. Ей даже показалось, что она когда-то, давным-давно, была уже знакома с этим человеком, просто позабыла об этом и теперь вспоминает. Ей было легко с ним.

— Аркадий Витальевич очень похож на одного моего знакомого сенбернара, — неожиданно для себя сказала Витя.

Капитан нахмурился.

— Говорить о человеке за глаза — дело не больно хорошее, — сказал он.

Витя так покраснела, что лицо её сделалось в цвет свитера. Капитан вдруг улыбнулся.

— Впрочем, сенбернары — одни из самых благороднейших и полезных псов. В Швейцарии они спасают людей, заваленных снежными лавинами. И никогда не бросают людей в беде. Чего не скажешь об иных из человеков.

Последние слова Станислав Сергеевич пробормотал быстро и едва слышно.

Вернулся Аркадий Витальевич — краснолицый, сердитый, с заметно поредевшими усами и бакенбардами. Молча вынул из карманов пёстрые пакетики чуингама.

— Забирайте эту пакость, — сказал он таким тоном, будто его долго и убедительно упрашивали взять жвачку. — Будь у меня дети, порол бы их нещадно за эту подлую штуку. Человек есть венец природы, homo sapiens, а не жвачное животное корова.

Он покосился на Витю, но та независимо вздёрнула решительный свой нос и назло соседу засунула в рот ещё пластинку, хотя жевать уже не хотелось и здорово болели скулы. После этого, решив, что отстояла своё священное право на самостоятельность, Витя встала и вышла в коридор. Да как прилипла к окошку, что напротив купе, так и простояла там до вечера.

Краем уха она слышала сквозь растворённую дверь разговоры соседней, поняла, что капитан сдал в Архангельске свой лесовоз другому капитану, а сам едет в двухмесячный отпуск в тот самый город, что и она. Слышала, что Аркадий Витальевич — свободный художник, реставратор и коллекционер, едет в Южную Россию поискать по хуторам и станциям редкие иконки, старинную утварь, скифские вещицы.

«Жуликоватый он какой-то, даром что похож на благородного сенбернара», — мельком подумала она и тут же снова отвлеклась. Её звали обедать, но она рассеянно отказалась. Всё глядела и глядела на мелькающие в окне перелески, деревушки; на белоголовых пастушат, отважно стоящих среди рогатых приземистых коров. Пастушата махали вслед поезду, и Витя им махала. Глядела на спокойные извилистые реки, на просмолённые челны и задумчивых рыбаков. Жадно вглядывалась в диковинные и замысловатые сооружения вдали — густо дымящие, выбрасывающие из

бурых высоких труб рыжие, как лисьи хвосты, языки пламени, Гядела, гядела — и не могла наглядеться, и всё дивилась, какая же она огромная, необъятная и разная — её Родина, малая толика которой мелькала перед ней.

А потом — вдруг, неожиданно — так захотелось есть, что ноги задрожали и ослабели. Она вошла в купе, лихорадочно вынула из рюкзака кусок докторской колбасы и батон, которые припасла в дорогу, но тут и Аркадий Витальевич и Станислав Сергеевич решительно вмешались и стали кормить её разными вкусностями. А поев, Витя вдруг обнаружила, что кто-то незаметно смазал ей мёдом веки и они слипаются и не хотят разлипаться.

— Ну, а теперь спать, Витя, спать, — скомандовал капитан, — столько впечатлений за один день человек выдержать не может. Придётся нам выйти, Аркадий Витальевич.

— Зачем? — искренне изумился сенбернар.

— Как это зачем? — спокойно ответил капитан. — Девочке необходимо приготовиться ко сну.

Трубка выпала из раскрытого рта Аркадия Витальевича и, рассыпая искры, покатила по полу. Брови соседа полезли вверх и коснулись лохматых волос, каждый глаз стал величиной с куриное яйцо. Он глядел на Витю, как на привидение. Она сонно улыбнулась ему, и тогда вольный художник, реставратор и коллекционер так трахнул себя увесистой ладонью по лбу, что, будь он у него чуть послабее, повесть можно было бы кончать на этом самом месте. И это был бы очень печальный конец. Но лоб у Аркадия Витальевича оказался неслыханной мощности, поэтому художник только взвыл и затряс контуженной рукой.

— Глаза... — забормотал он. — Глаза-то у неё... Она же девчонка... О-о-о, старый я баран!

Капитан затапывал тлеющий половик и кричал: «Полундра! Пожар на борту!» Он веселился от души, но Витя почти уже спала и не могла разделить его веселья.

А потом был ещё один день и был тишайший Аркадий Витальевич и снова бесконечное стояние теперь уже у открытого окна.

И тёплый ветер, и белые мазанки за окном с лихо нахлобученными камышовыми крышами, и терриконы Донбасса, и длиннющий мост через Дон, и отчётливо видные тёмные силуэты рыб в светлой неторопливой воде. А потом была конечная стоянка.

Глава третья ВСТРЕЧИ И ЗНАКОМСТВА

Отца Витя увидела сразу. Да и невозможно было его не заметить — такой здоровенный, в любой толпе выделяется. Рядом с ним нетерпеливо подпрыгивал мальчишка в тельняшке и синих тренировочных штанах. Мальчишка этот показался Вите знакомым, но она тут же забыла о нём, искала глазами маму. Но мамы не было. Поезд остановился, Витя

выпрыгнула из вагона, повисла на папе, изо всех сил сжимающая такую знакомую, крепкую папину шею, неуловимо пахнущую кремом для бритья, степным ветром, морской солью и загаром.

А дальше произошло непонятное. Незнакомый мальчишка повис на Станиславе Сергеевиче, и Витя сразу поняла, почему он показался ей знакомым, — мальчишка и капитан были похожи до смешного, просто размеры разные, а так всё сходилось до мелочей.

И вдруг папа и капитан тоже стали обниматься, хохотать, гулко хлопать друг друга по спинам и кричать на весь перрон.

— Стас, бродяга, явился наконец!.. — кричал папа.

— Костик, верста коломенская, — кричал Станислав Сергеевич, — ну и вымахал! Да постой же! Сломаешь ведь, медведь несчастный! Так это твоя дочка?! Чудеса, да и только! То-то гляжу — знакомая физиономия!

Они тискали друг друга и, казалось, позабыли обо всех и обо всём. Вите даже обидно стало. Они украдкой переглянулись с мальчишкой в тельняшке — тот тоже ревновал своего отца, сразу было заметно, хоть и старался напустить на себя вид равнодушный и независимый.

Наконец первая радость улеглась, смущённые папы стали оглядываться, искать своих детей,

Станислав Сергеевич что-то зашептал Витиному папе, тот весело захохотал — очевидно, потому, что Витю приняли за мальчишку.

Потом состоялось знакомство с капитановым сыном.

— Андрей, — буркнул тот, взглянув исподлобья, и протянул ладонь, измазанную смолой.

— Виктория, — чопорно представилась Витя.

— Витька, — удивился папа, — с каких это пор ты стала Викторией?

Витя не сочла нужным пускаться в объяснения, строго спросила:

— А где мама?

/— Э-э! Мама далеко! Теперь мы с тобой люди холостые, — весело сказал папа, — Мама на Чёрном море. Её группа исследует затонувший древнегреческий город. Потрясающе интересная работа. Город называется Диоскурия. Я на берегу этой бухты, в которой он затонул, всё детство

прожил. Погоди, закончим работы здесь — и махнём туда. С Андрюхой вместе. Точно, Андрюха?

Он взъерошил выгоревшие добела волосы мальчишки точно таким жестом, как ерошил голову Вите. И нехорошая ревность вошла в её душу.

Витя холодно оглядела мальчишку с ног до головы и процедила:

— Надеюсь, он умеет работать с маской и ластами? Надеюсь, спасти его не придётся?

Она сказала это таким тоном, будто по меньшей мере десяток раз спасала вот таких приморских, пропечённых солнцем мальчишек, вытаскивала их, полузахлебнувшихся, дрожащих от страха, из морских пучин. Ей самой противно сделалось от этого своего тона. Но бывает же так — не оставишься, и всё!

Мальчишка задохнулся от возмущения, собрался что-то ответить, но сдержался, только покраснел лицом и шеей и катанул на скулах крутыми желваками. Папа и Станислав Сергеевич, глядя на них и слушая, снова принялись хохотать, хотя ничего смешного ни Витя, ни Андрей во всём этом не находили.

Втиснулись в экспедиционный ГАЗ-67 с откинутой брезентовой крышей, причём Вите пришлось сесть рядом с Андреем.

— Ох и выросла ты за эти недели! — удивился папа. — Просто ужас какой-то эти нынешние акселерированные дети! Ноги как у страусёнка.

Он перегнулся через сиденье, на секунду отпустив руль, нежно прижал к себе Витю, но ей не больно-то понравилось, что у неё страусиные ноги, а ответить она не смогла — отец уже разговаривал исключительно со Станиславом Сергеевичем.

Андрей мрачно молчал, вжавшись в угол машины, но Вите показалось, что при словах о страусёнке угол рта этого полосатого мальчишки насмешливо дёрнулся.

«Ну, ну, погоди, голубчик, ты у меня поусмехаешься! — Витя неожиданно ожесточилась. А мальчишка явно годился в козлы отпущения. — Ты у меня попрыгаешь, нечего распускать уши как у маленького Мука».

Папа бегло, скороговоркой рассказал, как рыбоколхоз, начав углублять землечерпалкой ковш гавани, случайно

обнаружил обломки древних амфор, потом монеты и мраморную руку дивной красоты. Как заинтересовался всем этим председатель — парень молодой и любознательный, написал в Академию наук и какие интересные находки сделала его, лапина, группа. Но всё это семечки, экспедиция надеется найти кое-что позначительнее, потому что по всем признакам в том месте, где они работают, затонул древнегреческий корабль, и затонул, очевидно, из-за жадности купца, загрузившего свой корабль сверх всякой меры, дай бог ему за это царствие небесное. Уже найдены медные гвозди обшивки, якорь и несколько звеньев якорной цепи. Но самое главное — найти части, а может быть, если повезёт (тьфу, тьфу, тьфу — через левое плечо), — всю античную статую, руку которой вытащила землечерпалка,

А вдруг — цисту! Это вообще невероятно. Голубая мечта всякого археолога.

— Какую цисту? — наивно спросил Станислав Сергеевич. Папа даже руль бросил от возмущения.

— Ох, Серёга, серый ты как туман! Это такой металлический пенал, залитый сургучом. Там древние греки хранили рукописи... Их всего-то нашли — раз-два и обчёлся!

— Век живи — век учишься, — спокойно сказал Станислав Сергеевич.

Папа засмеялся.

— У меня на это дело пунктик. Ты извини, давай о чём-нибудь другом.

Всё это было очень интересно, и Витя слушала во все уши, но потом папа и Станислав Сергеевич стали вспоминать свое детство — и началось: «А помнишь?..»

Перебивая друг друга, они вспоминали каких-то неведомых Володек, Осек, Генок, какой-то знаменитый поповский сад, голубей и фальшивого немого — и тут уж ничего нельзя было понять.

Вите стало скучно, она украдкой покосилась на Андрюху — тот тоже сидел с кислым выражением лица, вертел головой. Встретившись глазами с Витей, он сразу ощетинился, как ёжик, и сердито засопел.

Вите сделалось смешно, она едва слышно фыркнула и стала глядеть по сторонам.

По рассказам папы она представляла городок тихим, патриархальным, эдаким островком, которого не коснулось

стремительное наше время. А за окном проплывали огромные дымящие заводы, многоэтажные дома, точь-в-точь похожие на дома где-нибудь в районе Весёлого посёлка в Ленинграде.

Но вот, достаточно попетляв, машина зашелестела по улочкам старого города. Тонко вырезанные, дрожащие листья акаций и широкие, как ладонь, платанов почти смыкались над головой, образуя зелёный свод, тротуары были выложены потрескавшимися известняковыми плитками. Одноэтажные дома с разноцветными ставнями, которыми на ночь от лихого человека закрывались окна, стояли в густой, осязаемой — хоть ножом режь — тишине. Возле одного из таких домиков машина остановилась. Все вышли.

— В этом доме я прожил два года, и было мне столько же лет, сколько тебе, — задумчиво сказал папа, — Дом этот построил какой-то купчишка, потом в нём жил его сынок и служил во время оккупации полицаем. Потом жили мы —

бабушка и я. А теперь живёт чудесная семья: жена — медсестра, а муж на судоремонтном работает, и у них есть мальчишка, похожий на любопытного медвежонка, мы с ним уже подружились.

Будто в подтверждение этих слов, на крылечко вышла красивая статная женщина, приветливо поздоровалась — и тут же из-за юбки выглянула круглая потешная мордаха, вымазанная вареньем.

Все невольно рассмеялись.

— А соседом был мой лучший друг — Стас, то бишь Станислав Сергеич, — продолжал папа, — и мы с ним совершали великие подвиги, за что частенько бывали биты.

Капитан притиснул к себе Андрюху.

— Где наши? — спросил он.

— Кто где, — степенно ответил тот, — дед с бабулей в вечерней смене, мама в гостинице, на дежурстве.

Папа рассмеялся.

— Слышишь, Стас, как говорит этот туземец: где, гостиница. Его бы не дразнили, как нас, этой проклятой буквой «г».

Андрей выговаривал букву «г» мягко, по-южному. Станислав Сергеевич серьёзно сказал:

— Времена меняются, Костик, народ не тот на улице. Улица не та. А была-то улица — ого-го!

— Улица была — дай бог! — подтвердил папа, — Вспоминать сейчас удивительно.

— Время, Костик, время было такое, — сказал Станислав Сергеевич, — многого не пожелал бы я нашим ребятам...

Взрослые ещё о чём-то толковали, о своём. Андрюха угрюмо молчал. Смертное оскорбление походя нанесла ему эта конопатая ленинградская штучка. Ему, приморскому человеку, Андрюхе, бесстрашно заплывавшему до таких пределов, что и берега-то с густыми лежбищами курортников, исступлённо хватающими, впитывающими любой, самый завалящий солнечный лучик своими северными голубоватыми телами, не было видно. А если и видно, то так — без подробностей. Удивительный народ курортники! И эта девчонка наверняка такая же. Андрюха был убеждён: дай возможность — и пляжники перехватывали бы друг у друга с груди и боков долгожданные ультрафиолетики и сажали бы их на свои тела, как рассаду в огороде.

Странная девчонка была языкатая не по-южному — сдержанно и язвительно. Отбреет — и глядит спокойными глазами, будто слова сказаны между прочим, вскользь. Лицо невинное, и обидный смысл доходит не сразу, и тем обиднее.

В этот первый день Станислав Сергеевич забросил домой чемодан, переоделся в старые джинсы, рубаху и сандалии на босу ногу, взял Андрюху, и все вместе поехали на песчаную отмель, где в брезентовых палатках расположилась экспедиция подводных археологов.

Витин папа жил в рыбацкой избушке — глинобитной мазанке с толстой земляной крышей, — отчего в доме в самую свирепую жару было прохладно. В избушке находился штаб. На стеллажах, тщательно рассортированные, пронумерованные, лежали находки, в пристройке стоял компрессор для зарядки баллонов аквалангов, а сами акваланги, ласты и маски аккуратно были развешаны на деревянных колышках-вешалках. Гидрокостюмы сушились на распялках.

Коса, состоящая из мельчайшего белоснежного кварцевого песка, глубоко вдавалась в море, изгибаясь наподобие турецкого ятагана. Чуть поодаль виднелись строения рыбоколхоза, в бухте покачивались на якорях сейнеры и дубки. Среди них плот археологической экспедиции, собранный из порожних бочек из-под солянки, покрытых досками, выглядел неуклюжим и громоздким.

Рабочий день экспедиции давно кончился, все разбрелись кто куда, было безлюдно. Папа и Станислав Сергеевич, не переставая спрашивать друг у друга: «А помнишь?», побрели куда-то вдоль самого уреза воды. Было очевидно, что им очень хочется поговорить наедине. Витя и Андрюха остались вдвоём. Андрюха топтался на одном месте и, все отворачиваясь, наблюдал за Витей украдкой. Его и раздражала эта девчонка с мальчишечьим именем — независимостью своей, насмешливым большим ртом — и чем-то притягивала, а чем — он и сам не понимал.

— Чего это у тебя глаза бегают, как два мышонка? — неожиданно спросила она. — Совесть нечиста? Мой папа говорит, что только люди с нечистой совестью не могут глядеть другим людям в глаза.

— Что-о?! — оторопел Андрюха. — Ну, знаешь! Не будь ты девчонкой, вот ткнул бы я тебя головой в песок, чтоб язык прищемила!

— А ты попробуй, — весело предложила Витя.

— Так девчонка же слабый пол, — растерялся Андрюха.

— Давай-ка, давай, — подзадоривала Витя, — только ты меня не бойся жив останешься. А то я гляжу, здорово ты меня боишься. . .

— Я-а-а?!

— Ага. Ты. Я обычно таких, как ты, в узелок завязываю. Чтоб помнили о своём нахальстве.

— Ну, давай, — улыбнулся Андрюха и пошёл на Витю.

Он осторожно взял её за предплечья, не сильно толкнул, но сопротивления не почувствовал. Витя вдруг резко подалась назад, дёрнула Андрюху на себя. Она упала на спину, выставив ногу, Андрюха не удержал равновесия, подался вперёд, напоролся на эту ногу и, будто подброшенный пружиной, перелетел через голову и воткнулся в песок.

Но что интересно: у вскочившего мгновенно Андрюхи были насмешливые глаза. Да и слишком уж легко попался он на этот незамысловатый приём, хотя Витя сразу почувствовала, как только

Андрей взял её за руки, что он гораздо её сильнее.

— Повторить? — спросила Витя.

— Повтори, — усмехнулся Андрей.

«А не поддался ли он?» — мелькнула у неё мысль.

Витя рассердилась. Ещё этого не хватало!

Она снова вцепилась в Андрея, и неясная мысль стала уверенностью — она просто не могла сдвинуть Андрея с места. Теперь он открыто улыбался.

«Неужели правда — поддался?» Витя рассердилась всерьёз, а мальчишку это, кажется, веселило. «Противный какой тип, — сгоряча подумала Витя, — попробуй сдвинь его — шкаф, да и только».

Неожиданно ей стало смешно. «А ведь парень-то, кажется, ничего! И не так он прост, как кажется. Замысловатый мальчишка! И зря я к нему полезла. Какая это муха меня укусила?» — подумала она.

Но упрямство взяло верх. Она попыталась сделать ему подсечку и тотчас почувствовала, как ноги её оторвались от

земли. Она понимала, что Андрею в этот миг ничего не стоило швырнуть её на лесок. Он этого не сделал.

— В благородство играешь? — сердито спросила Витя.

— Ну что ты! Ты здорово борешься, — ответил Андрей, — аж страшно.

Витя обиженно надулась. Назревала ссора. Подошёл Станислав Сергеевич.

— Папины уроки? — спросил он у Вити.

— Папины, — буркнула она.

— Я видел, как ты моего через голову. Вполне прилично.

— Она меня победила, — серьёзно сказал Андрей.

Но Витя перехватила быстрый взгляд, которым обменялись отец с сыном, и запрятанную смешинку в глазах обоих, Витя разозлилась всерьёз. Отвернулась. Станислав Сергеевич обнял её за плечи.

— Ты не сердись, — шепнул он, — Андрюха уже два года самбо занимается, а ты его подловила.

— Да, подловила... Знаю, как я его подловила, — проворчала Витя,

Но лицо у Андрюхи было такое добродушное, что Витя вдруг подумала: «А чего я, собственно, злюсь? Сама ведь полезла. Ну и получила урок. Всё справедливо».

Неслышно подошёл Витии папа, внимательно оглядел ребят. Он старался быть серьёзным, но Витя заметила эти его старания: значит, всё видел, всю её возню с Андрюхой. «Ну и пусть», — решила Витя, Она не чувствовала неловкости. Это древнее море, рыжие берега, рыбацья мазанка, вросшая в песок, пропечённый солнцем отец — всё было так естественно, всё наполняло её душу спокойствием и уверенным весельем. Витии лапа обнял ребят за плечи.

— Ну, я вижу, вы уже познакомились, — сказал он.

Витя и Андрей молча кивнули. Отец помолчал, потом задумчиво проговорил:

— Эх, ребята! Если мои надежды насчёт этого древнегреческого кораблика оправдаются, тут у нас такая жизнь начнётся — сплошной праздник Первомай!

Витя всегда знала, что отец влюблён в свою работу, но только сейчас, вслушиваясь в интонации его голоса, поняла, как он влюблён в эту самую археологию. Без остатка, всем своим существом.

«Как же, наверное, это здорово — найти себе такое дело,

чтобы на всю жизнь, чтобы любить — не разлюбить», — подумала она. И ей стало немного завидно и чуточку обидно. «А я? Может, на меня у него и любви не останется», — подумала она и тут же усмехнулась,

Она знала, что отец её — человек широкий и добрый и души его хватает не только на любимую археологию, но и на неё, Витю, и на маму, и ещё на очень многое.

Отец ушёл по своим делам, а Витя и Андрей забрались на плоскую, горячую, поросшую паслёном и бурьяном крышу рыбацкой избышки.

Лицо у Андрея было бронзовым и непроницаемым, как у индейца, Ему казалось, что Витя всё ещё сердится на него, а та улеглась на спину, пристально вглядываясь в белесовато-голубое жаркое небо. Она улыбалась. Всё ей тут нравилось — и горячее солнце, и пахнущие морем сети, развешанные на плетне, и бурьян на крыше домика, и даже этот увалень Андрей, который пыхтел рядом и так смешно выговаривал букву «г».

Ей нравилась его сдержанность и какая-то ненавязчивая уверенность в себе. И ей вовсе не хотелось начинать первый свой день в этом замечательном месте ссорой да ещё с сыном закадычного папиного друга. Она чувствовала — человек он стоящий. И, если говорить честно, никакой он не увалень, скорее наоборот, быстрый и гибкий, как кошка.

— Не дуйся, хорошо? Чего интересного — дуться? Давай лучше дружить! — сказала она.

Андрей поглядел на неё.

— Я дуюсь? — удивился он. — Я думал, ты станешь дуться. А ты... Ты молодец! — Андрей вдруг смутился, уши его запыльхали, С такой разновидностью девчачьего племени он ещё не встречался. А у той уже рот до ушей и в глазах никакого ехидства или зловредности. Местные девчонки никогда бы не сказали таких слов. Он растерянно хмыкнул и неожиданно для себя сказал:

— Давай! Но уж дружить так дружить! Согласна?

— Согласна!

И оттого, что вышло всё так просто и хорошо, Андрею стало легко и весело. Смешная всё-таки девчонка! С парнем, конечно, всё было бы гораздо проще: парню и шею накостылять можно, если что не так. А тут... «Давай дружить!» — и всё! Девчонка ему нравилась.

Про коварную букву „г“ и о многом другом

От автора

А теперь, читатель, расскажу о событиях, для тебя почти доисторических, потому что происходили они ровно тридцать лет назад. В этом самом городке, в котором находятся сейчас Витя и Андрей. Героями тех событий были их отцы. А звали отцов просто Костик и Стас. И никто не знал тогда, кем они станут, потому что кто же угадает, что получится из двенадцатилетних мальчишек!

Было это в сорок шестом году. В маленьком городишке, который сейчас городишком уже не назывёшь — так он разросся, Костик и его мама жили уже почти год, и Костик малость прижился. А поначалу дела его были плохи, хоть беги куда глаза глядят.

А всё началось с явной глупости — просто он говорил не так, как другие мальчишки. И всё из-за проклятой буквы «г». Боже мой, сколько она ему крови попортила, сколько он из-за неё синяков и шишек получил!

Он произносил твёрдо — «г», «город», «где», «галка». А у всех остальных получалось по-другому, что-то среднее между «х» и «г», звук такой с придыханием. Ох, и доставалось же ему!

— Гогочка! Вон Гогочка идёт! — кричали ему вслед. И стоило Костику услышать это самое «гогочка идёт», — как он белел, сжимал намертво челюсти и лез в драку. В таком состоянии ему было всё равно, кто противник, сколько их.

О результатах сами можете догадаться.

Результаты, прямо скажем, были плачевные. Вот, значит, буква «г» — это во-первых.

А во-вторых, ему надо было занять определённое место в обществе, завоевать авторитет.

А это значит — приходилось драться со всеми подряд — как тогда говорили, «стыкаться», начиная с самых хилых и кончая признанными силачами, потому что в этом деле были свои тонкости.

К примеру сказать, сосед его Володька, маленький такой, тугой, как теннисный мячик, разделялся почти что со всеми и боялся единственного человека — своего старшего брата Оську.

Но самое смешное, что на всей улице, пожалуй, не было мальчишки, который не мог бы накостылять долговязому Оське шею.

И вот частенько получалось так — зарёванный Оська являлся домой, и Володька шёл мстить братнинуму обидчику.

Довели Костика местные мальчишки до такого состояния, что он стал бросаться на кого попало как

бешеный, уже и вовсе безо всяких причин. Мальчишки вместе пережили все ужасы войны и оккупации. Они были сплочены, Даже когда ссорились между собой. А Костик был «чужой». Да ещё гордость мешала ему спускать самую малую обиду. И потому мальчишки стали объединяться. Нормальное дело.

Суровые были времена. Война только кончилась но костлявую мерзкую свою тень успела наложить на всех, кто с ней соприкоснулся — начиная от ребят и кончая взрослыми людьми.

И как я уже говорил, не столько сама война, сколько фашистская оккупация.

Мама плакала, причитала, она была в полной растерянности — хоть съезжай с квартиры, хоть из города уезжай. А с жильём было очень трудно, да и работу просто так не бросишь.

Мама плакала.

А Костик сидел, забившись в угол, и молчал. Разве расскажешь взрослому человеку, даже маме, про все свои дела.

— Ну подружись ты с ними, — говорила мама. — Подойди и скажи: «Мальчишки, давайте играть». Во что вы там играете — в лапту или, допустим, в жмурки!

Ну что ей ответишь на это? Просто смех! Не понимает человек... Это сейчас Витин папа такой здоровенный, а тогда был тощий, чуть ли не дистрофик. А тут совсем с лица спал: одни глаза настороженно и лихорадочно блестили.

Худо ему было. Так худо, что и сказать нельзя. Даже не столько из-за дурацких этих беспричинных драк. Общения ему не хватало, дружбы. Не было у него друга, а хуже этого не придумаешь.

И ещё есть хотелось жутко. Всё время. Хлеба по карточкам выдавали — кот наплакал, и был он как глина — сырой и вязкий.

Барахлишко, какое было поценнее, мама Костика уже давно выменяла на продукты, и Костик видел, как мать, бабушка Вити, бьётся изо всех сил, но сытнее всё равно не становилось. Они были при-

езжими, и огорода у них ещё не имелось, а огородами подкармливался в ту пору почти весь город.

Костик знал, что мог бы помочь матери. Рыбы наловить или там раков — рядом было богатое Азовское море.

Но только он налаживал удочку или сачок и отправлялся на берег, как являлись его «враги» — и скоро с переломанным удилицем и запутанной, порванной леской не солоно хлебавши он являлся домой. Мальчишки развлекались, и жестокость их была, конечно же, неосознанной, но Костику от этого было не легче.

На их окраинной улице жил преимущественно мастеровой люд и рыбаки, за исключением двух-трёх семейств, сынки которых сотрудничали во время оккупации с гитлеровцами. Остальные мужчины честно провоевали всю войну, а многие сложили на ней головы. Вдовы погибших брались за любую работу, чтобы прокормить ребятишек. Стирали, белили, не брезгали и барахолкой, куда тащили вещи, накопленные за всю свою трудовую жизнь. Люди помогали друг другу, как вековечно в лихую годину привык помогать соседу русский человек. Даже с матерью Костика, незнакомой, приезжей, умудрялись делиться малыми своими доходами. А если замечали, что сыновья их пристают к приезжему мальчишке, брались за ремень. Что отнюдь не способствовало любви этих самых сыновей к Костику. Да и не до мальчишеских потасовок было этим замученным заботами женщинам. Шёл сорок шестой год. Восстанавливались, поднимались из руин заводы. Тогда это было самое главное. Мама Костика работала на одной из таких строек. Она так уставала, что еле добиралась до дому, а тут ещё неурядицы сына. Костик пытался скрывать их, но разве скроешь от матери свои беды!

Горсовет вселил их в дом бывшего полицая, осуждённого и высланного. Но кое-кто из его родни остался в городе.

Иногда они являлись в бывший дом своего родственника, бесцеремонно заходили, шарили про-

ворными глазами по углам. Костика с мамой не замечали, будто те были неодоушевлённые, вроде стульев. Топали грязными сапожищами по чистому полу, нагло бормотали: «Понаехали кацапы проклятые, гадют тут. Погодите, вернётся хозяин, все вязы посворачивает».

Мама белела, вытягивалась в струнку и, стараясь сдержаться, тихо говорила:

— Подите вон! Немедленно!

Только тут её «замечали», смачно сплёвывали на чистый, выскобленный пол:

— Тю! Это ишшо шо за цаца! Вы, извиняйте, хто будете? Што в квартире нашей делаете? Вон за вешечками приглядеть пришли. Шоб не спёрли чего. Го-га-га...

И родственники быстро уходили. Боялись, видно, всё-таки. По-мелкому шкодили. Знали, что мужчины в доме нет. Да и не только в доме. Вообще не было у них мужчины. Их мужчину убили на войне. Как погиб отец, они не знали, а как дед — знали: от осколка бомбы. Бабушка очень его любила, она давно болела, а когда узнала про деда — не пережила. И остались Костик с мамой одни.

— Мама, а почему они говорят, что мы кацапы? — спросил как-то Костик.

Мама грустно улыбнулась.

— Это от глупости, Костик. Это ещё с царских времён осталось, когда одних людей натравливали на других, чтобы легче было с ними бороться. Людей, приехавших из средней полосы России, с севера на юг, в Южную Россию, называли кацапами, хотя они были такими же русскими, как и местные жители; украинцев — хохлами. Внушали, что приезжие зарятся на землю, работу. Во время оккупации немцы воспользовались этим же испытанным приёмом разобщения людей. Я знаю — некоторые мальчишки иногда дразнят тебя кацапом, Они дурачки ещё, ничего не понимают — подрастут, разберутся, и станет им стыдно.

Костик недоверчиво покачал головой: когда ещё им станет стыдно! Откуда ему было знать тогда, что

ребята в его возрасте, при всей своей безграничной доброте и способности и самопожертвованию, люди довольно жестокие. И стоит какому-нибудь Славке Кривому крикнуть дурацкое слово «кацап» — и они закричат «кацап», совершенно не вдумываясь в смысл этого слова.

Однажды, когда мать была на работе, Костик стоял неподалёку от своего дома и метал в ствол акации дротик.

Это был короткий металлический прут. Он его на свалке нашёл — погнутый, ржавый.

Целый день с ним возился — выпрямил, очистил песком от ржавчины, тщательно заострил о кирпич.

И теперь воображал себя рыцарем. Тренировался перед турниром.

Метал себе спокойно свой дротик и ослабил бдительность.

А когда, получив крепкий пинок, оглянулся, было поздно.

Перед собой он увидел Славку Кривого, жившего через дом от него. Два дня назад он этому Славке крепко поддал. Встретил его без дружков, одного, и отвёл душу, потому что этот Кривой был, на его тогдашний взгляд, ужасно зловредный тип. И трус притом — один на один он не дрался. И вот теперь наступил час расплаты — с Кривым стоял Генка, почти взрослый парень, а Славка противно улыбался и потирал руки. Кривой его глаз косил от возбуждения больше, чем обычно.

— Ну шо, попался? — прошипел он.

Потом, увидев в руке у Костика, железный прут, испуганно отодвинулся.

— Гля, шо у него! — удивился он.

Генка, парень лет шестнадцати, высокий и крепкий, приходился Славке родственником.

Вообще, семейка Славки и Генки была довольно тёмная. Взрослые с молчаливой брезгливостью сторонились их. Славка из кожи вон лез перед ребятами, таскал из дому всякие вкусные вещи, заискивал, лишь бы его принимали в игры. Мальчишки морщились, но Славкиными подношениями не

гнушались — не такое было время, чтоб отказываться от еды. Генку же просто боялись.

Генка тянулся к взрослым парням и на деендцати-тринадцатилетних внимания не обращал.

Но тут, видно, Славка его уговорил, взял для подкрепления сил.

— Брось штырь, кацап, — лениво приказал Генка.

Костик сжал прут крепче. Он дошёл до крайности и потому бросать прут не собирался. И не собирался читать лекцию о происхождении слова «кацап». Он озлобился. Всё внутри у Костика дрожало, и было холодно в животе. Он чувствовал, как тело его напряглось, а ноги чуть согнулись в коленях, приготовились.

Генка усмехнулся, шагнул к нему, не обращая никакого внимания на его оружие, и неторопливо, лениво двинул в ухо.

В голове у Костика звенело.

Обидно так ударил.

Он был уверен, что Костик не посмеет ему ответить. Он ведь не знал, до чего Костика довели. Костик увидел, как Генка примеривается ударить его ещё разок. И — посмел.

Сердце забилося где-то высоко-высоко, у самого горла.

Генка замахнулся. И тогда Костик трахнул его по голове железным прутом. Вот уж почти тридцать лет прошло, а до сих пор, Константину Николаевичу неприятно вспоминать об этом, потому что человек всегда обязан оставаться человеком.

Генка по-бараньи вытаращился, покачался немного с носков на пятки и упал. А Славка отбежал и завопил на всю улицу:

— Пришлый Костька Геньку убил!!! Геньку убил!!!

Костик похолодел, но по-настоящему не успел испугаться — Генка уже приподнимался. Он сидел В пыли, тряс головой, шарил ладонями по пыли и бессмысленно хлопал глазами. По лицу его текла кровь.

И тогда Костик припустил бежать. Влетел в свой дом, заперся изнутри и стал ждать, что будет дальше.

Он понимал, что дела его плохи.

Мысли лихорадочно набегали одна на другую, голова пылала, руки машинально сгибали и разгибали злополучный дротик.

Было ясно — выхода нет. Надо удирать. Бежать куда глаза глядят. Он метнулся к шкафу, стал искать свою единственную ценность, предмет гордости — бобриковую куртку. Схватил её, натянул на себя, хоть и было лето, стояла жара. Вытащил из коробки латаные свои, но тщательно вычищенные мамой башмаки. Сел на пол, стал натягивать их на босые ноги,

И вдруг застыл.

А что будет с мамой? Он у неё один-единственный родной человек на всём свете. Что с ней станет?

Сколько он так просидел, Костик не помнил. Потом медленно-медленно стал раздеваться.

Был полдень. Часа два он просидел взаперти. А потом стало невмоготу. Захотелось в уборную. Для этого надо было выйти, пройти через двор. Там, в самом углу, лепились друг к другу пять узких домиков. Сколько хозяев, столько домиков.

Он встал. Надо идти. Будь что будет, Прут Костик решил взять с собой, и всё равно он боялся. Здорово Он трусил. Самому было противно. Потому что есть несколько вещей, которых порядочный человек терпеть не может, из них две особенно: трусость — сестру предательства и бесчестности — и жадность.

Костик осторожно вышел на крыльцо и увидел, что у самого его дома Славка, Оська и двое других мальчишек колотят накого-то незнакомого мальчишку.

Худощавый, небольшого роста, в располосованной морской тельняшке, он яростно и молча отбивался.

Делал он это здорово! Пока те четверо, суетясь и мешая друг другу, размахивали руками, пытаясь стукнуть его, мальчишка проворно успевал ответить каждому.

Он крутился среди них, как волчок — бледный, с плотно сжатыми, уже разбитыми губами, яростный и молчаливый.

Сразу видно было, что опыта у него по этой части не занимать стать.

Вот Славка захотел применить свой излюбленный подлый приём — из-за спин дружков ударить ногой, — замахнулся и тут же с воплем шлёпнулся задом оземь: мальчишка молниеносно перехватил его ногу, с вывертом дёрнул.

Но пока он занимался Славкой, трое других навалились на него, сбили с ног.

И тогда Костик бросился на помощь. Больше он не мог терпеть, слишком уж часто он бывал на месте этого мальчишки.

И тут случилось чудо.

Увидев его, все четверо оставили свою жертву и с криками бросились врассыпную.

Только тогда Костик вспомнил, что у него в руках прут. Ему и в голову не пришло пустить его в ход, он просто позабыл, что прут у него в руках. Но они, видимо, решили иначе.

Костик остановился в двух шагах от мальчишки. Отбросил прут. Вытер о штаны разом вспотевшие ладони. Ему стало стыдно и противно. Мальчишка ещё лежал.

Костик подошёл, чтобы поднять его, и отшатнулся, потому что мальчишка молниеносно вскочил на ноги и принял боевую стойку.

Но в следующий миг он уже разобрал что к чему и улыбнулся припухшими губами. Зубы у него были белые-белые, а один, передний, рос чуть криво. Но это было почему-то даже красиво. Ничуть это не портило его лицо.

— Это ты их шуганул? — спросил он. Голос у него был хриловатый, но это тоже показалось Костику почему-то приятным. Вообще удивительно хорошее у парнишки было лицо, какое-то всё нараспашку. И вроде бы ничего особенного — волосы белобрысые, выгоревшие, загорелый дочерна, глаза светлые, совсем прозрачные. А на левой щеке — тонкий голубоватый шрам.

— Спасибо, — сказал он и усмехнулся. — А здорово они тебя дрейфят. Видно, давал ты им звону. Костик смутился, пожал плечами.

— Слушай, что они, сумасшедшие? Я только сегодня приехал, погулять вышел, не успел шагу шагнуть, слова им не сказал поперёк, а они, понимаешь, набросились. Ну у вас и порядочки!

В это время Славка и его дружки завывали на всю улицу разные слова, ругаться стали.

— Эгей, кацап, пиши письма! Генька тебе ноги вырвет, спички вставит. Пустит он тебе юшку!

— Это кому? — спросил мальчишка.

— Мне.

— Ясно. А что такое кацап?

— Это здесь приезжих так называют.

— Значит, я тоже кацап?

— Значит.

Мальчишка подобрал прут Костика, оглядел его внимательно, покачал головой.

— Ничего себе оружие! Вот у вас до чего дошло. Серьёзные дела.

Он поглядел Костику в глаза.

— Тебя как зовут?

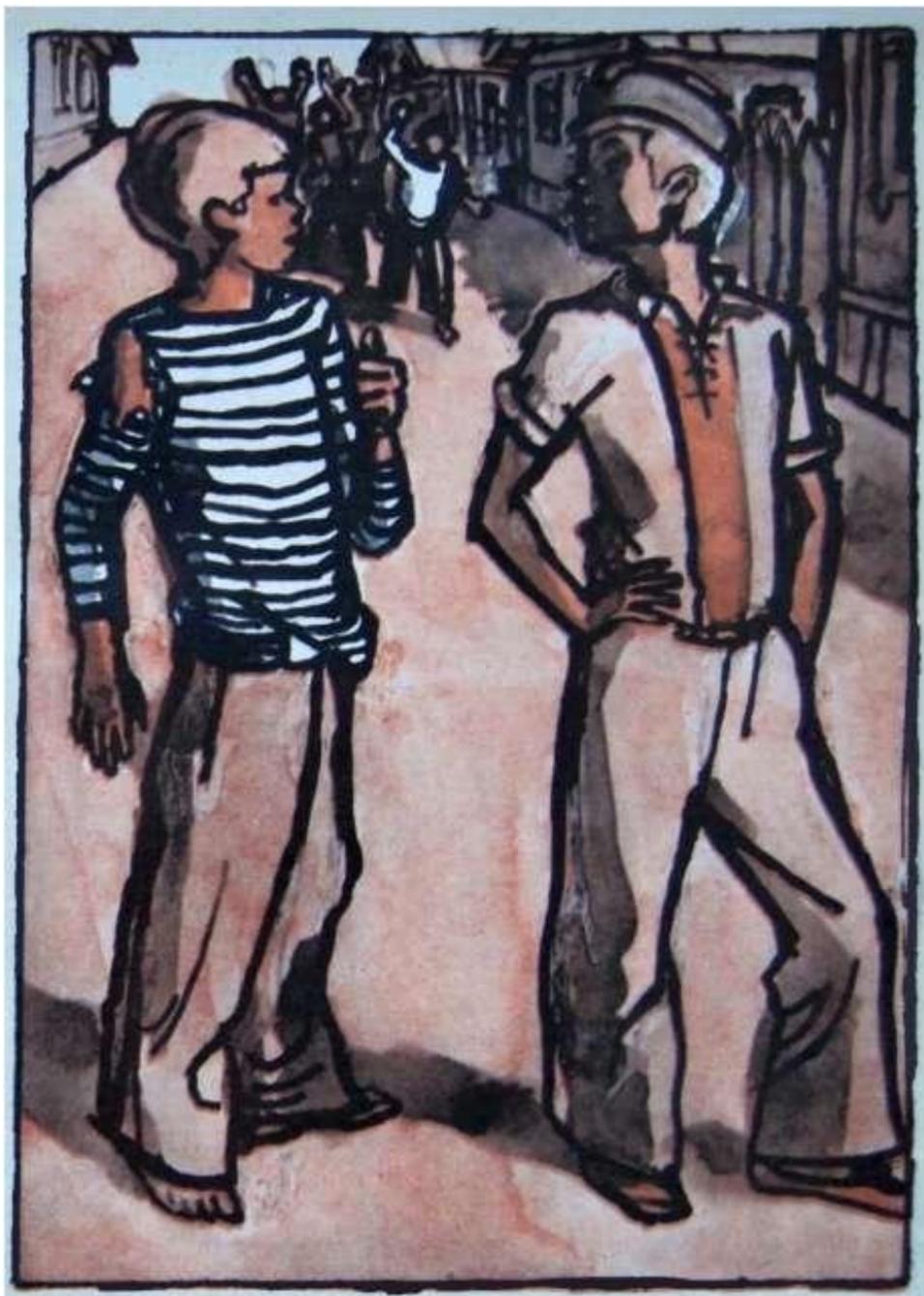
— Константином. Костей.

— А меня Стас, Стаська.

Они помолчали. Они поглядывали друг на друга и ковыряли босыми пятками землю. Это были очень важные минуты. Решающие.

Кто знает, как бы пошла жизнь Костика в этом городе дальше, разойдись они молча или случайным словом обидь друг друга.

А это просто было сделать — мальчишки были как два волчонка — настороженные и недоверчи-

вые. Всего год назад кончилась страшная война, и помнили они её прекрасно.

Но каждый инстинктивно чувствовал друг в друге союзника.

И они нравились друг другу. Это уж точно. С первого взгляда понравились.

— Слушай, Костик, у тебя иголки с ниткой не найдётся? А то эти воинственные туземцы, видал, что с моей «морской душой» сделали? — Стас оттянул на животе выцветшую тельняшку. Рукав её был почти начисто оторван, на чём только держался, непонятно, на спине языком висел клочок.

— Пойдём, — сказал Костик. — Вот мой дом.

И они пошли к нему.

Вечером был жуткий тарарам, вопли на всю улицу.

Генкина мама — огромная женщина с невероятной толщины руками и ногами — пронзительным голосом орала:

— Это што же такое получается? Рятуйте, люди добрые! Дитё убили. Генечку, кровиночку мою, убили! Железной палкой по голове убили!

Рот её был похож на напряжённую букву «о», а голос острым визгом сверлил воздух.

Она без передышки выкрикивала несколько фраз, потом умолкала, швыряла в рот десяток калёных семечек, с немыслимой быстротой лузгала их, сплёвывала шелуху и снова кричала:

— Понаехали всякие! Сели на нашу трудовую шею! Выковыренные! Генечку убили!

В её устах «выковыренные» означало «эвакуированные».

Работала она на рынке, в рыбном ряду. Торговала знаменитым азовским рыбцом, а из-под *по*лы — браконьерской паюсной икрой, которая ценилась в те времена на вес золота, вернее сказать — на вес хлеба, которого всегда не хватало.

Она держала за руку упирающегося, смущённого Генку, Голова его была неумело, вкривь и вкось перевязана. А бинтов накручено столько, что хватило бы на несколько раненых.

Костик видел, что Генка готов сквозь землю провалиться от стыда, дёргался, хотел вырвать руку, но не тут-то выло. Мамаша его слона могла за хвост остановить. Сплюнув шелуху, она набирала в грудь побольше воздуха для следующего залпа.

— Генечку, кровиночку мою, убили! — равнодушно заводила она. — Этот бандит всех наших деточек изуродовает.

Бледная, взволнованная *мама* стояла в дверях. Костик и Стас притаились за её спиной, подглядывали за Генкой и его мамашей.

Сперва Костику было страшно. Боялся он не за себя — за маму. Но потом увидел вдруг, что у неё вздрагивает спина. Он испугался ещё больше. Он решил, что она плачет, плачет перед этим бомбовозом, Но она не плакала. Она еле сдерживалась, чтобы не расхотаться.

Наверное, это действительно было смешно. Здоровенный Генка, которому Костик не доста-

вал до подбородка, кулаков которого даже взрослые мужчины побаивались, выступал в роли обиженной деточки. И лузганье семечек в паузах между равнодушными и заунывными (будто необходимую работу выполняла) воплями его мамыши. Наверно, смешным был и контраст между огромной тучной торговкой, известной по всему городу скандалисткой, и тоненькой хрупкой мамой, потому что высыпавшие из своих домов соседи покатывались со смеху. Для них это был бесплатный спектакль.

Но Костику не хотелось смеяться. Он весь раздулся от гордости. Он чувствовал себя победителем.

Воспользовавшись паузой перед очередной серией криков, мама вытолкнула Костика перед собой и сказала:

— Ну поглядите на этого бандита, который убил вашу деточку. Поглядите на его лицо. Видно, довели парня, если он уж на вашего дылду бросился.

Генкина мама деловито оглядела Костика заплывшими глазами, удовлетворённо хмыкнула и совершенно спокойным голосом сказала:

— Довели. Катилась бы ты, барышня, отседа, да поскорее, пока щенка твоего не пришибли, грех на душу не взяли.

И повернувшись необъятной спиной, туго обтянутой цветастым сарафаном, пошла прочь, тяжело переставляя слоновьи ноги. За ней понуро тащился Генка. Оттолкнув Костика, на крыльцо выскочил Стас. Его колотило от злости.

— Это мы ещё поглядим, кто кого! — крикнул он.

Генкина мамаша остановилась, медленно обернулась, долго разглядывала Стаса, будто неведомое ей насекомое.

— Тю! Это ишо што за воша? — удивилась она и покачала головой. — Вот же ж понаехали голоштанники, голь-шмоль, давить вас не передавить.

Но тут, тяжело опираясь на палку, к ней подошёл старик столяр из соседнего дома и мрачно сказал:

— Вот что, Губаниха, ты лучше мальчишку и мать его не замай. В обиду не дадим. Ты знаешь, что у них два мужика в семье погибли за Советскую власть, пока ты тут рыбцом и ещё кой-чем приторговывала? То-то. У людей память долгая. Так что не замай и бугаю своему Геньке накажи. Уразумела?

Генкина мамаша всплеснула руками, заулыбалась, заюлила и пропела елейным голосом:

— Дак я же шуткую, Семёныч! Я же ж шуткую. Ды ну тебя, Семёныч!

— Вот и ладно, — ответил сурово старик, — пошутковала — и будет. А то гляди! Среди людей ведь живём. Уразумела?

— Да уразумела я, уразумела! — Генкина мама снова всплеснула руками, лицо её сложилось в добродушные складочки, но из-за этих складочек она полоснула Костика и его маму таким взглядом, что Костик невольно попятился. Впервые ему стало понастоящему страшно.

Мама Костика крепко прижала к себе Стаса и сына, быстро вошла в дом. Когда Костик поднял голову, он увидел, что по лицу её текут слёзы.

— Боюсь я за вас, мальчики, — прошептала она, — если бы могла, завтра же уехала из этого террариума.

— А Стас как же? — спросил Костик.

— А что такое террариум?

— В террариуме живут змеи и лягушки. Я боюсь за вас. Столько вокруг хороших людей, и всё равно я боюсь. Такая зловещая женщина. Сначала показалась смешной, а она жестокая и страшная.

— Она глупая и толстая. Вы не беспокойтесь — среди людей ведь живём, — повторил Стас слова старика. — А мы с Костей всегда будем вдвоём.

— Правда. Вдвоём. Всегда. И живём мы среди людей, — ответил Костик.

...Был сорок шестой год. А позади годы войны, самой страшной за всю историю нашей Родины.

Глава четвёртая

ЖЕКЕТЕ

Витю разбудило тарахтенье мотора. Постель отца была пуста. Подвешенный углом на кривой гвоздь, торчавший в глинобитной стене, на самом видном месте — у зеркала, весело покачивался лист бумаги.

Витя сорвала записку и прочла. Размашистыми буквами было написано такое вот ехидно-замысловатое:

«Ни в коем разе, о дочь моя, нельзя показывать тебя разбуженному в декабре медведю — зарыдает косолапый с досады и зависти и тут же слопаёт. Ну, ты и спать! Это уж просто не сон, а искусство. Будил три раза, но в конце концов, обессиленный, отступился. Уехал по делам. Хозяйничай сама. Буду после обеда. Физкультпривет».

Отец любил писать Вите записки, и она почти безошибочно по тону их, по почерку даже, определяла настроение автора.

Сегодня утром ей писал человек весёлый. Писал на бегу. Торопился и чуточку смущался.

«Как же! Так я тебе и поверила, будил ты меня! Просто пожалел. И никакого восхода, разумеется, я уже сегодня не увижу! Ведь обещал растолкать. То-то смущается!» — сердито подумала Витя.

Но сердилась она ровно столько времени, сколько понадобилось для того, чтобы натянуть купальник и шагнуть из прохладного сумрака мазанки в ослепительность утра.

Застывшее шелковистое море, песок косы, жёлтый, облитый солнечными лучами (наверное, потому и жёлтый — в руках он бело-белейший), само солнце — жаркое, яростное не по-утреннему, рыжие глинистые склоны обрыва неподалёку...

Две чистые краски: синяя и золотая... На плоту экспедиции у насоса суетятся двое: один грузный, квадратный, другой повыше ростом — тощий и сутулый, как вопросительный знак.

Движок насоса взывал, тархтел некоторое время, и фигуры рядом с ним замирали, будто боялись спугнуть. Потом мотор чихал, плевался синим дымком и замирал. Вот тогда и начиналась вокруг него суета.

Витя увидела, как тощий в сердцах пнул насос ногой и тут же схватился за ступню руками, поджал ушибленную ногу и стал похож на цаплю, высматривающую в воде лягушек.

Витя улыбнулась и вдруг услышала позади себя тихий смех. Она обернулась. На крыше мазанки, сложив по-турецки ноги, сидел Андрей и жевал свой любимый паслён. Казалось, он так и не слезал с этой крыши со вчерашнего дня.

— Ты знаешь, — задумчиво сказал он, — вон тот чело-

век, который танцует на плоту на одной ноге, — Жекетё. Он сын Геннадия Савельевича. Здравствуй.

— Здравствуй, — растерянно ответила Витя. — Какого Геннадия Савельевича? И что это за имя — Жекете?

— Такого. С ним наши отцы здорово в детстве враждовали. Они же в этом городе жили, когда ещё мальчишками были. Они его Генкой называют. А вообще-то, Жекете на самом деле Федька.

— Ничего не понимаю. Вернее, что сын того давнишнего Генки, понимаю, а про Жекете — нет.

Андрей мягко, по-кошачьи спрыгнул вниз, провёл большим пальцем по сухим, обветренным губам (Витя ещё вчера заметила этот жест). Она улыбнулась.

— Ты чего? — спросил Андрей.

Витя тоже провела пальцами по губам.

— Точно так делает Станислав Сергеич.

— Батя? Гляди-ка! — обрадовался Андрей. — Ему в прошлом году куртку купили. Почти что замшевую, с медными пуговицами.

— Станиславу Сергеичу?

— Скажешь тоже! — буркнул Андрей. — Федьке. Заграничную такую.

Вите было трудно вот так сразу привыкнуть к Андрюхиной манере разговаривать. Понимала, что лучше всего промолчать — сам ведь скажет, что хотел сказать, — но она не удержалась.

— При чём тут какая-то дурацкая куртка? — спросила Витя.

— Да ты не злись, — добродушно ответил Андрей, разжал руку и протянул на ладони чёрные ягоды. — Скушай паслёнчику.

Витя подозрительно уставилась на мальчишку — издевается он, что ли?

— Ты чего это? Смеёшься, да? При чём здесь почти что замшевая куртка и медные пуговицы? И не хочу я «кушать» твой противный паслён! Ты начал говорить про Жекете и всё запутал!

— Почему противный? Он не противный, просто к нему надо привыкнуть.

Витя чуть было не спросила: кто не противный, Жекете? Но тут же сообразила, что речь о паслёне.

— А медные пуговицы очень даже при чём, потому что Федька одну пуговицу потерял.

— Ну и что?

Витино терпение подходило к концу. Так и чесались руки треснуть этого Андриюху по шее, чтобы говорил ясно, коротко и толково.

— А то, — невозмутимо продолжал Андрей, — что этот самый Федька носился как полоумный по улице и орал: «Потерял! Пуговицу потерял! Медную, заграничную потерял!» Мы в лапту играли, он подбегает, слёзы на глазах — а самому уже целых пятнадцать лет, глядеть неловко. «Не ви-

дели?» — кричит. «От чего пуговица-то?» — спрашиваем, «От жекете, — орёт, — от почти что замшевого, заграничного!»

Мы только потом сообразили, что он свою куртку жакетом называет. Вот и стал он с тех пор Жекете.

Витя засмеялась.

— Ну и как? Не обижается?

— Сперва злился. А потом, видно, решил, что так даже интереснее, чем просто Федька. А вообще-то всё равно противный парень.

— А что он на плоту делает?

— Помощником моториста устроился работать. Поплыли на плот. Вон и Елена Алексеевна туда направляется.

Витя увидела, как из палатки вышла худая высокая женщина в очках и деловито направилась к ярко выкрашенному ялику, наполовину вытащенному на песок.

Витя с ней ещё вчера познакомилась, Елена Алексеевна была вторым археологом в группе, значилась заместителем

папы. Андрюха и Витя поздоровались с ней, помогла столкнуть ялик в воду, и Андрей уселся на корме с одним веслом в руках, Витя умела грести, но то, что делал Андрей, ей было незнакомо — он легко ворочал веслом, не вынимая его из воды, а лодка ходко и плавно шла вперёд.

— Дай-ка я попробую, — попросила Витя,

Андрей усмехнулся, молча отдал весло. Витя попыталась повторить Андрюхины движения, но весло сейчас же выскочило из воды, лопасть плеснула на поверхности и тут же ушла вглубь, весло встало торчком, а ялик крутнулся на месте и остановился. Витя почувствовала, как запылали лицо, уши, шея.

— Как же так, — пробормотала она, — я же умею грести, честное слово, умею!

— Это называется не грести, а юлить, — серьёзно, без насмешки пояснил Андрюха, — ты не расстраивайся, с первого раза ни у кого не получается. Я тебя потом научу.

— У некоторых вообще не получается, — засмеялась Елена Алексеевна. — Сто раз пробовала — и ни с места. А инструктор у меня был серьёзный. — Она кивнула на Андрюху.

За кормой показалась ещё одна лодка, она резко, рывками нагоняла ялик. На вёслах сидел здоровенный высокий парень; второй, поменьше ростом, примостился на корме, клевал носом — видно, ещё не проснулся окончательно.

— А вот и наши практиканты, — сказала Елена Алексеевна, — проснулись, засони, отважные покорители малых глубин.

— Один, по-моему, ещё спит, — заметила Витя.

— Ничего! Нырнёт разочек — мигом проснётся.

Витя уже знала, что аквалангистов в группе трое: отец и два студента-практиканта: Серёжа Васильев и Олег Прянишников. Ныряли по очереди. Держа в руках всасывающий шланг насоса, осторожно обрабатывали строго размеченные участки дна. Насос выбрасывал пульпу — смесь грунта с водой — в решето с тройным дном: с крупными, средними и мелкими ячейками,

Пока один из членов экспедиции работал на дне, остальные проверяли всё, что оседало на решете.

Дно в бухте было заиленным сверху, потом шёл песок и мелкий гравий. С насосом дело шло быстрее, хотя Он

ухудшал и без того неважную видимость — взбаламучивал ил и песок. Зато была уверенность, что ни одна мелочь не ускользнёт от археологов.

Поэтому самая главная работа была у тех, кто оставался наверху. И только стекляннопрозрачными утрами в полный штиль все аквалангисты внимательно оглядывали дно, намечали участки работ и пытались отыскать предметы более крупные, которые шланг насоса неспособен был всосать.

Когда ялик подошёл к плоту, насос тарахтел всюду, а моторист — квадратный дядька с вечно сонным лицом — гордо улыбался. Елена Алексеевна сдержанно поздоровалась и ничего не сказала, зато Сергей с Олегом набросились на моториста.

— Что ж ты наделал, Семёныч, механический ты ч-ч-чертыка! — орал Серёга. — Сегодня самый денёчек поглядеть на дно своими глазами! Полный штиль, муть осела, видимость приличная, а ты взял и всё взбаламутил своей тарахтелкой!

Моторист обиделся за свой насос:

— Ты погляди, как работает! Как часики — тики-так! Два дня провозился, перебирая эту рухлядь, а они опять недовольны!

— Да пойми ты, голова садовая, только ил осел, только собрались своими глазами на дно поглядеть, а ты взял и всё испортил! Там сейчас, — он ткнул пальцем за борт плота, — руки собственной не увидишь. Не вода, а тёмная ночь.

Моторист искоса взглянул на своего помощника, незаметно показал ему кулак. Но тот ни капли не смутился. Он

подошёл вихляющей, как на шарнирах, походкой к Вите, важно представился:

— Жека.

Витя переглянулась с Андрюхой и не удержалась, фыркнула:

— Это сокращённое имя от Жекете? — невинно спросила она.

— Сокращённое, — кивнул Андрюха.

А Федька-Жекете внимательно оглядел обоих, задержался на Андрюхе, и глаза его стали такими злыми, что Витя пожалела о сказанных словах.

— Доложил уж, с-сопляк, — прошипел Жекете и повернулся к Вите. — Если упасть с плота, можно запросто утонуть. Тут глубоко. Это не то, что в Неве у бережка или в Финском заливе, где курице по колено...

— А вы купались в Неве? — спросила Витя.

— И так знаю, — буркнул Жекете, он же Федька, сын Геннадия Савельича, бывшего Генки. — Так что ты, девочка, поосторожней. И вообще слишком много здесь посторонних.

— Сам-то ты! — вскипел Андрюха. — Небось в луже утонешь. А за нас не беспокойся и нос не задирай. Моторист... без году неделя.

Только Жекете открыл рот, чтобы ответить, но вмешалась Елена Алексеевна.

— Ну вот что, дружочки, чтобы я больше ваших ссор не слышала. Начнём работу. Олег, ваша очередь идти на грунт, не будем терять времени,

Олег уже приладил на спине баллоны со сжатым воздухом, весело подмигнул Вите, прополоскал маску, натянул на лицо, сунул в рот загубник и плюхнулся в воду.

Витя подошла к краю плота, попыталась разглядеть ныряльщика, но, кроме пузырьков воздуха, ничего не было видно. Она стала на самом краю плота, изо всех сил вгляделась в эти пузырьки — и вдруг кто-то легонько подтолкнул её сзади, и она бултыхнулась в воду.

Уже падая, она успела краем глаза заметить ухмыляющуюся продувную физиономию Федьки-Жекете, и решение пришло мгновенно. Она ушла поглубже, перевернулась в воде, поднырнула под плот и осторожно высунула голову на противоположной стороне. На плоту выжидающе

замерли, вглядываясь в то место, куда она упала, потом начался переполох.

Жекете, что-то бормоча, затоптался на месте, мелькнуло перепуганное его лицо, он размахивал руками и подпрыгивал от возбуждения, Андрюха судорожно, обрывая шнурки, снимал кеды. Все напряжённо вглядывались в воду. Поэтому никто не заметил, как Витя осторожно выбралась на плот у них за спину, подошла к Фedyке и наподдала ему коленом в обтянутый брезентовыми штанами зад. Он бултыхнулся в залив; от неожиданности хлебнул добрую порцию воды — «хватил огурца» — и тут же выскочил на поверхность с выпученными глазами, нелепо колотя руками и ногами.

Витя прыгнула рядом с ним, схватила его сзади за тельняшку и несколько раз окунула с головой. Федька завопил. Плавал он своеобразным стилем, то, что называется «по-собачьи», а глаза у него были такие перепуганные, что Витя тут же отпустила его, нырнула поглубже и подтолкнула к плоту, в который Жекете вцепился судорожной хваткой.

Приготовившиеся прыгать спасать её, Серёга и Андрей с трудом оторвали Федькины руки от края плота и выдернули парня из воды, как морковку из грядки.

Федька был настолько ошеломлён, что поначалу ничего не понял. С него текло ручьём, а на физиономию невозможно было смотреть без смеха.

Наконец он разобрался, что к чему, и заорал;

— Ну, погоди! Утоплю! Не знаю, что с тобой сделаю!

— Давай, не стесняйся! — крикнула Витя.

Она резко с места рванула быстрым кролем, проплыла метров двадцать и остановилась.

— Ну чего же ты? Иди сюда! — пригласила Витя, — утопи меня.

Жекете смутился. Он никак не ожидал, что эта хрупкая на вид девчонка плавает, как дельфин.

Сергей захлопал в ладоши.

— Один — ноль! — крикнул Он. — Молодец, Витька!

Андрюха улыбался во весь рот, а Федька медленно вернулся и опустил голову. Шея его сделалась багровой. На секунду острая жалость к этому нескладному парню захлестнула Витю. Выбраться бы на плот, поговорить бы с ним по-человечески... Но Витя знала: ничего хорошего из

этого не получится — Федька просто нагрубит ей. «Наплевать, сам виноват — зачем толкался», — с наигранным раздражением подумала она и нырнула поглубже туда, где вскипели пузырьки Олегова акваланга.

Она была без маски, а мельчайшая взвесь ила плотным облаком окружала Олега — видимость равнялась нулю.

Тогда Витя выбралась на плот, подошла к решетке.

Боже мой, чего только там не было! Гравий, какие-то почерневшие осколки костей, заржавленные колючки, свинцовые грузила от сетей, осколки разбитых бутылок — в общем, всяческая ерунда, не имеющая к археологии никакого отношения.

— И это всё? — разочарованно спросила Витя.

Елена Алексеевна не ответила, напряжённо вглядываясь в металлические сетки решета, сделала Вите знак помолчать. И вдруг высоким, напряжённым голосом крикнула:

— Стоп насос!

Семёныч мгновенно выключил свою тархтелку, а Елена Алексеевна лихорадочно стала перебирать осадок среднего решета. В руках у неё оказалось что-то круглое, тёмное, не совсем правильной формы.

Витя никогда не обратила бы внимания на этот неказистый кругляшок. Но она поглядела на взволнованное, покрытое красными пятнами лицо Елены Алексеевны, на её дрожащие руки, и ей передалось волнение археолога. Все, кто были на плоту, окружили Елену Алексеевну. Она осторожно протёрла находку грубой суконкой, и на кругляшке явственно проступили какие-то буквы. Это была монета. Сомнений не оставалось.

— Товарищи, друзья, я специалист по древнегреческой цивилизации, увлекалась нумизматикой¹, но ничего, подобного этой монете, не знаю. Я, конечно, погляжу в справочник, но уже сейчас ясно, что монета очень старая, отчеканенная до нашей эры. Если она не встречалась доселе археологам, ей цены нет. Одно это оправдывает все труды нашей экспедиции.

Выскочил из воды Олег, сорвал маску, загубник.

— Что-нибудь интересное, или просто насос заглох?

¹ Нумизматика — наука по изучению денежных знаков разных стран.

— Интересное, Олежек! Такое, что я не могу даже определить, насколько это ценно для науки. Подождём Константина, — она смущённо взглянула на Витю, — короче, подождём начальника партии. Я боюсь ошибиться, надо проконсультироваться. А вообще, ребята, — это большая удача, поздравляю вас.

— Ну, хоть приблизительно вы можете сказать, что это такое? — нетерпеливо спросил Сергей,

— Серёжа, вы же должны знать, что нумизматика — это большая область науки. Но в этой монете есть такие странности, которых я никогда не встречала. Я бы вам всё рассказала, но это долго, да и неинтересно вам будет.

Но гут уже на Елену Алексеевну навалились с вопросами асе, да и ей самой хотелось рассказать, Витя по лицу её видела. Спокойнейшая археология так волновалась, будто это не полуразрушенный морем серебряный кругляк, а несметное сокровище капитана Флинта.

Елена Алексеевна оглядела всех по очереди, увидела горящие любопытством глаза и ответила:

— Я попытаюсь... Даже не знаю, с чего начать... Эта монета, конечно, тритеморий, четвёртый век до нашей эры, равнялась она одной восьмой драхмы или трём четвёртым оболы. Стоила она не больно-то много, но всё дело в том, что чеканились они во время Афинской демократии, и чеканились очень чётко, а эта, видите, какая корявая. И не только потому, что её разъела морская вода. У неё ведь края неровные. Значит, делали её не в самой Греции, а в колониях, и это удивительно. Древнегреческих монет множество. Скажу только о «мелочи». Всякие статеры, тритеморий, тетратемории, гемитетратемории и множество других — если все перечислять, я же вас совсем запутаю!

— Уж это точно, — проворчал мокрый и злющий Жекете.

— Ну вот видите! Просто эта монета необычна по форме. А ещё мы теперь знаем, хотя бы приблизительно, в какое время, в каком веке потерпело здесь крушение судно, а это очень важно. Если этот корабль—триера или тетрера, то нам неслыханно повезло: значит, хозяин корабля — человек богатый и мог везти вещи необыкновенные. На триере было три ряда гребцов, на тетрере — четыре. Думаю, что это всё-таки триера. А стоила она в те времена очень дорого, — Елена Алексеевна усмехнулась, — целый талант. Была такая монетка с небольшое колесо величиной.

Елена Алексеевна обращалась к практикантам, Витя и Андрюха слушали очень внимательно, но все эти заковыристые слова сбивали их с толку. Моторист возился с мотором, а Жекете демонстративно отвернулся и сплёвывал в воду. Только услышав, что этот жалкий кругляк стоит больших денег, он встrepенулся и подошёл поближе.

Больше ничего интересного в тот день не нашли. Но Елена Алексеевна так радовалась находке, что Сергей и Олег готовы были перепахать своим шлангом чуть ли не весь залив.

Часа в четыре приехал Витин отец, тоже порадовался, однако безо всяких разговоров прогнал практикантов на берег — обедать и отдыхать.

Полчаса поработал на дне сам и решил, что на сегодня хватит.

Плот опустел.

В домишке вместе с Еленой Алексеевной он подробно

описал находку, сфотографировал её при помощи лампы-вспышки, обернул бережно ватой, спрятал в коробочку. И заняла эта коробочка место на стеллаже — рядом с мраморной рукой неведомой богини.

Совсем уже стемнело.

От обилия впечатлений глаза у Вити слипались. Она трясла головой, пытаясь читать при керосиновой лампе толстую книгу по археологии, но веки предательски тяжелели и смыкались, а строчки книги смазывались в неразличимые полосы.

— Я ценю твои героические усилия, — сказал отец, — но всё-таки давай-ка спать. Ты сегодня нанярялась чуть больше, чем надо, да и время уже достаточно позднее.

Витя снова встряхнула головой и сказала:

— Папа, я где-то вычитала такую фразу: «не зарывай свои таланты в землю» — или что-то вроде этого. И не поняла. Думала, про настоящий талант, а теперь догадалась — это про деньги, правильно?

— Верно, Витька. Сейчас-то фраза приобрела переносный смысл — не ленись, мол, развивай свои таланты, способности. А тогда точно: про деньги — не клади их в кубышку, не зарывай в землю, а используй на что-нибудь нужное. Древние греки были люди толковые, с понятием.

Отец встал, заходил из угла в угол маленькой комнатёнки. Огромная чёрная тень его, причудливо переламываясь, металась по стенам. Отец улыбался.

— Вот зарыл бы свои денежки наш купец, не построил бы корабля, не купил бы красивой статуи, — он бережно взял с полки мраморную изящную руку античной богини, — и не стали бы мы ничего искать, пропала бы для людей такая красота!..

Отец любовался находкой, поворачивал её и так и эдак, пристально вглядывался.

— По-моему, это Лисипп, — пробормотал он, — хотя определённо сейчас ничего не скажешь...

— А кто это — Лисипп? — спросила Витя,

— О, это был прекрасный скульптор! Он был новатор. Он пытался передать человека в движении. Оживить мёртвый мрамор. Лисипп был...

Но тут отец заметил, что Витя пальцами придерживает закрывающиеся веки, и засмеялся.

— Ну, о любимом моём Лисиппе как-нибудь потом. А сейчас — спать.

Он подхватил Витю на руки, отнёс в постель, ловко и быстро раздел. Витя слабо сопротивлялась, но ей было приятно и так хотелось спать, что уснула она, не успев коснуться подушки.

Отец выпрямился, долго и нежно глядел на дочь. Лицо его было задумчиво.

На следующий день отец разбудил Витю довольно рано.

Он был уже одет. За столом, с заветной коробочкой в руках, с той самой, где лежала найденная вчера монета, сидела Елена Алексеевна.

— Вставай, Витёк, — сказал отец, — пора завтракать. Семёныч какую-то необыкновенную штуковину приготовил из баклажанов — сотэ называется. Пальчики оближешь! Мы уже поели.

— А вы куда? — спросила Витя. — Здравствуйте, Елена Алексеевна.

— Здравствуй. Мы с Константином Николаевичем едем сегодня в Ростов. Надо показать нашу находку специалистам.

— Так что — сегодня выходной, — отец намыливал щёки, — делай что хочешь — купайся, рыбу лови, можешь с Андрюхой город поглядеть. Короче, полная свобода! Но, — отец поднял помазок, — в разумных пределах. Впрочем, я полностью полагаюсь на Андрея. Парень он серьёзный. Думаю, даже тебе не удастся подбить его на какое-нибудь безрассудство.

Елена Алексеевна усмехнулась.

— Мне кажется, уже удалось, — спокойно сказала она. Бритва в руках отца застыла.

— Что вы сказали? — спросил он.

Витя тоже с любопытством уставилась на эту удивительно спокойную женщину. (Если бы вчера не видела собственными глазами, как у неё тряслись руки от волнения из-за древней монеты, никогда не поверила бы, что такое может быть с Еленой Алексеевной.)

Елена Алексеевна сняла очки, стала неторопливо протирать их.

— Сегодня рано утром Андрей подрался с этим... с Жекете, — задумчиво сказала она. — Думаю, что причиной явилась эта мадемуазель. — Елена Алексеевна ткнула дужкой очков в сторону Вити.

— Что вы такое говорите?! — От возмущения Витя даже села в кровати.

— Да, да! Другой причины я не вижу. Они, разумеется, молчат.

— Мало ли из-за чего могут подраться мальчишки. Они ведь все такие глупые, — высокомерно заявила Витя.

Лицо её было равнодушным, но она изо всех сил сдерживала любопытство.

Елена Алексеевна надела очки, внимательно оглядела Витю и всё поняла. И Витя тотчас это почувствовала.

— Длинный мальчишка — Жекете — очевидно, не может забыть вчерашнего купания и, наверное, позволил себе кое-какие не совсем этичные высказывания по поводу Вити. Андрей это слышал. Этого оказалось достаточно.

Отец внимательно слушал, потом с изумлением стал разглядывать Витю.

— Послушай, дочка, из-за тебя уже дерутся мальчишки! С ума сойти можно! А давно ли я возил тебя в коляске и менял тебе пелёнки! И довольно часто, должен сказать.

— Не было этого! — буркнула Витя.

— Драка была молчаливая и довольно свирепая, — спокойно продолжала Елена Алексеевна, — я не могла их разнять. Пришлось будить Олега.

— А Федька-то на три года старше Андрюхи, — проворчал отец, — неравенство сил.

— Не скажите, Константин Николаевич, на мой некалфицированный взгляд, Федьке досталось гораздо больше.

— Значит, Андрей был прав, — убеждённо отозвался отец.

— Ну, вам-то лучше знать. По этому вопросу вы большой специалист. Мне кое-что порассказал Станислав Сергеевич, — добродушно сказала Елена Алексеевна.

— Вот так и подрывают авторитет начальства, — шутливо отозвался отец. — А сам наш Станислав Сергеевич, будучи ещё просто Стасом. ..

— Не ябедничай, — Витя зашнуровывала последний кед.

— Не буду, — покорно согласился отец. — А нам пора, Елена Алексеевна.

И они ушли.

Витя выскочила вслед за ними, первым делом взглянула на крышу мазанки — Андрея там не было. Не было его и на песчаной косе, и на понтоне — нигде не было.

Висело над морем жаркое тяжёлое солнце, непривычное, не ленинградское, был пляж из белейшего песка, такого белого, что глаза начинало ломить, если долго глядеть на него. И было притихшее до поры море, прекрасное и таинственное.

Всё было. Только Андрюха запропастился куда-то — странный мальчишка с непривычной манерой разговаривать.

Витя огляделась вокруг, даже слезала на земляную крышу хибары, Никого! А вполне вероятно, что этот дуралей Жекете подстерёг его и так отлупил с друзьями, что Андрюха и прийти-то не может, С этого Жекете станется...

И чем тревожней делалось на душе, тем сумрачней вокруг. Вите вдруг показалось, что вот-вот хлынет дождь.

Это было глупо — откуда ему, дождю, взяться! Солнце пекло как нанятое. Андрюхи всё не было.

Витя забралась на крышу мазанки и задумалась, глядя на море. Что для него годы, десятилетия, даже века! Мгновение...

Но философствовать ей не дали. Кто-то деликатно кашлянул за спиной. Она резко повернулась и увидела улыбающегося Андрея.

Он сидел в любимой своей позе — сложив ноги по-турецки, голова чуть откинута. Левый глаз превратился в узкую щёлочку, здоровенный синяк закрывал его. На правой скуле красовалась подсохшая уже ссадина,

— Слушай, — сказала Витя, — с твоими кошачьими манерами ты меня когда-нибудь до смерти перепугаешь. Я никакого даже слабого звука не слышала.

— Ты просто задумалась. А тут ещё море шумит — понятное дело. Я специально кашлянул. А вообще-то, попробуй тебя испугать! Да ещё до смерти! Ты эти сказки кому-нибудь другому рассказывай. Здравствуй!

— Здравствуй! С Жекете подрался? Пятак прикладывал? — деловито спросила Витя,

— Пятака не было. Три копейки прикладывал. А потом

ещё бодягу на постном масле. Послезавтра и не заметит никто. Дело проверенное.

— Будешь рассказывать, из-за чего сцепились, или не будешь? — так же деловито спросила Витя,

— Надо было, — коротко ответил Андрей.

Витя кивнула головой, и на этом разговор об Андрюхиных «украшениях» был окончен.

Без сомнения, Витю, как и всякую девчонку, снедало любопытство, но она изо всех сил сдержалась и больше никаких вопросов не задавала.

Андрею всё больше и больше нравилась эта девчонка — никаких охов, ахов — нормальный разговор. Ему было даже чуточку обидно, потому что драка была из-за неё. Федька позволил себе развязать длинный свой язык и сказал о ней парочку слов, которых говорить не следовало. С этого всё и началось. А она — ни полсловечка, будто из-за неё каждый день дерутся и получают фингалы под глазом. Деловитый вопрос, деловитый ответ. И все дела. Иной мальчишка и тот не выдержал бы — подавай ему подробности.

Нет, это удивительная девчонка была — парень что надо!

И спокойствие — прямо-таки королевское или олимпийское — как там говорится... Просто здорово. Все бы девчонки были такими!

«Нет, — тут же подумал Андрей, — не надо, чтобы все. Пусть будет одна такая — Витя».

Знал бы он, как она металась утром! Как ей хотелось плакать, даже солнечный день казался сумрачным.

Но он не знал.

И неизвестно — хорошо это или плохо.

— Сегодня выходной, — сказала Витя. — Папка разрешил что угодно делать. Купаться, рыбу ловить, на лодке плавать. Ты покажешь мне город?

Андрей на секунду замялся. Не больно-то приятно разгуливать по родному городу с такой физиономией.

Он замедлил с ответом на одно мгновение. Но Витя поняла его.

— Город никуда не денется. Можно и в другой раз. Ты научи меня «юлить», ладно?

— Ладно, — обрадовался Андрей,

И Вите была приятна его радость.

Друзья

От автора (продолжение)

Во все времена мальчишки остаются мальчишками. И не удержаться им от проказ. Но жизнь идёт своей чередой, и ребята семидесятых годов отличаются всё-таки от своих сверстников годов сороковых. Я расскажу вам пару историй из повседневной жизни Костика и Стаса, будущих археолога и капитана дальнего плавания. И ещё я расскажу о дружбе, которая ценилась и будет цениться во все времена.

Через неделю мама Костика успокоилась. Ничего страшного не случилось.

Костик и Стас были начеку, но Генка не показывался.

А остальных они не боялись. Когда они бывали вдвоём, победить их было трудно.

Славка и Оська с компанией как-то попробовали отколотить их, но Костик и Стас стали спина к спине, и как на них ни насакивали, ничего не вышло.

Тем более, что самый опасный для них враг — Володька — в нападении не участвовал.

Костик вообще заметил, когда Стаса ещё не было, что Володька если и принимал участие в стычках с ним, то только для виду, чтоб от своих дружок не отстать. Костик это точно знал, потому что в самом начале жизни на этой улице, когда Володька всерьёз дрался, не было для Костика врага опаснее.

Володька был увёртливый, смелый и какой-то нечувствительный к боли.

Костик давно уже заметил, что он как-то странно поглядывает на него, смущённо как-то, и улыбается.

Ему казалось, он давно бы подошёл, просто так, по-хорошему, но боялся — дружки станут смеяться, начнут дразнить. Правда, он бы их быстренько усмирил, но брата Оську боялся.

А Оська был один из самых заклятых врагов Костика. Так, по крайней мере, казалось Костику и Оське.

Но когда приехал Стас и Костик с ним стали разлей вода — ни днём ни ночью не разлучались, — Володька совсем загрустил.

Костик про свои наблюдения Стасу сказал. Стас подумал и говорит:

— Он, — говорит, — ещё не созрел, этот Володька. Пусть ещё походит один. Ему же скучно с этими дураками. Пусть он ещё докажет чем-нибудь, что он нам не враг, что он дружески настроенный человек.

Уже тогда, совсем ещё мальчишкой, Стас был умным и бывалым человеком. Его отец и мать были

наладчиками. Мастерами высокого класса, специалистами по судовым установкам. И потому Стас с ними все моря объехал, многое повидал, ума поднабрался.

А сюда они приехали налаживать завод, автоматическую линию. Немцы, когда уходили, завод взорвали, а наши сейчас его восстанавливали днём и ночью, и автоматическая линия была сердцем завода.

Поэтому Стасовы *мама* и папа с завода не выходили. Они там даже ночевали иногда, а Стас спал у Костика.

Его родители были славные — молодые, хохочут часто. Они были рады, что сын нашёл себе друга. Да и какие родители не радовались бы такому!

Маме Костика тоже нравились родители Стаса. Они приходили познакомиться. Только мама Костика загрустила, когда они ушли. Даже слёзы на глазах выступили. Заперлась у себя в комнате, а когда вышла, глаза у неё были красные.

Костик знал отчего. Опять, наверное, вынимала из шкафа карточку отца.

Она иногда разговаривала с отцом на карточке. И плакала. Костик один раз случайно увидел. Она тогда смутилась, прижала его к себе, стала целовать. И говорить, говорить — быстро так обо всяких пустяках, о неважных делах. Словно Костик ничего не понимал... А у него тогда слёзы навернулись на глаза, потому что понимал он её слишком даже хорошо.

Она очень боялась за Костика, у неё никого на всём свете больше не осталось. И у Костика никого — только она, мама. И теперь Стас.

А как это замечательно — иметь друга!

Жизнь пошла совсем другая — интересная. Как они ему надоели, эти бессмысленные, беспричинные драки! Это только в плохих книжках мальчишки обожают драться. У него же было просто безвыходное положение. Кому охота прослыть трусом! Легче всего сказать, что это ложная гордость, ложная храбрость, но для двенадцатилетнего мальчишки

это просто храбрость, просто гордость. Безо всякого словечка «ложная». Это самоутверждение.

С едой стало получше. Азовское море очень рыбное. Стас научил Костика без удочки рыбачить. С обыкновенной вилкой.

Идёшь вдоль берега и шарить под камнями рукой. Там бычки, налимы прячутся в щелях.

Нащупаешь вилкой — раз! — и в сумку. Иногда даже сомята маленькие попадались. Или раки.

Азовское море пресное, крабов в нём нет, а раки водятся. Как в озере или в реке.

Только с этими раками надо осторожно. Клешни у них — не приведи господь! Надо их за спинку хватать. Они злятся, хвостом щёлкают, клешнями шевелят, а сделать ничего не могут.

А если промахнёшься, тогда держись. Один такой зелёный, страшный, как крокодил, изловчился — и цап Костика за указательный палец! Такая боль — хоть криком кричи. Он бы и заорал благим матом, если б Стаса рядом не было, если б перед ним не было стыдно.

Сразу пошла кровь, рак продавил мясо на пальце до кости. И держит. Только глазами своими выпученными вертит, будто они у него на ниточках.

Костик ему хотел сразу же клешню отломать, но Стас не велел. Он в этом деле разбирался, его тоже однажды хватанули. Только не рак, а краб. Стас велел Костику не шевелиться, терпеть — тогда, говорит, рак отпустить начнёт помаленьку.

Легко сказать — не шевелиться, если боль такая, что глаза на лоб лезут, становятся вроде рачьих.

Но Костик губу закусил и терпел. И верно — помаленьку рак стал отпускать.

Весь фокус был в том, чтобы выбрать момент, когда рак отпустит достаточно, и тогда резко рвануть палец.

Всё было бы, наверное, хорошо, если б Костик не поторопился. А может, и рукой недостаточно дёрнул. В общем, рванул он палец, да только рак успел ухватиться самыми кончиками клешней, которые, как известно, самые острые.

Ну, тут уж он не выдержал — так завопил, что чуть горло не порвал. Чувствует — трещит его палец, и всё тут — вот-вот этот зверь напрочь отгрызет злосчастный палец.

Отломал он ему клешню — не отпускает, чертяка!

Но теперь между хваталками клешни щель хоть образовалась. Сунул туда Стас гвоздь и разломал их.

Кровища хлещет, Костик носом хлюпает, покусывает, а Стас от растерянности бежит по берегу и что-то бормочет.

Но это только казалось, что он просто так бежит. Он подорожник искал.

Нашёл, оторвал листок, вымыл его в воде, потом укушенный посинелый палец вымыл, обернул его, а сверху леской прикрутил.

На всю жизнь у Костика шрам остался.

Вот какое дело — раков руками хватать.

Раз ловили они их, бродили по колено в воде вдоль берега и вдруг видят издали ещё — сидит какой-то человек на камне у самого краешка моря, делает что-то непонятное: черпает воду ладонью и льёт себе за пазуху.

Когда ребята подошли поближе, Костик вздрогнул и остановился. Это был Генка. Но какой-то странный. Куда только и девалась его наглость.

Он сидел на корточках, красномордый, губы распустил и скулит — жалобно так.

Потом мальчишки поняли — он пьяный совсем, потому что его здорово качало, даже на корточках.

Но когда они подошли поближе, Костик ужаснулся. И Стас тоже. Рубаха у Генки была распахнута, а грудь и живот покраснели и вспухли, как подушка.

И сквозь эту красноту виднелись странные какие-

то переплетения голубого цвета, линии какие-то, слова — татуировка.

Вдоль линий и слов выступали капельки крови.

Генка зачерпывал ладонью воду, прикладывая мокрую руку к татуировке и тихо пощипывал,

Костик так оторопел, что даже забыл про их драку. Ему его очень жалко сделалось, просто по-человечески жалко. Боль, наверное, была невыносимая. Константину Николаевичу до сих пор жаль этих чудаков, которые позволяют себя татуировать.

Костик поставил корзину с раками на краешек камня рядом с Генкой, подошёл вплотную и спросил почему-то шёпотом:

— Генка, кто это тебя так, а?

Парень медленно повёл в его сторону красными воспалёнными глазами, бессмысленно промывчал что-то и затряс головой.

Но вот глаза его прояснились, он узнал Костика. Минуту он раскачивался в той же позе, очевидно ему просто необходим был кто-то, на ком можно было сорвать злость за свою дурость. Он вдруг вскочил и изо всех сил трахнул своим сапожищем по корзине. Раки, плоды долгих трудов — ужин Костика и Стаса — веером полетели в воду.

А Генка зарычал, хрипло выругался и ринулся на Костика. Это было так неожиданно, что тот растерялся. Он перепуганно вскинул руки к лицу и попятился.

Он даже не сообразил, что надо удирать. Генка потянулся уже к нему своими ручищами. Но тут сбоку спокойно шагнул Стас и подставил ногу.

И Генка на всем бегу грузно грохнулся оземь — вернее, о плоские камни пляжа.

Он захрипел что-то, а Костик и Стас, забыв про корзину, бросились со всех ног вверх по откосу.

Они так улепётывали, что казалось, не бегут, а летят по воздуху.

И только когда ноги у них стали заплетаться, а сердце разбухло в груди и, казалось, вот-вот лопнет, они остановились.

И дышали, дышали со всхлипами. Тяжко, как запалённые кони.

Когда отдышались, Костик подошёл к Стасу и молча стиснул ему руки чуть повыше локтя.

Чего уж тут говорить было, Стас и так всё понял. Он смущённо пробормотал:

— Да ладно тебе... Брось... — Он помолчал, потом добавил: — Ах, раков жалко, и за корзинку от твоей мамы влетит...

— Не влетит, Стас! Ей-богу, не влетит. А раков мы ещё наловим!

Так окончился один из многих дней лета сорок шестого года, а потом настали другие в веренице долгих дней детства.

Вернулся домой Володькин и Оськин отец, фронтовик, танкист. Его демобилизовали, наконец дошла и его очередь.

И оказался он человеком настоящим — суровым и твёрдым в словах своих и решениях.

Он быстро навёл дома порядок. Запретил жене ходить на толкучку. А Оське, после первого же раза, как услышал, что он называет Костика и Стаса «кацапами» и «пришлыми москалями», устроил такую выволочку, что Оська вопил на всю улицу.

Костику и Стасу даже жалко его стало, долговязого дурака, когда он визгливо кричал не своим голосом: «Ой, папочка, ой, миленький, да не буду же ж я никогда больше, ой, не надо, ой, прости, пожалуйста!»

А отец стегал его и что-то тихо приговаривал: учил уму-разуму.

Вправлял мозги через зад, как выразился Стас.

Костик и Стас подошли к окошку и заканючили:

— Не надо, Иван Демьянович. Мы его прощаем. Не надо больше. Он не будет. Если надо, мы его сами поколотим.

— Ну, благодари ребят, Оська, что они такие добрые, — сказал Оськин папа и отпустил сына. — Я, подлец ты этакий, Москву в сорок первом грудью оборонял, кровь там пролил, а ты людям «москали пришлые» смеешь говорить! Ишь ты, казак какой

выискался! Геть отседа, чтоб духу твоего не было. Ещё услышу — напроць уши откручу с головой вместе...

Суровый был мужчина Иван Демьянович, серьёзный.

Оська, шмыгая носом и подтягивая штаны, быстренько юркнул в дверь и, потирая зад, кинулся бежать.

Вражда сама собой прекратилась.

Как было сказано, Володька давно уж поглядывал на Костика и Стаса с завистью. Жизнь их казалась ему многоцветной и таинственной. Да и кому не завидно, если у человека есть верный Друг, а

у тебя нету. А Оська стал тише воды, ниже травы, ходил за ребятами хвостом и помалкивал.

В конце улицы жил поп. Самый всамделишный, долгогривый, в рясе. Действующий поп.

Дом у него был — хоромина.

Двухэтажный, кирпичный, за высоченным каменным забором с коваными воротами.

По верху шли, будто противотанковые надолбы, вмазанные в цемент острые осколки бутылок.

А самое главное — был у попа, как все говорили, самый лучший в городе фруктовый сад. Чего там только не росло!

Людская молва, конечно, преувеличивала. Поговаривали чуть ли не о бананах и финиках! Ерунда, конечно. Но сад действительно был всем садам сад.

Они подглядывали в щёлку между створками ворот и видели ломающиеся от плодов деревья.

И самое завлекательное то, что, как утверждала та же молва, ни одному ещё мальчишке в городе не удалось пробраться в этот сад.

Сторожил его здоровенный мрачный мужик с ружьём, заряженным солью. Мужик был косматый, заросший до глаз свирепой бородой и к тому же немой. Что ещё больше придавало ему таинственности.

Сад тянулся от улицы до высокого глинистого обрыва над морем.

А вдоль самого обрыва сад защищала непролазная живая изгородь из каких-то высоких кустов, сплошь усеянных здоровенными, в палец длиной, колючками. Через эту изгородь пробраться было трудней, чем через забор.

Поп был хитрый — каменная ограда давно бы свалилась в море, а корни кустов надёжно укрепили обрыв, не давая ему двигаться дальше, к саду.

Поп был холёный и смазливый.

Поговаривали, что при немцах какие-то молебны служил, и вообще был он мальчишкам несимпатичен.

Во время церковных праздников — а было их бесщётное количество — у его калитки выстраивалась целая очередь сухоньких злых старушонок и всяких тёмных необразованных молодаяк.

И все верующие несли дары. Яйца там, сало, кур, уток (иногда живых), пироги и прочие недоступные ребятам изумительные вещи.

Поп сам не брал всю эту снедь, не снисходил.

У калитки обычно становилась дебелия попадья, небрежно, будто одолжение делая, брала у верующих дары и передавала домработнице. А та, перегибаясь от тяжести, таскала битком набитые корзины в погреб.

Ребята глотали слюни, глядя на это сытое великолепие. Симпатии их к попу отнюдь не увеличивались. Известное дело — сытый голодного не разумеет, и наоборот.

В общем, как вы уже догадываетесь, сам бог велел мальчишкам обтрясти знаменитый поповский сад.

Но сделать это было ох как нелегко! И стали они разрабатывать план.

Через забор не пробраться — это ясно.

Оставалась живая изгородь.

Стас предложил сделать подкоп. Сперва они на это клюнули. Стас говорил, что они будут как революционеры или как граф Монте-Кристо. Но, поразмыслив, подкоп мальчишки категорически отвергли. Всё решили ножницы Оськиного и Володькиного отца. Он у них был кровельщик. Здоровенные такие ножницы, надёжный рабочий инструмент.

Но тут тоже была закавыка: днём отец ножницы уносил с собой на работу. Пришлось выстригать лаз в живой изгороди ночью.

Ножницы оглушительно щёлкали, каждый миг ребята замирали — не услышал ли сторож, потому как слух у него был отличный, хоть и немой он. Об этом вся улица знала — бывают такие люди, называются слухонемые.

Проклятые иглы нещадно кололи пальцы. Но мальчишки работали упрямо и целеустремлённо.

Один Оська попытался было увильнуть, но тут, к всеобщему изумлению, Володька вдруг рассвирепел и так треснул по шее своего старшего брата, что тот отлетел на метр.

Поражённый Оська вытаращился на брата, колебался мгновение — и этого мгновения хватило, чтоб власть переменялась. Отныне главным из братьев стал Володька.

Надо отдать ему справедливость — в отличие от Оськи и многих других деспотов в мировой истории Володька вёл себя прилично, не злоупотреблял властью.

Трудились три ночи подряд. Лаз должен был быть достаточно широким, чтоб в него мог пролезть каждый из заговорщиков, и вместе с тем достаточно узким, чтоб его не заметили поп и его челядь. Дыру замаскировали — заткнули пучком травы.

И вот настал великий день, Вернее, ночь.

Осторожно, цыкая друг на друга и прикладывая пальцы к губам, мальчишки подобрались к лазу, вынули траву и перевели дух.

Было жутковато. Казалось, кто-то притаился в темноте и следит за ними насмешливым глазом. Они мялись, отворачивались друг от друга, никому не хотелось лезть первому.

Наконец Стас вздохнул, отодвинул Оську и полез в лаз.

Ноги его пару раз судорожно дёрнулись, и он исчез.

За ним двинулся Володька, потом Костик. Последним, через несколько минут — Оська.

Всё было спокойно. Луна заливала сад жидким неверным светом. Подозрительно дрожали тени деревьев. Было тихо-тихо.

Костик наступил на сухую ветку, она оглушительно треснула — и тут же все бросились на землю.

Подождали. Никого.

Поползли дальше. Каждый выбрал себе дерево по вкусу.

Костик, например, стал набивать пазуху изумительными, огромными жёлтыми сливами.

Стас облюбовал грушу. Что делали Володька и Оська, Костик не видел. Каждый изо всех сил старался не шуметь. Веток не ломали, не трясли, а осторожно срывали плоды.

Пазухи были уже полны. И Костик вдруг подумал, что в расчёты вкралась ошибка.

Как же они пролезут через узкий лаз такие

разбухшие от добычи? Но он не успел как следует обдумать этот вопрос — раздался треск на весь сад, и затем что-то громко шлёпнулось оземь.

Это под Оськой обломилась ветка груши, на которую он взобрался. И Оська сверзился вниз...

В тот же миг послышался тяжёлый топот, сопенье, заметался по саду луч фонаря.

В голубоватом свете луны Костик различил огромную лохматую фигуру с ружьём. К ним бежал немой.

Мальчишки брызнули во все стороны и понеслись к лазу.

А сзади раздалась вдруг хриплые и яростные ругательства.

Костик и Стас так изумились, что на миг замерли на месте. Вот так немой!

Но раздумывать об этом было некогда, и они понеслись дальше.

Костик увидел, как Володька, а за ним Стас с разгона шмыгнули в дыру, и тоже, не раздумывая, со всего маху нырнул в лаз головой вперёд, как в море.

Он кубарем скатился вниз с высокого глинистого обрыва.

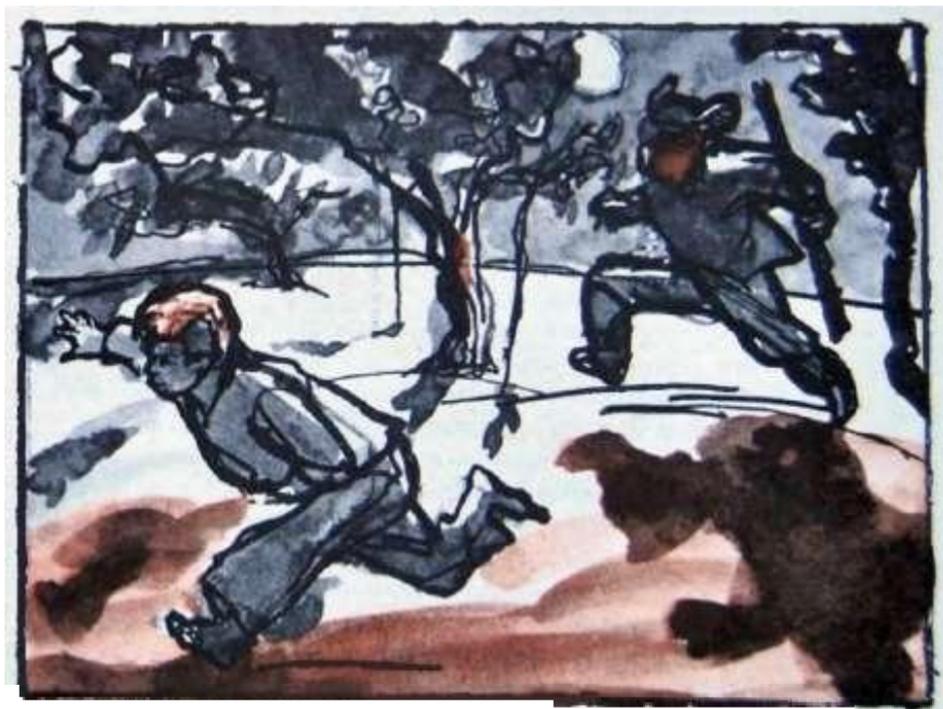
И тут же наверху раздался глухой грохот выстрела и тонкий, какой-то заячий, крик.

Со всех ног ребята бросились бежать. За пазухой у Костика была липкая мокрая каша.

Сливы лопнули, и теперь в штаны медленно тек сладкий сливовый сок.

Они подбежали к воде перепуганные, загнанные.

Ясно было, что Оську поймали, а может, что и похуже случилось с ним. Каждый боялся заговорить об этом, все только переглядывались и тут же прятали друг от друга глаза. Слишком ясно слышали

выстрел и крик, чтобы можно было надеяться на ошибку.

Костик вытащил из-под ремня рубаху, вывалил слипшийся ком бывших слив, разулся и полез в море мыться.

У Стаса тоже многие груши помялись.

Только Володька оказался умнее всех: его яблоки — твёрдые, сладкие, румяные — были целёхоньки.

На гладкой воде дрожала жёлтая лунная дорожка.

Мягко шуршали мелкие пологие волны. Мальчишки сидели на песке, тесно прижавшись друг к другу, испуганные и тихие.

Никем ещё не высказанная мысль сковала их, обволокла страхом: «А вдруг Оську убили! Вдруг его насмерть застрелил фальшивый немой!»

Наконец Костик не выдержал.

— Пошли, — сказал он.

— Куда? — разом вскинулись Володька и Стас.

— Пошли к лазу. Поищем. Мало ли что? Может, он там... лежит.

Костик почувствовал, как Володька вздрогнул.

Они встали. Оказалось, что со страху удрали довольно далеко от поповского сада. Идти пришлось долго.

Наконец на четвереньках, осторожно, поднялись к лазу.

Там никого не было.

И в саду было тихо. Он будто вымер.

— Что же делать-то? — прошептал Володька.

— Может, его в плен взяли? Может, к попу уволокли раненого? — отозвался Костик.

— Вот что, — решительно сказал Стас. — Надо идти домой. К Ивану Демьяновичу. Всё ему рассказать. Надо Оську выручать.

— Ох, и будет же мне от папаши! — тоскливо протянул Володька.

— Перетерпишь, — сурово бросил Стас. — Это не шутки, когда в человека стреляют.

И все зашагали к дому.

Володькина тень с полной пазухой яблоч смешно извивалась на дороге.

Будто идёт маленький пузатый человечек. Этакий коротконогий толстяк.

Это было смешно, но никто не улыбнулся. Было не до смеха.

Просто-напросто было страшно.

Наконец они пришли и... оторопели.

В Володькином доме горел свет.

Подозрительно! вокруг окна тёмные, а у них иллюминация. «Худо! Совсем худо, — подумал Костик. — Раненого Оську принесли. А может... а может, убитого!»

Сердце его сжалось от предчувствия беды.

Володька отвернулся и закрыл глаза. Костик со Стасом медленно, крадучись подобрался к окошку, осторожно заглянули.

То, что они увидели, ошеломило и озадачило их.

Посреди комнаты, голый, в чём мать родила, сидел на корточках Оська и мочил в эмалированном, синем в крапинку тазу зад.

Видно было, что он заливается горячими слезами.

Лицо его было перекошенное, красное, по щекам градом катились слёзы. Он мелко подрагивал, и вода в тазу плескалась, ходила ходуном.

Рядом стояла его мать с растерянным лицом, гладила Оську по голове и что-то приговаривала.

А на кушетке, подняв указательный палец, что-то назидательно говорил отец — серьёзный человек Иван Демьяныч.

Сперва Костик и Стас ничего не поняли. Переглянулись. И снова прилипли носами к стеклу. И вдруг Стаська отошёл от окна и спокойно сел на землю.

— Ты чего? — сердито спросил Костик. Стас только мотал головой и не отвечал. Наконец он, запинаясь, проговорил:

— Оська-то... отмачивает... соль вытаивает...» Ему этот лохматый... солью в одно место всадил!

Костик вдруг почувствовал себя очень усталым — видно, такая уж была реакция на ночные

страхи: ранен, убит... А тут вместо этого — голым задом в тазу с тёплой водой. Всё-таки самое страшное для человека — неизвестность, если у него есть хоть капля фантазии.

А во всём виноват, как выяснилось позже, был сам Оська, То ли побоялся броситься с разбегу в узкий колючий лаз, то ли замешкался — трудно сказать.

Скорее всего просто растерялся.

Сам он говорил, что ему груш стало жалко, мять он их не захотел.

Случилось так: когда он последним подбежал к лазу, то не нырнул сразу, как все, а забегал вдоль изгороди, засуетился и только потом встал на четвереньки, просунул осторожно голову и плечи в дыру и полез.

Когда подбежал сторож, то увидел выпяченный зад, нахально торчащий из живой изгороди.

И он, не раздумывая, выстрелил из своей одностволки.

Тоже хорош гусь!

Зарядом соли Оську швырнуло под обрыв, и он с заячьим воплем покатился вниз.

Ребята в это время были уже далеко. Ну, а после, ясное дело, он, ничего не чувствуя, сгоряча бросился домой.

И только на полдороге невыносимое жжение сзади заставило припустить ещё быстрее, и когда он прибежал, воя, домой, терпеть уже не было никакой мочи.

Разобравшись, в чём дело, Иван Демьяныч усмехнулся и заявил: «Поделом вору и муки». И, помня свое боевое отрочество, усадил Оську голым задом в таз с горячей водой вытаивать соль. Потому что иным путём избавиться от неё нет никакой возможности.

Вот такая вышла история. А когда Оська падал с обрыва, пояс у него лопнул и замечательные, неповторимые поповские груши злорадно укатились.

Узнав это, Иван Демьяныч только презрительно хмыкнул.

Он потом обмолвился, что мальчишкой таскал эти груши ещё у поповского папаши — тоже, кстати, попа.

Так что приоритет в деле ограбления духовенства тоже рухнул, И это было обидно. И ещё то, что у всех троих оказались порванными сзади рубашки — колючки безжалостно прошлись по спинам мальчишек.

Но теперь не давал ребятам покоя поповский сторож — фальшивый немой. Было в нём что-то таинственное.

Какого, скажите, дьявола притворяться человеку немым, морочить людям без причины головы?

А раз причина есть — наверняка она важная и опасная.

И до чего же ловко он замаскировался! Взять хотя бы бороду — идёт за попом в двух шагах, несёт тяжёлую корзинку — понурый такой, голова опущена, ногами шаркает — ни дать ни взять, старик. А всё отчего? Оттого, что борода. Но сам-то здоровенный мужик, и, судя по тому, как несся он к лазу, мужик молодой.

А поп, выходит, покрывает, прячет! Ну и попик!

Больше всех горячился Оська. Он, как заговорит о стороже и попе, даже ругаться начинает. Лицо пойдёт красными пятнами, жилы на шее раздуются — и орёт:

— Обоих гадов к стенке надо! Хлоп! И чтобы ни с места!

— Ну сторожа-то ладно: его за то, что подсолил тебя, — посмеивался Стас, — другого-то за что? Вполне безобидный попик в юбке.

— Безобидный, да? Безобидный?! А кто молебны устраивал за победу германского оружия? Дядя, да?! Пособник он врага — вот кто он такой, твой безобидный попик!

— Вообще-то, он, конечно, тоже штучка, — задумчиво говорил Стас, и Костик согласно кивал головой. — Но, с другой стороны, если бога вовсе нету, то, выходит, чего у него ни попроси — фиг получишь, а? Ведь, наверное, не только этот поп за

немцев молился, а всё равно мы из фашистов дух выпустили. Выходит, молитвы его безвредные — просто от темноты, да ещё потому, что сам он не больно-то умный человек! А за это к стенке не ставят.

Ребята задумывались, медленно переваривая Стасовы соображения. Вроде бы и правильно говорит. .. Но всё же... Всё же не могли они согласиться с этой теорией. Враг есть враг, хоть и в юбке.

Оська был непримирим.

— Безвредные?! — орал он. — Ничего себе безвредные! Выходит, все против фрицев, вся улица, вся страна, а он за фашистов уговаривает?!

— Брось ты ерунду-то говорить, — вмешался Володька. — Прямо-таки вся улица! возьми Генки-ну мамашу — Губаниху! Да она такую торговлю при фрицах развела — ух ты! И ещё некоторых можно назвать, сам знаешь. Два полица с нашей улицы было. Их-то, подлецов, посадили, а родня осталась! А ты говоришь...

— Ты это брось, — разозлился Оська, — ты всю улицу не пачкай. Нашлась пара подлецов — и сразу вся улица. А ты братьев Спиваковых, партизан, которых повесили, которые в балке в братской могиле лежат, вспомни и многих других. А то — улица...

— А вы-то сами, — спросил тогда Стас, глядя прямо в Володькины глаза, — вы-то что делали, как боролись с врагом?

Володька покраснел так, что слёзы выступили, но глаз не отвёл.

— Да мы никак... Мы ж совсем шкеты были... Мы пару раз попробовали побороться, да только...

Он замолчал и махнул рукой. Оська сидел, опустив голову, и молчал, коленки его мелко вздрагивали.

— Что «только»? — спросил Стас.

— Неважно всё получилось, поймали нас...

— Ты не тяни. Выкладывай-ка! — приказал Стас.

И Володька рассказал, что во время оккупации их две комнаты занял офицер с денщиком. Пришлось переселиться в сарай. Поставили буржуйку, стали жить. Только зимой сделалось так холодно — хоть ложись и помирай.

— Вот мы с Оськой и решили фрицев этих из нашего дома выгнать, — сказал Володька и усмехнулся,

— А как? — хором спросили Стас и Костик.

— Мы два раза пробовали. Сперва хотели дымом выкурить, лотом запахом. Первый раз всё хорошо получилось — мы из тряпок свернули плотный такой ком и в трубу засунули. Ну, дым, ясное дело, весь в комнату. Потеха! Выскочили фрицы, галдят, кашляют. Ну, думаем, здорово, наша взяла. Только ничего не вышло. Позвали печника. Он за тычку вынул.

Дураки мы были. Зря только насторожили немец... С тех пор денщик — тощий такой дядька, злой, будто голодный волкодав, — как увидит нас, кулаком стал грозить. Из-за того и попались во второй раз.

Володька снова замолчал. Костик со Стасом переглянулись.

— Ну? — спросил Костик. — Дальше-то с вами что было?

Володька поглядел на Оську.

— Рассказать, Оська? Ты как... не против? Ты сразу скажи.

Оська ещё ниже опустил голову.

— Да чего там, — буркнул он, — рассказывай, раз уж начал.

— Вы когда-нибудь карбидные лампы видали? — спросил Володька.

— Видали, — ответил Костик.

— Так вот — во время оккупации у всех эти лампы были; у фрицев покупали или выменивали. И карбид — такой голубовато-белый вонючий порошок. В картонных пропарафиненных ящичках. Мы и додумались: взяли бутылку — тоже немецкую, с такой фарфоровой пробкой, — насыпали до половины

карбидом и снова полезли на крышу. Там из другой бутылки налили в карбид воды, прикрутили пробку проволокой и на верёвочке спустили в трубу. Дане рассчитали. Только мы с крыши спустились, спрятаться ещё не успели, — ка-ак шарахнет в доме! Взорвалась наша вонючая бомба, Тут же денщик вылетел на крыльцо—и прямо к нам. И сцапал. Вот и всё.

— Как это всё? — возмутился Стас, — А дальше?

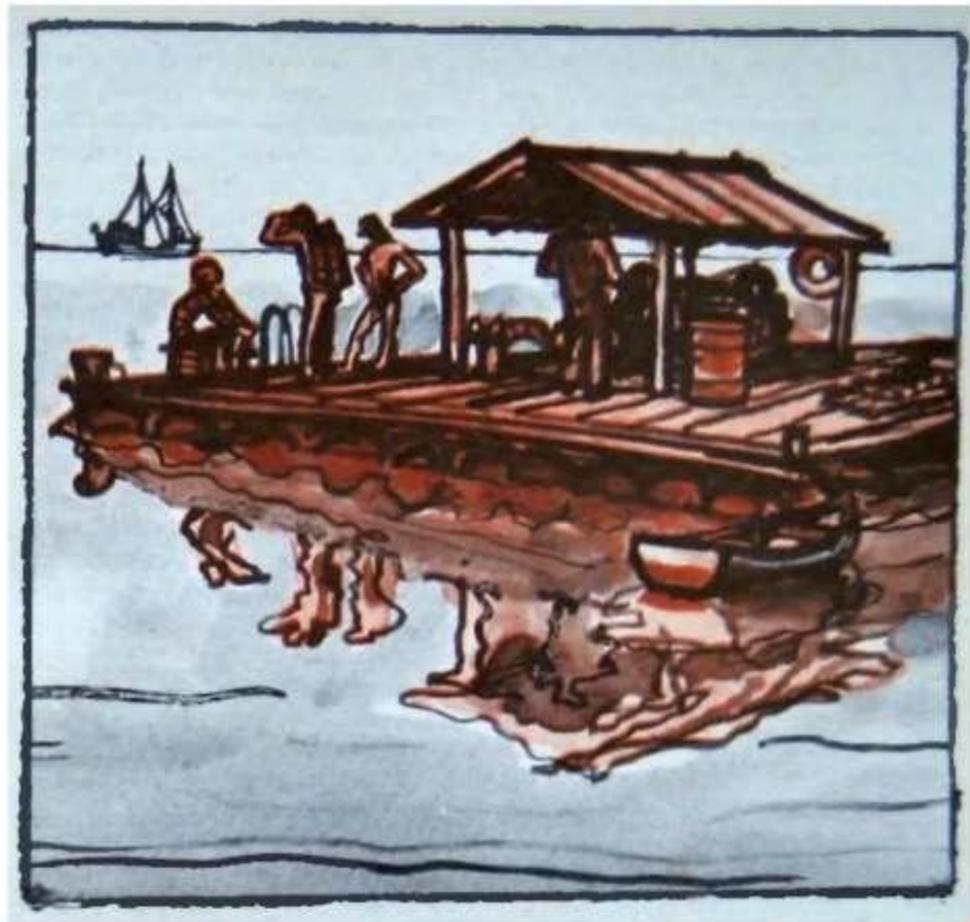
— Дальше неинтересное совсем. Дальше я уж и помню плохо—так перепугался. Офицер орёт, топаёт ногами, денщик за автомат хватается, мать наша плачет, на коленях просит, чтоб не убивали, а в дому дым, вонь и печка разворочена.

Володька снова умолк, крепко потёр лицо ладонями и быстро-быстро сказал:

— Порол нас денщик. Привязал к скамейке, штаны спустил — и ремнём, пока сознание не потеряли. Я-то после быстро отошёл, а вот он, Оська, почти год болел, людей боялся: думали, дурачком будет.

Костик уж собирался сострить было по поводу многострадального Оськиного зада, да удержался.

И до сих пор рад этому.

Глава пятая

ГОЛОВА ПРЕКРАСНОЙ БОГИНИ

От отца пришла телеграмма; «Дела задерживают. Два-три дня будете одни. Разрешаю работы при условии находиться под водой не более двадцати пяти минут. Андрей и Витя тщательно следят пузырьками воздуха водолаза. Рабочий день четыре часа».

В тот день Жекете с физиономией, разрисованной си-

няками почище, чем ритуальная африканская маска, демонстративно не замечал Витю и Андрея. В упор их не видел.

Он сидел на бухте каната и, перекатывая желваки на скулах, глядел в морскую даль. Одно ухо у него было толстое, как оладья.

— Вынашивает кошмарные планы мести, он тебе объявил кровную месть — вендетту, — шепнула Витя на ухо Андрею — и прыснула в кулак.

Андрей засмеялся. Жекете обернулся, уставился на них нехорошим взглядом, потом горько, как взрослый, усмехнулся и отошёл к насосу. А Андрюхе и Вите стало отчего-то так неловко, что и не скажешь.

— А ведь ему здорово худо, этому Жекете, — прошептала она.

— Будет худо с таким отцом, — тихо отозвался Андрей, — озлобился Федька. Ну, тут хоть понять можно. Папаша его до сих пор колотит. Сперва мать Федькину колотил, так что соседям приходилось вмешиваться. А Федьку мать лупить не давала. Вот её-то, пожалуй, Жекете любил понастоящему.

— Какой же человек не любит своей мамы? — серьёзно и печально спросила Витя. Она поглядела на худущего, сутулого Федьку и вдруг будто другими глазами увидела этого нескладного парня и впервые в жизни поняла много раз читанные в книжке слова: «душа защемила».

Витя и Андрей стояли у самого края плота, Серёжа и Олег готовили своё водолазное снаряжение — «сбрую», как они сами его называли, гремели баллонами со сжатым воздухом; гроыхал железом у насоса Семёныч. Так что разговоров Вити и Андрея Жекете не мог слышать. Но Вите всё время казалось, что он слышит каждое словечко, и это ощущение было очень неприятным.

— А где его мать? — спросила Витя.

Андрей помолчал немного, словно раздумывая — отвечать или нет.

— У неё было больное сердце. Она умерла. Давно уже, года два тому назад, — нехотя сказал он. — Вот с тех пор Геннадий Савельич и воспитывает Федьку. Всё больше кулаками. Моя мама вмешивалась, отец, когда бывал дома, соседи... Толку, правда, выходило совсем мало. Папаша его

одно твердил: «Мой, — говорит, — сын. Захочу — с кашей его съем».

Теперь они переехали, теперь не знаю, как там у них... А вообще-то, его все ребята на улице не любили. Он по-старше нас был. Сколько раз он мне уши надирал, когда я маленький ещё был. Как дёрнет — вот-вот напрочь оторвёт несчастные мои уши. А у самого они тоже полыхают или сияют под глазом — отец, значит, отлупил. Отца его больше всего бесило, что из Федьки ни слезинки не выколотить. А Федька забьётся куда-нибудь и ревёт, если думает, что его никто не видит. И ещё — не дай бог, кто-нибудь про его батю плохое слово скажет! Федька просто звереет. Я из-за этого чумового Жекете и самбо, и боксом стал заниматься — мало ли что ему в голову взбредёт, если он не в настроении...

— Ты и вчера с ним сцепился? — спросила Витя.

— Елена Алексеевна рассказала? — Андрей усмехнулся. — Только не я с ним сцепился, а он со мной. Он, когда у него с отцом нелады, с любым сцепится, хоть с самим Жаботинским. Ему тогда всё равно.

Витя задумчиво покусывала веточку акации.

— Бедный парень, — тихо сказала она.

— Я?! — удивился Андрей.

— Нет, Федька. Жекете.

Андрей опустил голову, хмуро проворчал:

— Погоди, сотворит он тебе чего-нибудь под горячую руку, будешь знать!

— Всё равно бедняга, — упрямо повторила Витя. — Остался без мамы, а отец, видно, фрукт ещё тот. Жизнь у парня сложилась — не позавидуешь.

Андрей промолчал, внимательно взгляделся в печальное лицо Вити.

— Может быть, ты и права, — неуверенно проговорил он.

— Конечно, права, — не допуская возражений тоном сказала Витя. — У тебя и у меня есть папа и мама есть. Поэтому мы Федьку не можем до конца понять. Он несчастлив, несчастлив, и мы должны относиться к нему бережно.

Андрюха потрогал свои синяки, вспомнил слова, сказанные Жекете о Вите, и всё в нём возмутилось,

— Значит, всё ему надо прощать? — зловещим голосом спросил он.

— По крайней мере, очень многое.

— Вот и прощай. А я не буду! И ты очень скоро не будешь. Помяни моё слово.

Витя не успела ответить. В это время на грунт пошёл Олег Прянишников, а кроткий Семёныч так рыкнул страшным своим басом на бездельничающего Жекете, что тот пулей бросился к насосу.

Сергей Васильевич подошёл к решётам на месте Елены Алексеевны, а Витя обязана была следить за пузырьками воздуха аквалангиста. Страховать его. Мало ли что может случиться! Море есть море. И лучше с ним не шутить.

Это не уставал повторять отец, а то, что говорил отец, всегда было для Вити истиной в последней инстанции. Андрей стоял возле Сергея. Через решёта шла всякая неисторическая дрянь. Очень скоро это ему надоело, и он сиганул с плота — купаться. Заменить Витю он должен был через десять минут.

Вот в эти-то десять минут всё и произошло.

Вместо мелких, регулярно появляющихся на поверхности пузырьков, которые выпускает водолаз, появился один здоровенный. Витя ещё не успела удивиться, как вслед за пузырьком вынырнула голова Олега.

Он вытолкнул изо рта загубник, подплыл к плоту и заорал:

— Выключите насос! Сейчас же!

— Что случилось-то? — взволновался Семёныч.

— Выключи, говорю, свою тарахтелку! — продолжал кричать Олег.

Это было удивительно — слышать, как всегда невозмутимый Олег Прянишников кричит чуть ли не на всё море.

Только веские причины могли заставить его повысить голос. И первый сообразил это Сергей, лучший Олегов друг. Он прыгнул к насосу — и стало тихо-тихо. Сергей неторопливо подошёл к возбуждённому Олегу, равнодушно спросил:

— Ну, что там у тебя случилось? Не иначе как цисту нашёл.

Олег отмахнулся рукой. Он всё ещё не мог прийти в себя.

— Там... там.,. голова, — произнёс он наконец.

— Медузы Горгоны, — продолжал подразнивать приятеля Сергей.

— Я вам говорю: там мраморная голова, — устало сказал Олег.

Вот тут действительно стало так тихо, что слышен был только суетливый плеск мелких волн, разбивающихся о плот.

Выскочил, будто его за шиворот выдернули, на плот Андрей.

Витя глядела по сторонам и поражалась, как по-разному воспринимали слова, сказанные Олегом, окружающие люди.

Сергей смахивал с лица несуществующую паутину, Жекете застыл на месте, челюсть его чуть отвисла, а глаза тускло блестели — он о чём-то напряжённо думал. Лица Семёныча не было видно, но побагровевшая шея была достаточно красноречива.

Витя едва только успела подумать, как же она сама выглядит со стороны, как взревел своим карабас-барабасовским бацищем Семёныч:

— Так чего ж ты здесь болтаешься, бушприт тебе в нос! Тащи её сюда!

— А ты не ошибся, Олежка? — необычно серьёзно спросил Сергей. — Там же ничего не видно.

— Я её ощупал руками. Я не ошибся, Серёжа, — так же серьёзно отозвался Олег.

— Что вы тут лясы точите! — возмутился Семёныч. — Тащи её на свет, и все дела. Тут разберёмся.

Оба практиканта так были взволнованы, что, казалось, вообще никого не слышали.

— Если ты уверен, её лучше не трогать до приезда шефа и Елены Алексеевны, — сказал Олег. — Надеюсь, ты всё оставил так, как было?

— В том-то и дело, что нет, — отозвался Олег. — Я сперва подумал — просто бульжник. Лежит себе во всём этом баракле, покрытом илом...

Рука Олега в толстой кожаной перчатке довольно выразительно показала, как он подгребает к шлангу насоса «баракло». Лицо его покраснело, на скулах резко обозначились желваки.

— Сам знаешь — там ведь темно, как...

— У негра в желудке, — с удовольствием подсказал Жекете.

Студенты переглянулись, усмехнулись.

— Юмор доисторический, — пробормотал Олег, но тут же увидел, что Федька разобиделся всерьёз, и попытался сгладить свои слова. — Брось ты обижаться, — сказал он, — юмор-то вещь бессмертная. Что-то часто ты обижаешься. По поводу и без повода. Для негритянского желудка ты созрел, а потому, если кто-нибудь из приятелей скажет тебе про него, отвечай с этакой небрежностью: «Приятно поговорить с человеком, который везде побывал». По крайней мере, у меня в твоём возрасте фраза эта действовала безотказно. А вообще-то обижайся меньше, мой тебе совет.

Сергей мрачно молчал.

Витя была дочерью археологов и потому знала, как важно не торопиться при любой, самой заманчивой находке.

Участок дна, где проводились работы, был разбит на квадраты, и в каком положении лежала находка, имело огромное значение для дальнейших поисков — указывало направление этих поисков.

А уж Олег знал это получше Вити.

— Понимаешь, — говорил он Сергею, — я обрадовался, отпустил шланг. Он тоже обрадовался и запрыгал, заизвивался как сумасшедший, поди поймай его. Единственное, что я сделал толкового — засёк квадрат, где была находка.

— Шланг им помешал! Ишь, деятели! — заворчал Семёныч, который не допускал, чтобы обижали механизм, на котором работал. — Плохому танцору ноги мешают, понял? — ехидно добавил он.

— Ну чего там, Семёныч, шланг тут ни при чём, я сам виноват, — сказал Олег. — Сам и отвечать буду.

— Ты хоть заметил, как эта голова лежала? Ну, хотя бы где шея, где макушка? — спросил Сергей.

— Нет, не заметил, — Олег начинал злиться.

— А коли ничего ты не заметил, тащи её на свет божий, — сказал Семёныч, — семь бед, один ответ.

Олег виновато поглядел на Сергея.

Тот махнул рукой.

— Ох и влетит нам от шефа, ох и влетит! Но Семёныч прав. Если умудрились надеть столько ошибок, давай хоть поглядим на твою находку, — сказал Сергей.

Олег натянул маску, сунул в рот загубник акваланга и нырнул.

И на плоту всё притихло, пришло нетерпеливое ожидание. То самое, когда каждая секунда умудряется растягиваться словно резиновая,

Витя быстро оглядела всех — ни одной похожей позы, ни одного похожего выражения лица. Каждый ждал по-своему. Сергей стоял, вцепившись в поручни, изо всех сил сжимал челюсти. Семёныч возился с насосом, делал вид, будто ему это вовсе не интересно, но взгляды, которые он исподлобья бросал на воду и то место, где должен был появиться Олег, красноречиво говорили, что Он, как и все, помирает от любопытства и нетерпения.

Двое ожидали открыто, и характер каждого был отчётливо написан на лице.

Жекете стоял с приоткрытым ртом, жадно уставившись за борт.

Андрей подошёл к самому краю плота, пристально и спокойно следил за пузырьками воздуха, которые оставляет за собой аквалангист.

«А я? Интересно, как же я выгляжу со стороны? — снова подумала. Витя. — У меня ведь от любопытства всё внутри обрывается, а я за другими подглядываю. Хорошо это или плохо? Может, я бесчувственный человек, лягушка холодная?»

Но вскоре ей стало не до мыслей о самой себе — слишком уж долго не появлялся Олег.

Первым не выдержал Семёныч. Швырнув паклю, которой вытирал руки, он подошёл к Сергею.

— Чего это он? Может, потерял? — тревожно спросил механик.

Все невольно подались за Семёнычем, плот угрожающе наклонился.

— А ну, по местам! — крикнул Сергей. — Перевернуться хотите? Там ведь видимость почти нулевая. Темно, как... — Он взглянул на Жекете и осёкся. Тот тоже ничего не сказал, хоть это и стоило ему немалых усилий — Витя видела.

Сергей улыбнулся. Он тоже заметил Федькины усилия.

— Олег ведь почти на ощупь ищет. И куда ж ей потерять-ся, — обернулся Сергей к Семёнычу, — теперь ей, голу-бушке, никуда не деться.

Будто только и дожидаясь этих слов, с громким пле-ском раздалась вода, показалась закрытая маской голова Олега.

Всем было видно: что-то тяжёлое мешает плыть аквалан-гисту. Он сделал несколько гребков одной рукой, вцепился в край плота, вытолкнул изо рта загубник.

Сергей бросился к нему, протянул руки.

— Осторожно, очень осторожно, Серёжа, — прохрипел Олег, — тяжёлая она, не урони.

Сергей стал на колени, опустил руки по локоть в воду, бережно вынул грязно-жёлтый с прозеленью неправильной формы шар.

Вновь опасно накренился плот — все бросились разгля-дывать находку.

На этот раз Сергей ничего не сказал, просто подхватил мраморную голову, отнёс её на середину плота, осторожно положил на сложенный в несколько раз брезент.

Все окружили её, разглядывали молча и долго.

Даже в таком виде, покрытая илом и многовековыми зе-леноватыми пятнами водорослей, голова была прекрасна. Тонкие живые черты лица, тяжёлый, волнистый узел волос на затылке, большие, необычного разреза глаза и ещё что-то неуловимое.

«Наверное, это и называется печатью высокого искусства и по ней узнаётся рука гениального мастера. И это недо-ступно ремесленнику, живи он двадцать три века назад или в наши дни», — подумала Витя и смутилась — она поймала себя на том, что думает словами отца — совсем недавно он говорил это о найденной мраморной руке. Но куда тут было руке! Куда ей...

Сергей склонился над головой и мягкой сырой губкой бережно снял верхний слой ила. Мрамор, там, где его не коснулись лишай водорослей, был похож на слоновую кость. Лицо очень юной, красивой и весёлой девушки, жившей в невообразимо далёкие времена, глядело на людей, скло-нившихся над ней.

На миг Вите показалось, что лицо это и впрямь живое.

Рядом стоял Андрияха, стояли растерянные, потрясённые Олег с Сергеем, хмурился Семёныч, тарачился, забыв закрыть рот, Жекете.

Краем глаза Витя видела всех. Мелькнула *печальная* мысль: вспомнят ли, увидят ли их люди через два столетия?.. Вряд ли. Не каждому выпадает такое счастье, такая удача. Девушке, изваянной в мраморе, просто неслыханно повезло.

Витя вновь взглянула на это необычайное, такое земное, словно знакомое лицо, и у неё стало горячо в груди, запершило в горле, на глаза навернулись слёзы.

Это были слёзы радости за ту неведомую ей девушку, которая, наверное, любила смеяться, бегать, плавать, любила прохладные матовые кисти винограда и сочный инжир.

Солнце слепило глаза, обливало горячей волной шею и плечи. Витя закрыла глаза и увидела ту далёкую девушку. Смеясь, она бежала по яркой зелёной траве меж толстых кряжистых деревьев. Одета она была во что-то лёгкое, развевающееся. Бежала она по склону, спускающемуся к морю — нестерпимо синему, не теперешнему, а на обломке скалы у самой воды сидел красивый, могучий старик, с лицом мудрым и добрым. Он глядел на девушку и ласково улыбался. Он любовался ею.

Наверное, это и был скульптор, который навечно, в камне оставил её людям.

Чего только не происходило на земле за это время! С ума сойти! Целые народы исчезали, будто их не было, что уж говорить о людях. Оставалось только то, что людьми было сделано. Да и то ничтожная часть созданного.

А ведь какому-то там царю-королю казалось, наверное, что никто его не забудет, станут восхищаться им далёкие потомки, как восхищались при жизни придворные подлизы.

А от него если что и осталось, так одна строчка в учебнике истории — родился тогда-то, умер тогда-то. И всё. Или неживой совсем памятник, который те же подлизы поставили по приказу своего повелителя при жизни его. Почему-то обязательно на коне.

Витя любила историю, мечтала стать историком и прочла не только школьный учебник. И ещё ей нравился памятник

Петру Первому, царю-работяге, которому просто некогда было думать о памятниках себе. Он работал. Но если подумать, то и бронзовый всадник, попирающий змею, глядящий на любимую Неву, по сравнению с головой этой девушки сделан чуть ли не вчера.

И главное, такая она живая... Интересно бы узнать, как жила эта девушка, что с ней стало и что потом происходило со скульптурой её. Ох, и историй же, наверное! Двадцать три — двадцать четыре века, две тысячи четырёхста лет! А может, и больше — так думают папа и Елена Алексеевна. Они определили это, глядя на монету. Наверное, так и есть.

И ещё неизвестно, сколько бы пролежала голова на морском дне, не найди её сегодня Олежек Прянишников...

Но всё равно она уже была, существовала, и кто-нибудь её наверняка нашёл бы. Не сегодня, так через сто, двести, а может, и тысячу лет!

И только сегодня Витя до конца поняла, каким интересным делом занимаются её родители.

Она и раньше знала об этом, но сегодня...

Сегодняшний день был особенный.

Вдруг кто-то осторожно прикоснулся к Витиному плечу. Она открыла глаза. На неё пристально и как-то непривычно глядел Андрей.

— Ты чего? — спросила Витя.

Андрей смущённо потоптался на месте, опустил глаза и вдруг быстро прошептал:

— Она здорово похожа на тебя.

В первый миг Витя не поняла, о чём это он. А когда до неё дошло, она покраснела, толкнула его плечом.

— Где твои глаза, Андрюха? Ты погляди, какая она красивая.

— Нет, похожа, — упрямо ответил Андрей. — Когда я вырасту, то стану скульптором, возьму самый красивый камень, и ты тоже останешься навсегда...

Он словно прочёл Витины мысли; он позабыл, что они не одни на плоту, и говорил громко, и голос его был ещё упрямее.

Витя огляделась. Во весь свой щербатый рот улыбался Семёныч. Улыбались Олег и Сергей.

Улыбки их были добры. Растерянно и удивлённо улыб-

нулся Жекете. Потом нахмурился, со злостью поглядел на Андрея и вдруг заголосил на весь залив дурацкую, дошкол-латскую ещё дразнилку:

— Тили-тили тесто, жених и невеста!

Андрей рванулся к нему, но Семёныч перехватил его могучей, в голубоватых узорах татуировки рукой. Тяжело повернулся к Жекете.

— Эх, и дурак же ты, Фёдор! Ну хоть плачь — какой дурак! А уже вон какой вымахал!

Жекете ничего не ответил, яростными рывками отвязал ялик и погрёб к берегу.

— Ой-ё-ёй, братцы, — пропел Олег, — что-то тут неладно! Не зря говорили: женщина на борту — жди неприятностей.

Лицо Вити сделалось высокомерным. Вздёрнув нос, она произнесла ледяным тоном, глядя в глаза Олегу:

— Надеюсь, что в ваши зрелые годы я буду умнее. Семёныч и Сергей расхохотались.

— Получил? — спросил Сергей. — И поделом. Так его, Витя! Язык у него без единой косточки. Сперва скажет, потом подумает.

Олег смутился, хотел что-то ответить, но Витя не стала слушать. Она легко прыгнула с плота и поплыла к берегу.

Витя не видела, что к мазанке, поднимая пыль, спускается газик отца.

Глава шестая
ПРО БОГИНЬ И ГРАНАТЫ

В дом вихрем ворвалась Елена Алексеевна и застала Витю за странным занятием: та задумчиво разглядывала мраморную руку богини и прикладывала к своей. Витина кисть была больше.

Увидев Елену Алексеевну, Витя смутилась, быстро положила мраморную руку на место — в деревянный узкий

ящичек, до половины заполненный ватой, Ящичек стоял на высокой, до потолка полке.

— Вот! Вот украшение всей нашей коллекции! — ещё с порога закричала Елена Алексеевна и потрясла над головой спичечным коробком, в котором (Витя знала это) находилась найденная недавно монета, знаменитый тритемоний, не похожий на все другие тритемонии.

Елена Алексеевна осторожно поставила коробок рядом с мраморной рукой и победоносно взглянула на Витю.

— Эксперты заявили, что не встречали ничего подобного! Это уникам, величайшая редкость, которая, возможно, сделает переворот в древнегреческой нумизматике.

Глаза Елены Алексеевны возбуждённо сверкали. Витя глядела на неё, и вдруг ей показалось, что она старше этой взрослой женщины, способной так волноваться из-за обгрызенного временем кругляка.

Елена Алексеевна нервно бегала по комнате, без причины переставляла всяческие предметы и всё время счастливо улыбалась.

И Вите стало завидно, как всякому человеку, глядющему на другого, увлечённого своим делом и счастливого этим своим увлечением.

— А где папа? — тихо спросила Витя.

Елена Алексеевна будто очнулась. Она остановилась, присела на стул. Энергично потёрла ладонями лицо, и теперь стало видно, как она устала.

— Он возится с машиной. Сейчас придёт.

— Боюсь, что ваша монетка теперь не самая интересная находка экспедиции, — сказала Витя.

Елена Алексеевна встрепелась.

— Что ты сказала? Вы нашли что-нибудь интересное?

Изо всех сил стараясь быть невозмутимой, Витя небрежно ответила:

— Так, пустячок. Олег нашёл голову богини. Она очень красивая.

— Что-о?! — Елена Алексеевна медленно поднялась со стула. — А откуда ты знаешь, что она красивая? Уж не скажешь ли ты, что Олег тронул её с места?

— Да. он вытащил её на плот.

Лицо Елены Алексеевны покрылось красными пятнами.

В это время вошёл отец. Улыбаясь, он подошёл к Вите, поцеловал, сунул в руки какой-то свёрток.

— Подарок тебе. Ну, как вы тут без нас? — спросил он.

Витя ещё не успела ответить. Елена Алексеевна, двигаясь как лунатик, подошла к нему и трагическим голосом сообщила:

— Константин, они нашли голову статуи и на радостях вытащили её на плот!

Отец нахмурился, поглядел на Витю.

— Это правда, Витя? — спросил он.

И Витя испугалась. Никогда ещё не видела она у отца таких глаз.

— Да. Но, понимаешь, папа, это произошло случайно, — пролепетала она. — Олег думал, что...

Но отец уже не слушал. Он стремительно вышел из дома, за ним поспешила Елена Алексеевна, позади семеня Витя и с ужасом думала, что Олегу и Сергею сейчас предстоят очень неприятные минуты. Она едва успела вскочить в ялик. Отец грёб яростно и молча. Лицо его было непроницаемое, застывшее какое-то.

И лица такого Витя ещё никогда не видела у него. Всякому было понятно, что от человека с таким лицом ничего хорошего ждать нечего.

Когда отец, молчаливый и слишком, как-то неестественно спокойный, выпрыгнул на плот, привязал ялик, помог выйти Елене Алексеевне, Вите показалось, что большому, весёлому Олегу хочется стать маленьким-маленьким, не больше муравья и спрятаться, забиться в какую-нибудь щёлочку.

С ней тоже случалось такое. Обычно в школе, когда палец учителя скользит по списку в журнале, а у тебя не выучен урок, и всё в тебе кричит: «Только бы не меня, только бы не меня!» — и хочется стать маленькой и незаметной. Витя ненавидела это унижительное состояние. И сейчас, глядя на Олега, на которого ещё совсем недавно злилась, почувствовала себя его союзником и готова была взбунтоваться против собственного отца. Она даже испугалась этого неожиданного чувства, но оно не проходило.

Сергей как-то слишком поспешно, суетливо стал показывать голову богини. Но отец взглянул на неё мельком, словно она и вовсе не интересовала его, не стоила его внимания, и застыл, молча уставясь в настил плота.

И все тревожно притихли. Казалось, вот-вот произойдёт что-то грозное, как взрыв.

От отца словно исходили гневные волны, и это чувствовали даже те, кто ни в чём не был виноват. Даже Семёныч, яростно протиравший промасленной тряпкой насос. Но Витя заметила, что трёт он одно и то же место, будто дырку протереть хочет, и ворчит, ворчит себе под нос.

Вот-вот должен был грянуть гром. Но он не грянул. И виной тому был Андрюхин отец, Станислав Сергеевич. Кто-то вдруг звонко закричал на берегу, замахал руками,

— Эй, на крейсере! — послышалось с берега. — Подать адмиральский катер! — Голос был весёлый и настолько не подходил к настроению на плоту, что сперва на шутника никто и внимания не обратил. А потом радостно завопил Андрюха:

— Это же батя! Он же сегодня в гости к нам собирался!

Отец поднял голову, взгляделся, и сперва слабая, потом всё более широкая улыбка появилась на его лице.

— Стас притопал, — пробормотал он. И все облегчённо вздохнули, потому что стало ясно — пронесло, грозы не будет.

Олег бросился к ялику, стал поспешно отвязывать цепь, но отец остановил его.

— Нет уж. Ты, первооткрыватель, подожди. Адмиральский катер подадут Андрей и Витя. Хорошо бы отправить с ними Елену Алексеевну. Ну да ладно, теперь её никакой силой от головы не оторвёшь, да и потонет наш катер на обратном пути. Четверых он не выдерживает, грузоподъёмность не та. Ну-ка, матросы, за дело!

Витя и Андрей прыгнули в уютную посудину. Андрей сел на корму с веслом, Витя — на среднюю банку¹.

— Здравствуйте, Витя! — В глазах у Станислава Сергеевича затаились смешливые чертенята. — Не ссоритесь с Андрюхой?

— Нет, — серьёзно ответила Витя, — мы дружим.

Она всё ещё была под впечатлением сцены на плоту.

Станислав Сергеевич мгновенно оглядел обоих, что-то прикинул для себя.

¹ Банка в шлюпке — это вовсе не банка с огурцами или персиковым компотом. Банкой моряки называют сиденье.

— Это хорошо, я очень рад. Но что-то больно вы сегодня серьёзные какие-то. Слишком что-то, сверх меры...

— Наоборот, мы очень рады. У нас прекрасная находка, — ответила Витя таким специальным голосом, которым полагается разговаривать с гостями.

— Нет уж, не обманете. Что-то случилось, — сказал Станислав Сергеевич. — Помимо находки. Ну да ладно, разберёмся. А знаешь, кого я сегодня встретил? — обратился он к Вите. Витя пожала плечами. — Ну-ка, дай, сын, поюлить. Я уж, наверное, разучился. — Станислав Сергеевич сел на место Андрея, взял весло — и лодка пошла, словно под мотором. Андрюха искоса взглянул на Витю. В глазах его была гордость. — А встретил я нашего попутчика. Покровителя искусств. Приглашал с собою, но он почему-то не пошёл, — сказал Станислав Сергеевич. — И вёл он себя как-то странно. Но, — Андрюхин папа сделал многозначительное лицо, — человек искусства, ему положено быть странным. Он стал ещё лохматее и, наверное, подумал, что его насильно будут угощать жевательной резинкой.

Витя и Станислав Сергеевич вспомнили эпизод в поезде и расхохотались. Вот такими хохочущими и пристали к плоту,

Витя сразу увидела, что отец всё-таки успел сказать кое-что Олегу, потому что лицо того по цвету напоминало первомайский флажок.

А Станислав Сергеевич мгновенно увидел мраморную голову своим всевидящим цепким взглядом капитана и умолк. Он поздоровался со всеми и тут же опустился на колени над головой богини.

Он долго разглядывал её, пристально, будто хотел запомнить на всю жизнь. Попытался дотронуться, но Елена Алексеевна, которая с того момента, как увидела Олегову находку, находилась в каком-то странном состоянии — потрясённая до того, что, казалось, ничего и никого не замечала вокруг, и в то же время настороженная до предела, — тихо вскрикнула:

— Не надо, Станислав Сергеич! Эти добры молодцы, — она показала рукой на Олега и Сергея, — и так уж натворили дел. А это чудо! Понимаете, чудо!

Станислав Сергеевич понимающе взглянул на неё, улыбнулся и медленно поднялся на ноги.

Витя расслышала, как он прошептал:

— Какая красота!.. Какая поразительная красота! Действительно чудо!..

— Правда? Я чуть не разревелась, когда увидела, — тихо сказала Витя.

— Ну, это тебе простительно. Девчонки любят поплакать, — не упустил случая подковырнуть Станислав Сергеевич.

Витя пристально поглядела ему в глаза. Они были добрые, и слова не показались ей обидными. То, чего она не спустила бы никому, Витя мгновенно простила Станиславу Сергеевичу, Стасу, любимому другу детства отца.

— Я не потому, что девчонка. Просто красиво. Я закрыла глаза и увидела её живой. Она смеялась и бежала по зелёной траве к такому синему морю, какого, наверное, и не бывает...

Станислав Сергеевич сделался серьёзным.

— Странно! Я тоже, глядя на это лицо, видел живую девушку. Талантливый человек высекал её из мрамора...

— Я и его видела... Такой могучий, добрый старик...

— Это Лисипп. Наверняка Лисипп. Теперь я в этом почти уверена, — сказала Елена Алексеевна.

— Ты погляди повнимательней, батя. Ведь она похожа на Витю, — вмешался в разговор Андрюха и смутился.

Витя хотела рассердиться, но ничего у неё не вышло. Ей было приятно и как-то по-особому радостно.

Станислав Сергеевич внимательно оглядел сына, Витю, едва заметно улыбнулся. Он обнял их за плечи, крепко притиснул к себе.

— Всё может быть, сын, всё может быть, Раз тебе так кажется, значит, так и есть.

Пока они разговаривали, отец Вити облачился в водолазные доспехи. Олег обстоятельно рассказывал ему, где лежала находка.

— Без моей команды насос не включать. Надеюсь, мать малость осела. А ты, горе-археолог, — обратился он к Олегу, — надевай-ка маску с трубкой, покажешь мне это место в натуре.

Отец проверил, как работает водонепроницаемый фонарь. Даже при свете яркого дня резко выделялся конус света.

— А я? Мне тоже хочется! Можно, и я с вами? — попросила Витя.

— Нет, дочка, там слишком илистое дно, — ответил отец, — любое неосторожное движение — и весь этот ил взлетит кверху. Ты не унывай, нанырнешься ещё.

Витя опустила голову, но тут же вскинула взгляд на отца.

— Хорошо, папа, — сказала она.

Это была работа, настоящая работа. И ещё — это была её первая экспедиция, и она понимала, что тут не до капризов.

Первым ушёл под воду Олег, сразу же за ним — отец.

Олег вынырнул довольно быстро, взобрался на плот, лицо его было обиженным.

— Прогнал, — буркнул он. — А сейчас там посветлее, и фонарь мощный, можно разглядеть дно.

Витя внимательно всматривалась в пузырьки отцова ак-валанга.

Они перемещались очень медленно — видно, отец тщательно оглядывал каждую пядь дна.

Балагурил на плоту Станислав Сергеевич, смеялись Сергей с Семёнычем, Олег только улыбался, никак не мог пережить своего непростительного промаха.

Андрюха отвёз на берег Елену Алексеевну, бережно прижимавшую к груди мраморную, бесценную голову.

Витя не заметила, как Андрей вернулся. Только почувствовав его дыхание рядом, обернулась, улыбнулась мимолётной улыбкой и снова уставилась на воду.

Отец всё кружил и кружил на одном месте.

И вдруг пузырьки воздуха быстро увеличились и на поверхности показалась голова отца. Одной рукой он резко сдвинул на лоб маску, выдернул загубник и молча изо всех сил поплыл на спине прочь от плота. Лицо его было таким напряжённым, что Витя испугалась.

— Всем на берег! — крикнул отец. — Семёныч, Андрей и Витя — в ялик! Олег и Сергей — вплавь, немедленно! Ты, Стас, останься.

Голос его был властным. Это был приказ — послушаться его было нельзя, невозможно просто. Случилось что-то скверное, из ряда вон выходящее.

— Быстро! — Голос отца торопил.

Пока Олег и Сергей натягивали ласты, Семёныч схватил Витю и Андрея и чуть ли не на весу потащил к лодке.

— Да что случилось-то? — растерянно спросила Витя,
— Значит, случилось, — быстро ответил Семёныч. — Зря такое не приказывают. А ну-ка, быстро!

Он мгновенно переменялся. Вся жизнь Семёныч проплавал на военных судах и не привык обсуждать приказы начальства. Старик понял! ему доверили ребяташек — значит, им грозила опасность.

Станислав Сергеевич тоже понял это.

— Шевелитесь, ребята, шевелитесь, — прикрикнул он на недоумевающих студентов, — дуйте на полной скорости!

Ялик уже отошёл, за ним прыгнули в воду и поплыли к берегу ребята-практиканты.

— В чём дело, Костик? — услышала Витя голос Станислава Сергеевича.

— Вот в чём, — ответил отец и поднял над водой вторую руку, в ней было что-то похожее на толкушку — какая-то штуковина на длинной ручке с утолщением на конце.

— Граната, — пробормотал Семёныч. — Немецкая. И как её только туда чёрт занёс! Они ведь, дряни, чем старше, тем опаснее.

Станислав Сергеевич тоже мгновенно определил неизвестный ребятам предмет — по этой части у него имелся кое-какой опыт.

— Давай к плоту! — крикнул он.

— Тут уникальный археологический участок. Если эта дрянь взорвётся, всё пойдёт прахом.

— Чёрт тебя побери с твоим участком, граната ведь прожавела, окислилась вся! — заорал Станислав Сергеевич. — А с плота можно зашвырнуть её подальше. Уж не хочешь ли ты повторить наш тот печальный опыт.

— А может быть, на берег? — спросил отец.

— Нет уж! Тут каждая минута дорога. И ты давай не гусарствуй. Плыви потихоньку сюда и, главное, не дёргай её, не тряс.

— Учи учёного, — отозвался отец.

Над водой звуки разносятся далеко и чётко. Витя и Андрей стояли, взявшись за руки, так им было легче. Они слышали каждое слово своих отцов, видели каждое их движение. Они боялись за них. Боялись так, как никогда в жизни не боялись за себя.

И в эти тягостные минуты они поняли, запомнили на всю жизнь, что нет ничего страшнее, чем видеть, как близким, родным, любимым людям угрожает смертельная опасность, и не иметь никакой возможности помочь им.

От такой же беспомощности метались на берегу Олег и Сергей, стоял понурив голову старый матрос Семёныч. А уж он-то больше всех понимал всю опасность происходящего.

Потом все увидели, как подплыл к плоту Витин отец осторожно передал гранату Станиславу Сергеевичу и тот быстро отошёл подальше, подождал, пока нагруженный баллонами друг его вылезет из воды. Только после этого Станислав Сергеевич широко размахнулся и швырнул гранату.

Она упала далеко от того места, где велись работы, и сперва всем показалось, что взрыва не будет.

— Скисло! — облегчённо вздохнул Семёныч.

И в тот же миг над поверхностью воды взлетел столб воды и ахнул взрыв.

Витя и Андрей восторженно заорали какие-то непонятные, нелепые слова. Рядом кричали Олег с Серёгой. И один только Семёныч задумчиво, с какой-то брезгливостью в голосе сказал:

— Сколько лет прошло, а выходит, жива была, гадина.

Молчали только Станислав Сергеевич и Витин отец. Да ещё Елена Алексеевна, которая так увлеклась находкой, что выбежала из дома, когда всё уже было кончено. Она близоруко щурилась на всех и ничего не понимала. Но делала это молча в отличие от большинства других людей, которые, не понимая чего-нибудь, засыпают всех самыми нелепыми вопросами. Честь ей за это и хвала.

А уже через час, когда Витин отец тщательно обследовал дно в районе своей зловещей находки и убедился, что граната эта была случайной, невесть как попавшей туда, Витя и Андрей забралась на свою любимую крышу. Разговаривать не хотелось, им хотелось подумать.

О том, как не надо глушить рыбу гранатами, о голубях, бескорыстии, благородстве и о многих других вещах

От автора (продолжение)

Я предлагаю читателю сделать скачок во времени и вновь вернуться в тот далёкий 1946-й, вновь взглянуть на отцов героев этой книжки. Прожить вместе с мальчишками того времени несколько дней и попытаться понять Костика, Стаса и их друзей.

Война, война...

Она ведь оставила свой след не только в душах людей. Там, где прокатился огненный её вал, разбросаны были следы вполне материальные, грубые: смертоносная её накипь — взрывчатка, мины, гранаты...

И многие мальчишки и девчонки гибли из-за извечного своего любопытства в те дни, когда на земле наступил уже долгожданный мир.

А ещё мне хочется сказать о людях, которые в кровавой борьбе с фашизмом сложили свои головы, чтобы принести остальным этот мир и счастье. Светлая им память!

И о благородстве я расскажу, и о смелости тоже. Потому что нет такого мальчишки и девчонки, в думах которых не жили бы благородство и смелость. Просто одним это удаётся доказать на деле, а другим нет. Другие только мечтают об этом.

В военное время за город, в котором происходят события повести, шли тяжёлые бои.

Отступая, красноармейцы несколько дней бились насмерть: Последний опорный пункт был на окраине, у Сухой балки. Горстка наших бойцов сдерживала полчища фашистов, рвущихся к морю. И красноармейцы выполнили свой долг, дали оторваться от противника нашим частям со всеми ранеными и оружием. Герои Сухой балки погибли.

Разъярённые немцы добились раненых заслونا и всех погибших бросили в эту самую Сухую балку, завалили камнями.

Потом... Потом началась война другая, тайная. Ни дня не чувствовали себя фашисты и их прихвостни хозяевами в городе, а при одном только слове партизан вздрагивали и хватались за оружие.

А было их, партизан, немало в городе, И ходили про них среди населения легенды, которые помогали жить, выстоять остальным людям во мраке оккупации.

Но, к сожалению, бескровных войн не бывает, а партизаны были такими же живыми людьми, как и все остальные. Только с бесстрашными сердцами и душами. Но даже самый смелый человек может

погибнуть. И сражённых пулями партизан оккупанты тоже бросали в Сухую балку.

Потом наши вышибли фашистов из города.

И тоже многие отважные красноармейцы сложили свои головы. И похоронили их всё в той же Сухой балке.

Но теперь это было сделано торжественно. Весь город провожал погибших бойцов-освободителей.

Страшная Сухая балка стала братской могилой, и во всякое время года люди приносят сюда цветы. А в день рождения Ильича там принимают ребят в пионеры. Так стало, так есть и так будет...

...Вокруг Сухой балки бескрайняя, заросшая ковылём степь, и в сорок шестом году великое множество всяческого военного хлама валялось в этой степи.

Сразу после освобождения города трофейные команды наспех собрали что могли, и Красная Армия ушла дальше — добывать фашистов.

Но всё оружие, конечно, невозможно было собрать. Гранаты, мины противотанковые, похожие на большие зелёные тарелки, и противопехотные (особенно противные немецкие «лягушки», которые подпрыгивали в воздух, если на них наступишь, и взрывались на уровне человеческого роста, брызжа осколками), винтовки, штыки, каски — всего этого осталось ещё вдоволь.

В полузасыпанных окопах, в густых ковылях, ржавые, покореженные, притаились остатки войны.

Притаилась смерть.

Да чего там далеко ходить — у Костика во дворе лежала неразорвавшаяся двухсотсотпятидесятикилограммовая немецкая бомба. Сапёры её выкопали, вынули взрыватель, а бомбу по каким-то неясным причинам так и не забрали.

И к ней привыкли, как привыкают к деревянной колоде или старому валуну.

Она лежала в углу двора. На ней сживали вечером старухи, лузгали семечки.

Её до блеска отполировали штанами и юбками.

А мальчишки прыгали с её искорёженного стабилизатора — кто дальше.

Но мальчишек интересовали гранаты, валяющиеся где-то в степи. Потому что они надумали глушить рыбу.

Время от времени в степи подрывались на минах. То лошадь взлетит на воздух, то корова, а то и человек. Ходить туда взрослые боялись. В те места, где проходила линия фронта.

Но мальчишкам всё было трын-трава. Мины? Ха! Даже интересней. Они находили оружейные снаряды, выживали оттуда артиллерийский, похожий на коричневые макароны порох, делали шутихи.

Только Костику и его друзьям нужны были гранаты.

Каждый из них был достаточно в этом деле образованным, и потому их интересовали гранаты противотанковые.

Были они, правда, тяжелы, но зато мощь их вполне устраивала.

И счастье мальчишек, что противотанковой гранаты они не нашли и им попалась обыкновенная лимонка.

Костик решил взять руководство в свои руки.

Они отправились подальше от города, в самую пустынную часть побережья.

Тяжёлая лимонка оттягивала Костику карман штанов, болталась там, била по ноге.

Он не поспевал за дружками и оттого злился.

Бодро вышагивал своими журавлиными ногами Оська, семенил, шариком катился рядом с ним Володька, крупно шагал Стас.

Костик плёлся позади.

Мельчайший белый песок шуршал под ногами. Слева плавилось под солнцем Азовское море. Справа высился глинистый обрыв берега. Было совершенно безлюдно и тихо.

— Хватит, — сказал Костик, — дальше не пойдём. Довольно.

Они неторопливо разделись, вошли в воду.

В правой руке Костик осторожно нёс лимонку.

По бесконечному мелководью мальчишки отошли от берега метров на двести, и только когда вода дошла самому маленькому из них, Володьке, до подбородка, остановились.

— Рыба ищет, где глубже, — назидательно сказал Костик. Он казался себе очень мудрым и хитроумным. Ему нравилось безропотное послушание соучастников. Он вёл их к богатой добыче, вёл уверенно, без колебаний.

Они остановились, и Костик изрёк:

— Как только брошу, сразу ныряйте. А то осколками побьёт,

И ни один из четверых, ни одна пустая башка не поняла всей чудовищной глупости его слов. Физики они ещё не проходили. Они были малограмотными малолетними авантюристами. На предложение Костика все согласно кивнули. Приготовились.

Он набрал в грудь побольше воздуха, сорвал чеку, изо всех сил швырнул гранату. И они нырнули.

Ну как далеко мог он, двенадцатилетний сопляк, бросить тяжёлую лимонку? Метров на пятнадцать, от силы на восемнадцать. Но каждый метр был важен. Очень может быть, что, швырни он её чуть поближе, случилось бы непоправимое — все так и остались бы под водой.

Что произошло дальше, каждый помнил смутно.

Как они выбрались из воды, как брели, спотыкаясь и падая, до берега, никто не помнил.

Из носа и ушей у них текла кровь, ноги были будто из картона, головы кружились, их жестоко тошнило. Они добровольно разделили участь рыб, оглушили сами себя.

Несколько часов все четверо обессиленно лежали на горячем песке, приходили в себя.

Мальчишки стонали, плакали. Им было больно и страшно, очень страшно.

Оська громко скулил, но остальным его скулёж казался тоненьким комариным писком.

Потом, вцепившись друг в друга, пошатываясь, будто пьяные, они побрели домой.

Несколько дней после этого Костик, Стас, Володька и Оська почти ничего не слышали.

Вот как глушили рыбу в Азовском море летом 1946 года.

Великая всё-таки наука физика. Но увы! Они её тогда ещё не знали. Многие, даже слишком многие для двенадцатилетних мальчишек знали они, всё сознательное детство которых пришлось на войну, а вот физику... нет, с физикой они ещё не успели познакомиться.

Через несколько дней они пришли в себя, но одна мысль не давала им покоя: зачем поповский сторож притворяется немым?

В этом была какая-то тайна, и она непрестанно мучила их.

Мальчишки извелись от любопытства. Но поповские ворота стояли закрытыми наглухо, а их дыру в живой изгороди закрывало густое переплетение

колючей проволоки, туго натянутой на два вбитых в землю кола.

Поп забаррикадировался, отгородился от мира, затаился. Но ребята чуяли, что в доме этом нечисто. И оказались правы.

Но об этом позже.

Улица, где они жили, была улицей голубятников.

Почти в каждом дворе, на каждой крыше прилепились ярко раскрашенные, аккуратные домики голубятен. Голубятники жестоко конкурировали. Они поднимали стаю в воздух упругим, пронзительным свистом, размахивали шестами, улюлюкали. Голуби взлетали всё выше, плавно парили в небесах — и это было красиво.

Но красота для голубятников была не главным. Смысл их действий состоял в том, чтобы заманить к себе чужих птиц.

Чужаки садились вместе со стаей счастливчика рядом с голубятней, ворковали, охорашивались перед голубками, распускали перья и хвосты, надувались, гордо вышагивали. Им, наверное, казалось, что они красивее всех. Поэтому и не замечали, как хозяин осторожно подталкивает их шестом в домик-ловушку. Но вот, упоённые собственным курлыканием, самовлюблённые красавцы переступали порожек голубятни, хозяин дёргал за верёвку, дверца захлопывалась — и птички оказывались в клетке.

Теперь, возбуждённый удачей, дрожа от азарта, голубятник вытаскивал пленников и совал их за пазуху.

С этого момента голуби становились товаром.

Иногда прибежал ограбленный, разъярённый хозяин. Скандалил. Иной раз доходило до драки. Но обычно неудачники безропотно приносили выкуп.

Если прежний хозяин не мог или по какой-то причине не хотел выкупать своих голубей, их продавали на барахолке.

Голубятниками были и взрослые и мальчишки.

Мальчишек все эти охоты, барахолка, Возмож-

ность без труда раздобыть деньги развращали мгновенно.

Стоило парню заделаться голубятником, и он разлагался быстрее, чем рыба на солнышке.

Казалось бы, вот только недавно был парень как парень, а завёл голубей — и сразу же появились у него какие-то таинственные дела с разными подозрительными личностями. Начинались перешёптывания по углам, жадность какая-то противная появлялась, настороженность — как бы не объегорили. Видно, Оськин и Володькин отец знал всё это достаточно хорошо. Возможно, на себе испытал. Потому что, вернувшись домой из армии, он первым делом полез на крышу и дотла разорил голубятню сыновей.

Беспородным сизарям он безжалостно открутил головы и зажарил, а пару восхитительных красивых — розовато-белых — и столь же восхитительно глупых хохлатых оставил и разрешил подарить кому-нибудь,

— Но, — он поднял палец, — подарить! Узнаю, что продали, — будет вам, барбосы, худая жизнь. Спекулянтов мне только в доме не хватало!

Зарёванные Володька и Оська, зная твёрдое отцовское слово и скорую на расправу руку, выполнили наказ безропотно и точно.

Они подарили хохлатых соседской девочке, Сухоногой, как называли её на улице.

Бледная до прозрачности, она вечно сидела у окошка и взрослыми своими, настрадавшимися глазищами глядела на буйные драки и свирепые игры сверстников.

Она перенесла полиомиелит и не могла ходить.

Девчонка — звали её Настей — так обрадовалась подарку, задохнулась, порозовела от счастья, что Оська и Володька засмутились, уставились в землю — красные, разом взмокшие — и стали долбить босыми пятками пол.

Собственное благородство потрясло их и озадачило.

Освободившись от голубятни и всех связанных с её содержанием суев и переживаний, они будто заново родились. Стали вполне приличными ребятами.

Как раз в этот момент Стас и Костик с ними по-дружились.

И ещё мальчишки стали замечать Настю, которую прежде просто не видели, будто её и на свете не было. И не только стали замечать её, а взяли над ней негласное покровительство. Мать её купила большую клетку, и теперь рядом с Настей у окошка жили две красивые и глупые птицы.

Она не считала их глупыми. Это были её друзья. Она кормила их, разговаривала с ними и утверждала, что они всё понимают.

Девчонка менялась на глазах. Она научилась смеяться. Она стала нормально есть.

И Володька и Оська не знали, куда деваться от благодарности её мамы. Они даже прятаться от неё стали.

Но птицам полагается летать, на то они и птицы.

И Настя огорчалась оттого, что не может позволить им этого. Она боялась их выпускать, боялась потерять.

Но вот голубка снесла три яичка, и тогда Настя решила, что теперь-то птицы обязательно вернуться, теперь можно их выпустить.

И выпустила.

Все ребята были свидетелями этого торжества. А Стас и Костик были не только свидетелями, а и активными участниками того, что произошло дальше.

Хохлатые взмыли в небо. Они наслаждались. Они купались в голубом просторе, складывали крылья, пикировали, парили.

И это было так красиво, что невозможно было не заглядеться.

Настю выкатили в её коляске с велосипедными колёсами под просторное небо.

Она смеялась и хлопала в ладоши.

Её хохлатые были самые ловкие, самые прекрасные.

И тут поднялась в воздух Генкина стая. Их было очень много — больше двух десятков.

Стая спиралью поднималась в небо всё выше и выше.

Вот она обволокла, окружила двух хохлатых, и Настины голуби затерялись в ней, их уже невозможно было различить.

Потом Генка перестал свистеть, начал сыпать пшено на деревянную площадку у входа в голубятню.

И стая стремительно пошла вниз, а с ней и хохлатые.

Голуби сели на площадку, а дальше все пошло как по нотам, Шестом Генка стал осторожно загонять их в голубятню, загнал, дёрнул верёвку — и хохлатые оказались в плену.

Боже мой, что творилось с Настей! Костик и

Стас ни разу ещё не видели, чтобы человек так убивался.

Лицо её опухло от слёз, худенькое тело дёргалось, будто в конвульсиях, и никак, никак не могло успокоиться.

Стас и Костик как могли утешали её, говорили, что придёт мама и выкупит у Генки хохлатых. Но она продолжала плакать, она боялась, что яички остынут и голубята в них погибнут.

Костик и Стас закутали эти маленькие розовые яйца в вату, накрыли сверху драным шерстяным платком, и только тогда Настя стала немного успокаиваться, а руки так вцепились в перильца коляски, что пальцы побелели и стали видны все косточки.

Со Стасом и Костиком Генка разговаривать не стал.

Обругал и пригрозил свернуть шею, как цуцикам. В том, что он может сделать это, они ни минуты не сомневались.

Наверное, зря они пошли к нему. Слишком хорошо Генка помнил стычки с ними и затаил злобу.

Вечером пришла Настина мама. Такая же худенькая, хрупкая, как дочка, она бросилась к Генке со слезами на глазах, принялась упрашивать его отдать голубей.

Но тот только кривил насмешливо свою красную припухшую от сна морду и отрицательно качал головой.

Настина мама пыталась сунуть ему в руки деньги, говорила горячно, торопливо:

— Геночка, милый, отдай, отдай. Насте плохо! Она их полюбила! Геночка! Верни птичек! Вот возьми деньги, не гляди, что мало, у меня два дня до полочки, после ещё дам, я займу. Мы уж перебьёмся как-нибудь. Отдай, Геночка!

Но Генка прятал руки за спину и тупо бубнил одно и то же:

— Не. Товар непродажный. Не. На развод оставляю, на породу... ПороDISTые они. Отстань, тётка Вера. Не. Товар непродажный.

Володька и Оська не видели всего этого, не было их. Родители увезли их за город — пропальвать огород.

А Костика и Стаса трясло от ненависти и бес-
силия.

Но вот терпение Настиной мамы иссякло. Она замолчала, изо всех сил прижала кулаки к груди, подалась вся к Генке.

Потом сказала хриловатым, не своим голосом:

— Будь ты проклят! Будь ты проклят, кулацкое, спекулянтское отродье! Будьте вы все прокляты, не-
люди!

Повернулась и пошла прочь.

Её пошатывало.

А Генка заорал вслед жеребьячьим голосом:

— Во-во! Катись к своей колченогой! Ты ей ку-
рицу купи, тоже птичка! Го-го-го!

И захохотал, мерзавец.

И тогда Костик и Стас поклялись, что пусть луч-
ше погибнут от подлой Генкиной руки, но голуби
у Насти будут.

Забраться в Генкину голубятню! Ничего друго-
го им не оставалось, не было иного пути!

Но сделать это следовало с умом, не то и голу-
бей не выручишь и пропадёшь ни за понюшку
табаку.

Это Стас так лихо выразился: ни за понюшку та-
баку. А Костик глубокомысленно кивнул головой.

Дело было серьёзное.

Они знали, что Генка устроился работать на кон-
сервный завод и, значит, днём его дома не будет.
Но на всякий случай решили проследить за ним,
убедиться своими глазами, что Генка пошёл на за-
вод, а не куда-нибудь ещё.

Будильник поставили на семь часов, но он поче-
му-то не зазвонил, и они чуть не проспали.

Когда неумытые, наспех натянув штаны и фут-
болки, друзья выскочили на крыльцо, то как раз
успели заметить Генку, заворачивающего за угол
в конце улицы. Они бросились за ним. Но за углом
никого не обнаружили.

Длинный прямой переулочек вёл как раз к воротам консервного завода. Генки в переулочке не было. Мальчишки заметались.

Единственный путь, по которому он мог уйти, проходил неподалёку от угла через проходной двор на пустырь, кое-где утыканный заброшенными, покосившимися сараюшками-коптильнями.

После того как вновь пустили консервный завод, коптильнями пользоваться перестали, они заросли по самые крыши густым непролазным будяком, крапивой и молочаем. От некоторых остались только остовы. Доски со стен поотдирали на свои хозяйственные нужды окрестные жители. Место было пустынное и мрачное. Зловещее какое-то место. Пахло тленом и плесенью. Поговаривали, что там ночует всяческий бездомный люд — беспризорники, воры.

Разные страсти-мордасти рассказывали об этом месте. Будто там голову недавно человечью нашли.

Ходить туда опасались. Да и не только ребята.

Но теперь, разозлённые сыщицкой своей неудачей, мальчишки ринулись напролом через бурьян... и чуть не попали прямо в лапы своему врагу.

Не произошло этого по чистой случайности: Стас наступил на осколок бутылочного стекла. Босой ногой наступил. Он тихо ахнул и сел на землю. Из большого пальца текла кровь. Костик присел рядом, вытащил из порезанного пальца кривой, как турецкий ятаган, осколок, стал искать глазами листик подорожника — и вдруг замер, испуганный и ошеломлённый.

— Ты чего? — шёпотом спросил Стас.

— Тс-с! — зашипел Костик и приложил ко рту палец. — Тихо! Погляди.

Стас приподнялся на колени и тут же позабыл про свой палец, Они увидели нечто столь удивительное, что сперва глазам своим не поверили.

Стас толкнул Костика локтем в бок и прошестел:

— Неужели это...

— Точно. Он, — отозвался Костик.

Прямо перед ними на трухлявом бревне сидел, прислонясь к стенке коптильни, поповский сторож — фальшивый немой. Перед ним в почтительной позе, чуть ли не по стойке «смирно» — руки по швам — стоял Генка и что-то лепетал, в чём-то оправдывался.

«Немой» сидел развалиясь, небрежно кивал, и рот его кривила снисходительная усмешка.

Только сейчас мальчишки разглядели его как следует.

К их удивлению, он оказался совсем не старым. Буйная рыжеватая борода покрывала лицо до самых глаз, топорщилась на шее.

Но теперь, когда прямо в лицо ему светило солнце, стало видно, что под бородой тугие молодые щёки, широкие, чуть выступающие вперёд скулы и тяжёлый, как кирпич, квадратный подбородок. Гла-

за у негомо были навькате, светло-серые, холодные и равнодушные.

— Хватит болтать, — услышали они его хриплый голос. — Ты сопляк и трус. Тащи сейчас же, а там поглядим, что с тобой делать дальше.

Генка проворно метнулся в сторону, а «немой» вновь ухмыльнулся кривой ухмылочкой, покачал головой и презрительно сплюнул.

Он вытащил из засаленного старого ватника коробку дорогих папирос «Люкс», постучал мундштуком о крышку, неторопливо закурил.

Костик только успел переглянуться со Стасом, как появился Генка.

Он волок заполненный до половины большой рюкзак — весь в карманах, ремешках и пряжках — сразу видно, трофейный.

Рюкзак был тяжеленный, потому что Генка тащил его с трудом, весь перегнувшись на сторону.

«Немой» неторопливо поднялся навстречу — широкий, кражистый, — взял рюкзак из Генкиных рук, легко забросил за спину, обеими лямками на правое плечо.

Генка стоял рядом, переступал своими сапожками и просительно улыбался. Он был весь почтение и робость.

Он что-то тихо сказал «немому» и протянул руку.

Тот снова сплюнул.

— Заслужить надо, сопляк, — буркнул он, повернулся и, ломая бурьян, как медведь, пошёл прочь.

Генкино лицо мгновенно изменилось. Злобная гримаса перекосила его. Он стоял, сжав кулаки, глядел вслед «немому» и что-то шептал дрожащими губами. Потом он повернулся и пошёл прямо на ребят.

Они едва успели отпрянуть в сторону. Костик лежал, прижимаясь к земле. Генка протопал так близко, что можно было дотронуться до него.

Он прошёл через проходной двор, по пути злобно пнув сапогом привязанную к стволу акации козу.

Та шарахнулась в сторону, закричала тонким обиженным голосом, потом упала.

Враг их шагал по переулку к заводу, а друзья, прижимаясь к стенкам домов, крались за ним.

Они видели, как он предъявил пропуск толстой тётке с громадным револьвером на боку.

Мальчишки ещё немножко постояли, поглазели на охранницу. Лицо у неё было доброе, домашнее. Ей бы носки вязать внукам, а не с оружием тут стоять. На ней и револьвер каким-то нестрашным, игрушечным выглядел, хоть и был он здоровенный, как гаубица. Генка что-то буркнул. Ребята не слышали.

Стас задумался.

— Странно всё это. Очень странно, — сказал он, и Костик понял, что Стас про «немного». — Но это оставим на потом, разберёмся. А сейчас — быстро. Сейчас надо выручать этих дуралеев — Настькиных хохлатых.

Лестницу свою Генка запирает в сарай.

Пришлось из двух жердин и обрезков досок сколачивать новую.

Потому Костик и Стас провозились порядочно. Часов у них не было, но они и так понимали, что надо торопиться изо всех сил — вдруг Генка придёт домой в обеденный перерыв.

На крышу полезли со стороны огородов, иначе весь двор был бы в курсе дела, такие уж глазастые у них были соседи.

Кровельное железо предательски грохотало под ногами.

Они спрятались за Генкиной трубой, отдышались.

Во дворе пока было спокойно.

В двух метрах от мальчишек торчала на крыше аккуратная, выкрашенная в голубой цвет Генкина голубятня. Сквозь окошко, забранное металлической сеткой, виднелись спящие, нахохлившиеся голуби.

— Стой тихо! Замри, — приказал Стас, — гляди в оба, а я пошёл. — И он полез в голубятню.

Дверца была маленькая. Стас еле в неё протиснулся.

Голуби заметались, затрепыхали крыльями, пыль поднялась такая, что Стас начал чихать.

Костик слышал, как он чертыхался в этом голубином игрушечном домике, и думал, как же он в такой суматохе поймает этих Настькиных хохлатых.

Он прильнул к окошку, хотел дать Стасу какой-нибудь ценный совет, но Стас тут же заорал (как Костику казалось, на всю улицу):

— Отойди сейчас же! Тут и так темно. Ты глядишь по сторонам или нет?!

Костик сразу отскочил и огляделся. Он даже не обиделся на ругань. Стас был прав.

Голуби металась как сумасшедшие.

Время шло, а Стасу всё не удавалось изловить Настиных любимцев.

Костик пританцовывал от нетерпения, но ничем не мог ему помочь.

Наконец из окошка послышался сдавленный Стасов голос:

— Иди сюда! Скорей!

Костик подбежал. Стас чуть приоткрыл дверцу, сунул ему в руки одного из хохлатых.

— Держи крепко. Сейчас я второго словлю. Не даются, дьяволы...

И он вновь исчез в голубином переполохе. Птица в руке у Костика дрожала, вертела розовой пушистой головой, хохол её возмущённо трясся, а сердчишко так колотилось, что Костик испугался — как бы оно не лопнуло со страху.

— Готово, — услышал он наконец голос Стаса.

Костик обернулся и увидел, что Стас с трудом, задом выбирается из голубятни.

Несколько сизарей метнулось у него между ног, вылетели на волю.

Костик бросился вперёд, хотел помочь Стасу и вдруг услышал позади себя подозрительный шум.

Он оглянулся и окаменел от ужаса: из чердачного окошка на крышу вылезал Генка.

— Беги, Стас! — почему-то шёпотом крикнул Костик, и в тот же миг рука его разжалась и хохлатый с шумом вспорхнул в небо.

Позади гремела крыша. Это убегал Стас.

А Костик не мог пошевелиться. Он глядел в белые от бешенства Генкины глаза и стоял, будто приклеенный резиновым клеем.

Генка шёл медленно, не торопясь, и улыбался какой-то неживой, страшной улыбкой — будто лицо его было резиновое и кто-то посторонний раздвигал сейчас его рот.

— Так, — приговаривал он, — Так, За голубочками пришёл! Так. За птичками. Ма-ла-дец! Так-так!

Он подходил всё ближе, и Костик всей кожей своей чувствовал, что это идёт его смерть, что сейчас случится что-то страшное, непоправимое...

А Генка всё шёл, и было это как в удушливом,

вязком сне, когда хочешь закричать и не можешь — и не можешь двинуться с места.

И только когда он подошёл вплотную, Костик вдруг опомнился, рванулся в сторону, но было уже поздно.

Длинной своей, как оглобля, ручищей Генка ударил его — и Костик с грохотом покатился по железной крыше туда, вниз, где крыша обрывалась и начиналась пустота, которая кончалась безжалостными булыжниками двора.

Костик успел ещё ярко, как при вспышке молнии, представить себя — переломанного, лежащего в неестественной позе на этих булыжниках — и тут же белый свет померк, наступила темнота. Он потерял сознание.

Очевидно, очнулся он мгновенно. Потому что Генка, белый с просинью, как извёстка, стоял на

прежнем месте и перепуганным, бараньим взглядом глядел на него. А Костик, зацепившись у самого края крыши за воронку водосточной трубы, бесконечно перевесился по обе её стороны, словно полотенце.

Генка увидел, что он очнулся, и испуг на его морде сменился обычной нагло-тупой ухмылкой.

Он снова медленно направился к Костику.

Неизвестно, хотел ли он его втащить на крышу и надавать ещё, хотел ли сбросить на булыги двора и изувечить. В любом случае добра Костик от него не ждал.

Он был беспомощен. Его поташнивало. Голова раскальвалась от боли, кружилась. Под боком его скрипела проржавленная водосточная воронка. Деваться было некуда.

Генка находился на полпути к нему, когда из-за трубы показался Стас. Костик ещё успел подумать, какую глупость делает его друг. Ведь теперь ему тоже не уйти от Генки, слишком тот близко, догонит. А прыгать с крыши даже на огороды нельзя. Высоко. Ноги ломаешь.

— А-а! Ещё один ворюга объявился!

Генка даже руки от радости потёр.

У Стасова подбородка из-за пазухи торчала головка второго голубя, удивлённо вертелась в разные стороны.

Генка увидел голубя, сжал кулаки, и глаза его вновь страшно побелели.

— Сейчас, гадёныш, сейчас, — забормотал он и двинулся на Стаса.

— Сам гадина! А ну стой! — тихо приказал Стас. — Пожалеешь.

— Что-о-о?! — От такой наглости у Генки челюсть отвисла.

— А то! Я тебе припомню, баран, и поповского «немого», и мешочки, разговоры ваши, — спокойно сказал Стас. — Разберёмся, кто из нас ворюга!

Было такое впечатление, будто Генку ударили дубиной по голове. Он разом остановился. Руки его загребали воздух, будто это был не воздух, а что-то

вязкое. Он открывал и закрывал рот, пытаясь произнести какие-то слова, и не мог

Рожа его, вновь налившаяся бурой краской, после того как он увидел, что Костик пришёл в себя, теперь стала какой-то даже лиловой, синюшной.

Пока он стоял оглушённый, Костик поднялся на четвереньки, отбежал в сторону, потом встал, пошатываясь.

Не отрывая глаз от Генки, Стас сказал:

— Иди, Костик, не бойся. Этот тип сам сейчас со страху помрёт. Иди к лестнице.

Костик пошёл. За ним спустился Стас.

А Генка всё стоял онемелый, и Костику казалось, будто он слышит, как в его толстокожей башке со скрежетом проворачиваются какие-то шестерёнки, Генка думал, Генка пытался понять, откуда стали известны тайные его и тёмные дела.

Добытую с таким риском и трудом хохлатку водворили на место, в роскошную с круглым куполом клетку (там раньше говорящий попугай жил, как сказала Настинной маме ветхая старушка, продавшая клетку), посадили на предательски брошенные яйца. И, открыв окошко, выставили клетку на подоконник. Через несколько минут к своей подружке явился второй голубок, заворковал как ни в чём не бывало.

Настя, теперь уже от радости, снова начала реветь. Еле её успокоили.

А Костик со Стасом на этих легкомысленных, безмозглых птичек просто глядеть не могли.

Явились Володька и Оська. Они в этот день ездили с матерью в степь, полоть свою бахчу.

Когда Стас рассказал по порядку все их сегодняшние приключения, Володька побагровел от гнева, сжал кулаки.

— Эх, жалко, нас не было, — сказал он, — вчетвером бы мы этому гаду дали звону, на всю жизнь зарёкся бы кулаками махать.

Оська поёжился, будто ему стало зябко.

— Да-а, дали бы, — пробормотал он, — с ним только свяжись. Он знаешь с кем водится? Я видел.

Бандюги. Рожи страшные, и руки все в наколках. Он ещё вам припомнит. Из-за Настиных паршивых голубей. Поревела бы и перестала..»

Настя вздрогнула от этих слов, сжалась вся.

Стас встал, с удивлением взгляделся в Оську, даже обошёл вокруг него, будто в первый раз видит.

— Вот ты, оказывается, какой... — протянул он. — Может, тебе лучше от нас подальше держать-ся? А то погибнет зазря твоё драгоценное здоровье, Трус ты, однако, Оська.

Оська вскочил, замахал руками.

— Сам-то кто? Тоже мне, герои. Голубей стащили! Идите вы знаете куда? Небось бросили, когда меня чуть не до смерти ранили?!

— Ты и тогда струсил, потому и получил соли в зад, — спокойно сказал Стас.

— Ну и ладно! И хорошо! Без вас обойдусь, целуйтесь с этой сухоногой. Вам ещё Генка вязы по-сворачивает!

И с этими словами Оська выбежал из Настиной комнаты. Володька сидел опустив голову. Он не мог глядеть на Костика и Стаса, ему было стыдно за брата. За старшего брата. А это, наверное, непереносимо стыдно!

Всем было стыдно, будто они сказали эти глупые, трусливые слова.

Долгое время все молчали. Потом Володька буркнул:

— Ну леший с ним, пусть убирается. Я этому долговязому дураку покажу сегодня. Он у меня попрыгает. Сам придёт обратно проситься, да мы ещё поглядим — принимать в компанию или нет, пусть заслужит.

Глава седьмая
ПОКРОВИТЕЛЬ ИСКУССТВ

— Слушай, — сказал Андрей, когда ему показалось, что Вите надоело валяться на крыше мазанки, — айда в город. Хоть покажу тебе наш город. А то только и знаем, что толчёмся здесь — то на плоту, то на крыше.

— Айда! — весело согласилась Витя.

Город был красив. Он стоял на высоком, вдающемся далеко в море мысе и весь утонул в зелени.

Ребята шли по кривым улочкам с одноэтажными домами. Тротуары были выложены потрескавшимися желтоватыми плитами ракушечника. Из-за заборов свешивались незрелые ещё яблоки, абрикосы, груши. Вдоль тротуаров часто, почти переплетаясь кронами, стояли жёлтые акации, дрожали тонко нарезанными нежными листочками с десятикопеечную монету величиной; устрашающе огромные, острые шипы торчали на ветках.

Андрей шёл и удивлялся — получалось, что не он показывает город Вите, а она ему. Он слишком привык к своему родному городу и не замечал того, чем восхищалась Витя. Он будто впервые видел и эти тротуары, и дома, и деревья. ..

Они вышли на центральную улицу. И здесь Андрей почувствовал себя хозяином. Он рассказывал о каждом интересном доме, показал театр, которым гордились его земляки, он говорил, говорил — и вдруг понял, что Вите скучно,

И он впервые остро почувствовал, что она ленинградка и домами её не удивишь.

И Андрей увял, ему расхотелось говорить. Молча прошли они в городской парк. Парк был хорош — большой, с замысловатыми аллеями, редкостными деревьями.

Но на дорожках стояли гипсовые физкультурницы с отбитыми носами и неизменными вёслами в руках. Невольно ребятам вспомнилась сегодняшняя находка Олега, и гипсовые скульптуры показались им уродливыми и грубыми.

Вдруг Витя подалась вперёд. Невдалеке стоял её знакомый железнодорожный попутчик, важный и лохматый. Он о чём-то быстро говорил мрачному дядьке с неприятным одутловатым лицом, с заплывшими глазами-щёлочками. Витя хотела подойти, поздороваться, но Андрей неожиданно схватил её за руку, чуть повыше локтя и сильно сжал.

— Вот он, — сказал Андрей.

— Я знаю. Мы с ним в одном купе ехали. Он меня за мальчишку принял. Смешной такой дядька.

— Кто? — изумился Андрей.

— А вон тот лохматый, с трубкой в руке.

Да не о нём я! Ты знаешь, с кем он разговаривает?

— Нет.

— С Геннадием Савельевичем. Ну с тем, с Генкой, я же тебе говорил, с которым наши отцы враждовали в детстве, с отцом Жекете, — почему-то шёпотом проговорил Андрей.

Собеседник «покровителя искусств» вдруг резко обернулся, будто услышал разговор или просто что-то почувствовал каким-то обостренным чутьём. Но реакция Андрюхи оказалась быстрее на доли секунды. Он резко дёрнул за руку Витю — и оба спрятались за куст.

— Ты чего? — удивилась Витя. — Ты чего прядешься?

Лицо Андрюхи стало растерянным.

— Сам не знаю, — пробормотал он.

Витя оцарапала щёку. Сидеть на корточках было неудобно, да и вообще не любила она прятаться и подслушивать. Противное и унижительное занятие. Она стала подниматься, оттолкнула Андрюхину руку.

И вдруг что-то остановило её. Она даже не поняла сразу что. Вновь вгляделась в беседующих мужчин — и наконец сообразила: лицо железнодорожного попутчика было другое — жёсткое, властное, непохожее на то знакомое, походящее, добродушное, которое она знала. И она вновь опустила на корточки.

Говорил Аркадий Витальевич — «покровитель искусств».

— Это слишком ценная вещь, чтобы держать её там долго. Значит, вскорости её увезут. Возникнут трудности. Возможно, непреодолимые. А у меня именно сейчас есть покупатели, для которых деньги почти ничего не значат, когда они встречаются такой уникал.

— Ну да, не значат! — ухмыльнулся Геннадий Савельич. — Они для всех значат. Главнее денег ещё не придумали.

— Попробуй ещё раз перебить меня, жлоб! Твоя доморощенная, кулацкая философия мне не интересна, — холодно отозвался «свободный художник». — Тебе этого не понять. Слишком для тебя сложно. — Геннадий Савельич хмыкнул. Очень обидно хмыкнул. — Да, да, молодой человек! Я *делаю* всё это исключительно ради того, чтобы человечество познакомилось с красотой. Красоты так мало, и её надо ценить!

— И где вы только таким словечкам научились, — пробормотал Геннадий Савельич, — уж не там ли?

Витя не верила своим глазам и ушам! Перед ней вновь был её знакомый художник — увлечённый, чуточку смеш-

ной человек. Ему очень понравились слова собеседника. Он картинно отставил ногу, взъерошил волосы. Добродушие так и сочилось из всех пор его большого лица.

— Ну, хватит волю хвоста крутить, — буркнул Геннадий Савельич. — Меня зачем позвали — байки слушать? Красота! Человечество! Будто мало я вас знаю! — Он смачно плюнул себе под ноги. — Деньги где?

И тут же «свободный художник» исчез, будто его и не было вовсе. На бывшего Генку насмешливо и твёрдо глядел совсем другой человек — ему бы дубину в руки да в тёмный переулок. Вместе с одухотворённостью исчезла и надетая на лицо маска. Даже голос изменился.

— Какими способами прибудет товар, меня не интересует, — сказал тот второй, без маски, — вот задаток.

«Покровитель искусств» вынул пухлый, туго набитый деньгами бумажник. Геннадий Савельич втянул голову в плечи, резко, как-то по-звериному оглянулся, но, очевид-

но, «свободный художник» имел в этих делах опыт, и немалый. Он усмехнулся, но тут же лицо его напряглось, сузились глаза.

— А ну, спокойно! Стоять! — жёстко приказал он.

«Как собаке, — подумала Витя, — как им только не стыдно — одному говорить, другому слушать».

— Отойди на три шага, — приказал Аркадий Витальевич, — мало ли что может случиться. Человек ты жадный и глупый. А по глупости, сдуру, возьмёшь и захочешь разбогатеть на малое время. Придётся ломать тебе руку.

Здоровенный мужик Геннадий Савельич как-то странно хлюпнул носом.

— *Ладно.* Стой, где стоишь.

— Ну и «свободный художник»! — прошептал Андрей. — Они что — все такие?

— Не говори ерунду! И вообще — помолчи! — огрызнулась Витя.

Аркадий Витальевич отсчитал довольно много денег, взвесил их на ладони, поглядел на Федькиного отца, словно раздумывая, стоит давать или не стоит, и половину снова сунул в бумажник.

Федькин отец взвыл:

— Да чего же вы! Чего ж вы, Аркадий Витальевич?! Уговор дороже денег!

«Покровитель искусств» усмехнулся.

— Малоуважаемый Геннадий Савельич. Только что на этом самом месте вы изволили утверждать, что ничего дороже денег не бывает, и вдруг такие слова! Уговор... Ты мне ещё про совесть скажи.

— Так я... так вы... — заметался Федькин отец. — Вы ж обещали.

— Правильно. Будет всё сделано — получишь остальное. И не ори, а то и без них останешься.

Он сделал вид, что собирается спрятать в бумажник остальное. Геннадий Савельич испуганно метнулся к нему.

— Ладно, ладно. Не бойся. Получи.

Брезгливо (даже ему, видно, противно было глядеть на Федькиного отца) сунул деньги в его трясущиеся руки, Витя взглянула на Андрея и без всяких слов поняла, что тому, как и ей, охота провалиться сквозь землю. Глядеть на такое и то было стыдно.

— А теперь, голубчик, запомни: шутить со мной не надо. Повредишь драгоценное здоровье, а оно у тебя одно. Ты ведь помнишь меня, — пробормотал он и громче уже продолжал: — Но я всю жизнь мечтал быть художником. Прекрасное занятие, знаешь ли. Впрочем, что ты можешь об этом знать...

Геннадий Савельич хмыкнул и тут же проглотил свой смешок под мимолётным взглядом собеседника.

— С тобой что со столбом разговаривать. Короче: завтра, и чем раньше, тем лучше, чтоб всё было на месте... Вы меня понимаете, Геннадий Савельич? — деловито осведомился Аркадий Витальевич.

— Да чего уж там, Генка я, как прежде, — засмутился Федькин отец. — Всё будет, как договорились.

— Для Генки ты уже староват — сын вон уже какой вымахал, — а насчёт кое-чего другого не сомневаюсь. Не враг

же вы себе, Геннадий Савельич, — вежливо отозвался «художник».

Но было в его голосе, в этой нарочитой вежливости что-то такое, от чего у Вити мурашки по спине пробежали. Ей было страшно. Она вцепилась в ладонь Андрюхи и не выпускала до тех пор, пока те двое не свернули в боковую аллею. Ребята выбрались из кустов, сели на скамью так, чтобы видеть спины «художника» и Федькиного отца, долго молчали.

— Что это они? Бедный Федька! Ну и папаша достался! — Витя передёрнула плечами.

— Да уж! Не позавидуешь, — буркнул Андрей.

— Тут что-то затевается! Надо сказать папе! — решительно заявила Витя.

— Ну и что ты ему скажешь?

— Как что?! Наверняка ведь они жулики и что-то затевают!

— А что?

Витя задумалась. Ей хотелось бежать, что-то делать, кого-то спасти, но всё разбивалось о спокойную правоту Андрея. И она прекрасно понимала — это не было равнодушием. Наверняка он уже перебрал в ершистой своей голове все возможные и невозможные варианты.

А впереди маячили Геннадий Савельич и «свободный художник», он же «покровитель искусств» — добродушнейший Аркадий Витальевич, так смешно похожий на сенбернара.

— Тут одно ясно, — сказал Андрей, — этот Геннадий Савельич должен что-то принести. Так?

— Так! — Витя даже притопнула от нетерпения. Её раздражало тугодумие приятеля. Тут и ежу всё ясно, а он раздумывает.

— И, судя по разговору, это что-то спрятано у него не дома, а где-то в другом месте? Так?

— Так! Так! Да шевели ты языком побыстрее.

— Значит, одному надо идти за Геннадием Савельичем, а другому...

Витино терпение истощилось.

— А второму за другим, а? Здорово! Ты — гений, Андрюха. Чтоб узнать, где он живёт, правильно? — Она вложила в голос всё ехидство, на которое была способна.

— Верно, — невозмутимо отозвался Андрей, — иногда у тебя котелок варит. — Он гулко постучал по голове.

Этого Витя простить не могла.

— Звук-то, звук какой! — изумилась она.

— Знаю, ты сейчас про пустоту скажешь, — спокойно отозвался Андрей.

Витя сверкнула глазами, хотела что-то ответить, но сдержалась.

А тем временем те двое приближались к воротам парка. А там главная улица, народ — ищи-свищи. Растворятся, как сахар в воде.

— Ладно. Один-ноль в твою пользу. Я пойду за сенбернар, а ты за Геннадием Савельичем, — заявила она и метнулась вперёд. Витя знала, что задержись она немножко — и Андрюха будет дотошно выспрашивать про сенбернара. Надо же, чтобы человек так не походил на собственного отца!

Но в этот день новоиспечённым сыщикам не повезло.

Правда, Витя узнала, где живёт «покровитель искусств». К её удивлению, вовсе не в гостинице, а в опрятном одноэтажном домике.

Этот домик едва можно было разглядеть сквозь густые листья яблонь, груш, абрикосов и прочей южной и полуужной растительности. Ничего похожего на приключения, которыми битком были набиты прочитанные ею детективы, не происходило.

Спрятавшись за стволом одной из акаций, которые росли на улице вдоль тротуаров, она увидела, как её «объект наблюдения» спокойно включил свет в своей комнате, перекусил и стал раздеваться.

Тут Витя деликатно отвернулась. А когда вновь приступила к обязанностям сыщика, дом был тёмным и почти тихим. Витя подошла поближе к изгороди из металлических прутьев и поняла, почему «почти» тих. Даже на улице был слышен

знакомый по купе могучий храп «покровителя искусств». Стало ясно — делать здесь больше нечего.

Со вторым сыщиком, с Андрюхой, произошло почти то же самое, за исключением одного: в доме Геннадия Савельича долго, привычно ругались, потом послышались две звонкие оплеухи и Федькин рёв. Не плач, а именно рёв — злой и непримиримый. Минут через пять весь красный, шмыгая носом, с хозяйственной сумкой в руке прошёл Жекете. Губы его бесшумно и зло шевелились — Фёдор яростно, шёпотом ругался,

«В магазин пошёл, — подумал Андрюха. — Ну надо же, бездельник! Даже в таком пустяковом деле — в магазин слетать — и то без скандала обойтись не смог. Доигрался до оплеух! Вообще-то папаша его тоже хорош гусь — лупить человека из-за таких пустяков. Даже если этот человек — Жекете. Тут поневоле вредным сделаешься».

Отец никогда не бил Андрея, и в душе его шевельнулась жалость к Федьке. Как ты ни относишься к человеку, но когда его чуть ли не каждый день за дело и без дела лупцует собственный папаша, человека этого можно только пожалеть.

Андрей прождал час-полтора, но Геннадий Савельич не выходил. И «сыщику» надоело. Он взобрался на развесистый платан, росший перед домом, и осторожно заглянул в окошко третьего этажа, из которого недавно неслись Федькины вопли. Глазам его открылась грязнущая комната. Подметали её, наверное, полгода назад, не меньше. Пол был усеян окурками, а на столе рядом с чайником валялся дырявый носок.

Все это так поразило Андрюху, привыкшего к корабельной чистоте у себя дома, что он не сразу разглядел раскладушку, а на ней — преспокойно спящего Геннадия Савельича.

Правда, после пяти минут, которые он потратил на изумлённое разглядывание своего «объекта», Андрей понял, что спит Геннадий Савельич вовсе не спокойно — тот вертелся, натягивал на голову одеяло, даже вскрикивал во сне. Но мало ли кто как спит? А вообще Андрею стало ясно, что следить за ним нет никакого смысла. А если Жекете застанет его за этим не больно-то благородным занятием — заглядыванием в чужие окна, — позору, не оберёшься. Уж Федька постарается раззвонить на всю улицу...

Обдирая ладони, живот и колени, Андрюха мигом соскользнул на землю, оглянулся тайком — не видел ли кто — и припустил домой.

Так окончился первый «сыщицкий» опыт Вити и Андрюхи. И зря, что так скоро, ох, зря! Потому что назавтра...

А на следующий день ранним утром сквозь тёплую полудрёму Витя слышала, как осторожно, опасаясь её разбудить, одевался отец. Потом бесшумно, на цыпочках — ещё зацепишь чего-нибудь в потёмках — вышел из дому, А уж это — зацепить, толкнуть, бабахнуть — он умел. Мама иной раз сердилась, иной раз хохотала до икоты — уж больно смущённый, недоумевающий вид бывал у провинившегося отца.

А бабушка поражалась, как это у неё — такой маленькой, хрупкой и ловкой — сын этакий комок, «Просто не человек, а слон в посудной лавке, только дай ему волю!» — говорила она.

— Раньше ведь как лозинка был, — удивлялась бабушка.

— Суровая жизнь заставила меня стать из лозинки комок, — мрачно отвечал отец. — Холод и голод окружали меня практически со всех сторон, закаляя ежечасно, а может, и ежесекундно.

Витя ловила лукавый взгляд, отец незаметно подмигивал ей.

— Ну вот! Понёс, понёс! Эта лозинка ещё в хрупком детстве едва голову человеку не проломилась железякой, а человек был в два раза его больше, — ворчала бабушка, но в голосе её Вите слышалась гордость.

— Пострадавший был плохой человек. Это входило в программу закалки, — так же мрачно отвечал отец.

«Интересные были времена, — со вздохом подумала Витя. — А бабушки, бабушки больше никогда не будет...» Витя не открывала глаз. Воспоминания кружили в полудрёме, расплывчатые и нечёткие.

На этот раз отец ничего не задел, всё обошлось благополучно. Как он вышел из мазанки, Витя слышала сквозь сон.

Было ещё рано-рано, и Витя так не хотела просыпаться, так приятно, сладостно было лежать в полусне. Это чудесное состояние длилось довольно долго.

Наверное, археология — такая особая наука, столкнувшись с которой человек поневоле начинает задумываться о временах неправдоподобно далёких и сравнивать их с мимолётными днями своей жизни.

Витя нежилась в постели и представляла себе, как, наверное, здорово изменился этот город — город детства отца и Станислава Сергеевича.

Всё изменилось, только море было такое же, и обрыв цвета охры, и колючие акации с вечно дрожащими, ярко-зелёными листочками.

Да ещё вечное небо, да терпкий, будоражащий душу запах моря. Прокалённые солнцем лодки пахли горячей смолой; море — выброшенными на берег водорослями, ракушками; комбинезон отца — солнцем; Андрюха — чем-то солёным, живым и приятным. Экспонаты экспедиции имели неуловимый, тонкий запах древности.

Думать обо всём этом было спокойно и радостно. Витя понимала: надо вставать. Но вместо того чтобы проснуться окончательно, она неожиданно вновь уснула. Да так крепко, что громкий, испуганный, надрывный, какой-то птичий крик почти над ухом её разбудил не сразу. Ей казалось, что крик этот и причитания, в которых слышались слёзы, ей просто снятся.

Но крик повторился вновь — и она окончательно проснулась.

Испытание

От автора (продолжение)

В моём последнем отступлении я хочу рассказать о самом серьёзном, по-настоящему опасном испытании, выпавшем на долю Костика и Стаса. Я хочу, чтобы читатель понял простую и великую истину — характер человека закладывается с детства. Как сказал один очень хороший писатель: взрослый — это всего лишь повзрослевший ребёнок.

Наступили ветреные, холодные дни. На улицах всё время кружилась пыль. Иногда она завивалась столбом и неслась, покачиваясь, пока не расшибалась о дерево или дом. Пыль была везде — за окнами, на зубах, в карманах. А город стал жёлтым.

Маму Костика угнетала эта погода, и она сделалась сердитой.

Она утверждала, что из-за мерзкой погоды невозможно выйти из дому. Костик только удивлённо пожимал плечами, но не спорил — и так часто попадало за то, что допоздна носился по улице. Пыль не мешала ни ему, ни Стасу. Даже интереснее — можно представить, будто это самум, ветер жарких пустынь,

Костик и Стас возвращались из школы самым далёким путём. Делали большущий круг — проходили чеховским садом, по глинистой тропинке спускались к морю, потом пустырями, мимо консервного завода, где теперь работал заклятый враг Генка, добирались до своей улицы.

В тот день они ещё успели отмахать километра полтора по пляжу — к низкому деревянному домику, где делались бусы. Там была какая-то артель, создавала стеклянные бусы. В те скудные послевоенные времена женщины не были избалованы безделушками, и артель процветала.

Артель стояла наверху. Надо было карабкаться по глинистому склону, цепляясь за пахучие кустики полыни. Примерно с середины склона начиналась блестящая, разноцветная россыпь бракованных бус. В школе больше всего ценились бусы без дырок. Чем крупнее, тем лучше. На переменах азартно играли в шарики.

Мальчишки и девчонки во все времена чем-то менялись — в школе Костика и Стаса тоже менялись. До эры бус менялись стальными перьями, а ещё раньше — марками, а ещё раньше... Короче говоря — всегда менялись. И сейчас меняются.

На этот раз ребятам удивительно повезло: бусины попадались одна крупнее другой, Они набрали полные карманы.

— Ну, завтра дадим! — говорил Стас. — Как вы-
ложу на стол, так Володька и онемееет, а Оська во-
обще лопнет от зависти и помрёт на месте! Тоже
мне чемпион липовый!..

Костик торопился. Мать не любила, когда он
опаздывал к обеду.

Они миновали пляж, поднялись наверх и шли
вдоль высокого консервного завода. Стас подбро-
сил бусину, хотел наподдать ногой, да так и застыл
в нелепой и неудобной позе. Костик увидел, что он
побледнел, а улыбка стала будто приклеенная.

Костик поглядел вдоль забора и успел заметить
чью-то спину с горбом туго набитого рюкзака. В ру-
ке человек нёс небольшой чемодан. И тут же спина
завернула за угол.

— Костик, это он, — быстро сказал Стас, — по-
мереть мне на месте, если не он!

— Кто?

— Генка. Нагруженный, как верблюд. Видел?

— Ага!

Они одновременно добежали до угла забора и
осторожно выглянули. Генка стоял у подъезда пяти-
этажного дома на другой стороне улицы. Рюкзак он
уже снял и держал его в руке, чемодан поставил на
землю. Генка всё время воровато оглядывался, и
лицо его было испуганное. Он зашёл в подъезд и
сразу же снова выглянул, повертел головой, пошам-
кал губами, будто разговаривал сам с собой.

Улица была пустынной. Генка закурил и исчез
в подъезде.

— Чего это он? — Костик недоумевал.

— Чего, чего! Тут дело нечисто. Видал, как он
оглядывался? Честные люди так не оглядываются.
И мешок у него тяжеленный. Да ещё чемодан.

Стас схватил друга за руку, потащил за собой.

— Пойдём посмотрим!

— Куда?

— Как это куда? За Генкой! Поглядим, куда
он это всё тащит.

— Так ты и узнал! — Костик присвистнул. По-
сле треклятых голубей, после ужасной крыши не

больно—то хотелось встречаться с этим типом.—
Держи карман шире.

Но Стас упрямо тащил его за рукав, У самого подъезда он взглянул ему в лицо своими бесстрашными, светлыми глазами, усмехнулся.

— Боишься?

— Ага, — сказал Костик. — Пошли.

И они вошли в подъезд.

Наверху слышались грузные шаги, железные перила тихо дребезжали. Мальчишки на цыпочках взлетели на третий этаж. Остановились там. Послышался лязг замка и протяжный скрип. Потом всё стихло.

Ребята осторожно и медленно поднимались,

С площадки пятого этажа вёл ещё один пролёт лестницы, и наверху в желтоватом свете пыльной лампочки виднелась узкая дверь на чердак, обитая железом.

Дверь была наполовину отворена. В толстом стальном кольце качался здоровенный амбарный замок.

Стас решительно зашагал по лестнице, У самой двери обернулся, поджидая Костика, и скользнул в темноту чердака. Костик за ним. Под ногами было что-то мягкое — стружки или опилки.

Глаза немного привыкли к темноте, и они увидели совсем рядом основание печной трубы. Мальчишки прошли вдоль неё и выглянули. В дальнем конце чердака, в жидком свете слухового окна, копошился Генка. Он что-то вынимал из рюкзака и осторожно ставил подальше, к самой стрехе.

Вдруг он выпрямился и пошёл прямо на мальчишек. Они попятнулись в тень трубы, присели на корточки, Генка прошёл мимо них к двери. Резко запахло чесноком.

Затем они услышали скрип и чёткий металлический лязг защёлкнувшегося замка. Стало тихо-тихо. И жутковато.

Костик поглядел на Стаса. Тот растерянно улыбался.

— Ты чего?

— «Ах, попалась, птичка, стой! Не уйдёшь из сети». Очень похоже, — ответил Стас.

Костику было страшно. Показалось, что Стас выламывается,

— Брось-ка, Стас, шуточки. Давай поглядим, что он там принёс, и будем сматываться, пока не вернулся.

Стас неопределённо хмыкнул, пожал плечами.

— Давай.

Костик первым подбежал к слуховому окну, на коленках пробрался в угол и нащупал какие-то банки: четыре железные — круглые и тяжеленные, одну стеклянную, обвязанную тряпкой.

Стас стащил тряпку, сунул руку внутрь. Рука утонула в чём-то густом и вязком. Он испуганно выдернул её — рука пахла рыбой и была тёмная, будто в кожаной перчатке. Подтащил банку к свету.

— Чёрная икра, — сказал Стас.

— Да, — подтвердил Костик. Икринки лежали одна к другой, плотно, как дробь. — Он её с консервного завода украл.

— Какой ты догадливый, — ехидно ответил Стас.

Он аккуратно обвязал банку тряпкой и поставил на место.

— А вон чемодан.

Стас потащил жёлтый щегольской чемодан к свету. Замки не открывались. Стас огляделся, увидел черепицу, недолго думая сшиб замок.

— Что ты делаешь? — испугался Костик.

— Тихо. Это жулики. Надо всё узнать, раз уж такой случай подвернулся.

В чемодане лежал добротный костюм, туалетные принадлежности, здоровенные штилеты.

В углу чемодана лежал перевязанный бечёвкой, завёрнутый в газету пакет. Стас надорвал угол пакета. Это были деньги. Красные новенькие тридцатки.

— Ого! — выдохнул Костик.

Столько денег они никогда в жизни не видели.

Стас молча вытащил брюки, приложил их к себе — он мог спрятаться в них по подбородок.

Вдруг рука его быстро скользнула в правый карман брюк, вытащила плоский воронёный пистолет.

— Дела! — сказал Стас. — Браунинг. Они не просто жулики и спекулянты. Это похуже,

И тут им стало страшно по-настоящему. Сами того не сознавая, они столкнулись со смертельно опасной тайной. Игры кончились. Друзья понимали, что Генка просто мелкая сошка. Фальшивый немой! Этот зверюга был посерьёзнее. Достаточно вспомнить его разговор с Генкой!

Стас скомкал брюки, швырнул их в чемодан, задвинул его подальше и сунул пистолет в карман.

Только сейчас Стас огляделся цепким взглядом.

— Теперь самое бы время отсюда уходить. И как можно быстрее, — сказал он. — А чемоданчик-то для «немого». Уезжать собрался.

Костик с завистью глядел на его отвисший от тяжести браунинга карман и молчал.

— Айда на крышу! — позвал Стас.

Деваться было некуда. Через слуховое окно они выбрались на крышу. Сперва старались не громыхать железом. Балансируя, наступали только на острые ребра. Потом им надоело балансировать, и ребята стали ходить как вздумается. Но от этого ничего не изменилось.

Далеко внизу торопились по домам редкие прохожие, чуть дальше виднелись бурая крыша и кусочек двора рыбоконсервного завода.

Равнодушные прохожие, равнодушная пустая крыша. Никому до них не было дела. И выхода не было. Стас потрогал водосточную трубу — она была старая, проржавевшая.

— Не выдержит, — сказал он.

— Факт, — отозвался Костик. — Может, есть пожарная лестница?

— Нет её, сам видишь. Может, и должна быть, только её нету.

Ребята вернулись на чердак, подёргали дверь — бесполезно.

Конечно, был один очень неверный шанс выбраться. Оба это знали. Можно было просто-напро-

сто выбраться на крышу и орать, звать прохожих. И всё объяснить — громко и жалко. Может, их и вызволили бы, но уж тогда ищи-свищи: Генка со своими жуликами-бандитами тоже с ушами, за икрой и чемоданом никто бы не пришёл.

Они сидели под слуховым окном и думали.

— Надо дожидаться, — сказал Стас. — Ты как, не боишься?

— Боюсь, — сказал Костик, — давай дожидаться. Только вдруг они через неделю придут?

— Не может быть, — не очень уверенно ответил Стас,

Но даже сквозь неуверенность в голосе его слышалось упрямство.

— А икра — вкусная штука, — сказал Костик.

Стас сглотнул слюну. Они переглянулись и рассмеялись, хотя ничего смешного в их положении не было. Потом Стас притащил банку, и мальчишки руками стали есть из неё. Они припомнить не могли, когда ещё так вкусно ели, — жаль только, хлеба не было. Очень было вкусно.

Наконец Стас отвалился от банки и улёгся на опилки. Он устался на сучковатые брёвна стропил, брезгливо, будто что-то грязное, вытащил браунинг,

— Заряженный, — сказал он. — Костик, а что будет, если Генка нас поймает здесь?

— Худо будет, — ответил Костик, — самого его поймать надо. Помнишь голубей и крышу?

— Ха! Ещё бы!

— Такой, наверное, не только ворует. Он и убьёт — не поморщится.

— Да. И отсюда не удерёшь. Если только с крыши сигать.

— Сказанул. Но во второй раз я ему в лапы не дамся.

— Понимаешь, — Стас стиснул Костику руку, и тот почувствовал, что рука его вздрагивает, — понимаешь, после света здесь ничего не видно. Он пойдёт за икрой, а мы — к двери. Выскочим — и поминай как звали.

— Хорошо бы, — ответил Костик.

— Иначе пропадём. — Голос у Стаса был необычно серьёзен. Сухой, совсем взрослый голос.

Костика знобило. Странное дело — теперь, когда он точно знал, что Стасу тоже страшно, ему почему-то стало спокойнее. Мало ли что страшно! Ничего не боятся только глупцы, но он скорее бы умер, чем сознался, что боится.

Друзья сидели не просто так, они ждали врага.

В кармане Стаса лежал пистолет, но он не прикасался к нему, и оба старались о нём не думать. Потому что пистолет — на самый-самый крайний случай, и если думать об этом крайнем случае, становилось страшно вдвойне. Они росли во время войны и знали: оружие — это серьёзная штука, оружие убивает, с оружием не шутят.

Костик встал, попрыгал на месте.

— Тебе тоже холодно? — спросил Стас.

Они подошли к трубе, сели рядом, прижавшись к её тёплому боку.

Костик старался не думать о доме, о маме. Что толку? Всё равно ничего не изменишь.

Тепло медленно разливалось по телу. Мышцы, сжатые холодом и напряжением, постепенно расслаблялись. Он обнял Стаса за плечи и неожиданно для себя уснул.

Проснулся он резко, будто в бок кулаком толкнули. Во рту пересохло, страшно хотелось пить. Костик впился напряжёнными глазами в темень чердака, но ничего не увидел — уже наступил вечер, а то и ночь.

Вдруг он вспомнил о Стасе. Пошарил руками вокруг себя — Стаса не было.

— Ты где, Стас? — шёпотом спросил он.

— Тихо ты! — прошипел откуда-то сбоку Стасов голос. — Слушай!

Костик затих и явственно услышал, что у двери кто-то возится. Долго скребли ключом по замку — видно, не могли отомкнуть. Потом кто-то выругался и хриплый бас сказал:

— Дай-ка я сам.

Замок лязгнул, заскрипела дверь, и в темноту ворвался яркий луч фонаря. Жёлтый круг, как солнечный зайчик, запрыгал по стропилам, пошарил в дальнем углу, затем упёрся в пол и стал медленно приближаться. Ясно, что вошедшим ничего не было видно без фонаря, но Костик-то со Стасом видели хорошо, глаза их успели привыкнуть к темноте. Даже глаза Костика, едва проснувшегося.

Перед ними были Генка и фальшивый немой.

— Ты бы ещё в печную трубу вещи засунул, — проворчал «немой».

— Да ведь я как лучше хотел, — пролепетал Генка. Он так юлил перед своим спутником — глядеть было тошно.

«Немой» с размаху стукнулся головой о стропило.

— Э-э, чёрт бы тебя взял! — выругался он. — Сколько банок-то приволок?

— Четыре, Аркадий Витальевич.

— Маловато, ну да ладно, времена сейчас голодные, с руками оторвут, хватит. Ладно. А то ещё не донесу, пожалуй.

Оба прошли так близко от мальчишек, что, казалось, должны услышать, как колотятся сердца Костика и Стаса.

Мальчишки подождали, пока те отойдут подальше, и бросились к двери. Через секунду они стояли на лестнице.

— Уйдут! Уйдут же! — бормотал Стас,

Его трясло от возбуждения. Он мямлил кепку, выкручивал, как мокрую тряпку, горячечно шептал:

— Что делать? Что же делать?

Костик вдруг поглядел на дверь и чуть не заорал от неожиданной и простой мысли.

— Стас, гляди, — прошептал он, одной рукой снял с кольца тяжёлый замок, другой изо всех сил дёрнул дверь. Она с грохотом захлопнулась.

Он быстро продел в оба кольца дужку замка и повернул ключ. Всё произошло мгновенно.

Костик обернулся к Стасу. Тот поглядел на замок, на Костика — и вдруг завопил что-то радостное и непонятное. Он вцепился Костику в плечи, тряс его, тискал, вертел и всё приговаривал:

— Вот это да! Вот это номер! Поменялись, значит, местами?!

Дверь затряслась под ударами. Видно, в неё колотили ногами. Но это была крепкая, на совесть сработанная дверь. Те двое, видно, очень волновались. Они всё лупили и лупили каблуками и ругались страшными словами.

А Стас начал вдруг хохотать, и Костик, глядя на него, тоже. Они просто корчились от смеха, и вместе с этим неестественным, нервным смехом из них выходило всё напряжение, все страхи этого дня.

Они смеялись, а те, за дверью, распаялись от этого ещё пуще.

Потом Стас одёрнул рубаху и сказал:

— Айда на завод. В проходную. Там сторож сидит. С револьвером на боку. Вот смеху-то! С револьвером! У него из-под носа таскают, а он с револьвером сидит.

Мальчики говорили громко, и за дверью при- молкли.

А потом вдруг заголосили жалобно и просительно. Противными, трусливыми голосами.

Но ребята уже бежали, прыгая через две ступеньки, вниз, к людям.

Глава восьмая

ПРОПАЖА

Витя с недоумением глядела, как по комнатушке мазанки мечется, ломая руки, заливаясь слезами, Елена Алексеевна.

Лицо её было таким необычным, такое отчаяние, такое горе было на нём, что Витя испуганно вскочила.

«Неужели кто-нибудь погиб?!» — панически пронеслось в мозгу.

Она подбежала к Елене Алексеевне, обняла её, изо всех сил прижала к себе. Сухонькое, почти невесомое тело судорожно вздрагивало.

— Украли... Украли... — в ужасе шептала Елена Алексеевна.

— Да что? Что украли? — спрашивала Витя. «Значит, никто не погиб», — облегчённо вздохнула она.

— Это ужасно!.. Какие негодяи!.. У кого же рука поднялась?

— Что украли?! — почти кричала Витя.

Будто очнувшись, Елена Алексеевна умолкла, взгляделась в Витю, словно только сейчас заметила её.

— Голову... Исчезла голова нашей статуи, нашей богини, — прошептала Елена Алексеевна и в изнеможении опустилась на табуретку. Она спрятала лицо в ладони и зарыдала так горько, что Витя испугалась не на шутку. Чтобы так плакали взрослые люди, Витя никогда ещё не видела. Она бросилась к полке с находками экспедиции и увидела — мраморной головы нет.

— Как же так? — растерянно пробормотала Витя. — А папа? Папа знает?

Но Елена Алексеевна ничего не слышала, горе оглушило её.

Витя судорожными движениями, не попадая ногами в штанины джинсов, оделась и метнулась за дверь.

Никого ещё не было, рабочий день не начался. Отец, успевший уже перемазаться машинным маслом, возился со своим «упрямым козлом», как он называл газик, что-то тихонько мурлыкал себе под нос.

Витя остановилась. Ей вдруг стало пронзительно жаль отца. Такое у него было добродушное, родное лицо! Он чему-то улыбался про себя и оттого казался беззащитным.

И небо — ярко-синее, не успевшее ещё выгореть, сделаться белёсым от жаркого солнца. А солнце висело совсем низко над утренним спокойным морем — такой огромный рыжий круг. Вокруг был покой.

Витя зажала ладонью нос, чтобы не всхлипнуть громко.

Ей хотелось, чтобы весь этот покой вокруг, пропитанный честностью, той самой честностью, которая испокон веков не знала, что такое замки, запоры и подозрительность, длился как можно дольше. Она знала, что одним словом своим

разрушит сейчас всю эту жизнь, которой только и должны жить люди, потому что такая жизнь правильная. А всё другое — отвратительно. Но она ничего не успела сказать. Просто отец услышал, как плачет Елена Алексеевна.

Он резко обернулся и увидел на крыльце Витю. Видно, лицо у неё было такое необычное, что отец испугался. Он одним прыжком взлетел на крыльцо, притиснул дочку к своему мускулистому, надёжному боку, поцеловал её и прошептал:

— Не бойся, Витька, всё будет хорошо. Ты только не бойся и не плачь.

Он отпустил её и переступил порог. Через несколько минут он вылетел из мазанки с белыми от бешенства глазами. Он успел погладить Витю по голове, бормотнуть: «Найдём! Никуда они не денутся, вору, мерзавцы!» — и прыгнул в газик. Послушная юркая машина рванула с места и, поднимая осевшую за ночь пыль, стала карабкаться вверх, в город.

Проснувшиеся Серёга с Олегом метались по лагерю, выспрашивали Елену Алексеевну, Витю, поспешно натягивали штормовки.

«Андрюху бы сейчас, Андрюху!» — тоскливо подумала Витя. — Когда не надо, он вечно торчит на крыше, а теперь... Вот здесь его спокойствие в самый раз пригодилось бы! А то отца нет, Елены Алексеевны всё равно что нет, а остальные только и делают, что суетятся без толку...»

Но вместо Андрея появился в самом нелепом виде Жекете. Он шёл понутив голову, заплетая по песку ногами, а когда поднял лицо, Витя ахнула. На физиономии Федыки живого места не было — синяк на синяке.

На руках глубокие царапины, рубаха изодрана, и такие же царапины виднелись на спине.

Сперва на него никто не обратил внимания — только Витя. Слишком вся экспедиция была потрясена пропажей. Всем хотелось что-то немедленно делать, куда-то бежать, лопать... А Витя пережила это состояние. Она сбегала в дом, вернулась с двумя ватками — одна была пропитана перекисью водорода, другая — зелёнкой.

«Не зря я всё-таки в этом кружке занималась, на санитарку, — с гордостью подумала она, — девчонки из класса хихикали, а вот вам! Может, человека от заражения крови спасу!»

Жеиете сперва упирился — он вообще был странный какой-то, не похожий на себя, напряжённый весь. И ещё словно ему всё равно — будь что будет. Но Витя прикрикнула на него, и он покорно стал первым Витиным пациентом, и Витя была благодарна ему за это, она мгновенно простила ему все его дурацкие выходки и словечки. Она отважно приступила к врачеванию. Первым делом заставила его снять с себя остатки рубахи.

Федька всё так же покорно выполнил приказание. Витя мимолётно пожалела его — вокруг всё пропитано солнцем, а тут человек белый, как сметана, словно прячется от него. Удивительно! Но все эти мысли промелькнули и не задержались: предстояло главное — лечить человека.

Витя, как её учили, протёрла ссадины и царапины перекисью, та запузырилась, а Федька взвыл от боли, но тут же умолк, закусил губу. Он терпел изо всех сил. Но когда Витя принялась мазать зелёной, терпение его кончилось, и Жекете заорал так, что все обернулись. Витя дула на царапины и приговаривала:

— Ну, потерпи, Феденька, потерпи. Ты же мужчина! Сейчас всё кончится и будет не больно. Я точно знаю. Знаю, что пройдёт. Сейчас вот перестанет жечь. Ты же мне веришь, Жекете? Честное пионерское, пройдёт.

Она видела, что Федьке очень больно, но он перестал извиваться и вновь закусил губу, да так сильно, что по подбородку медленно скатились две алые капельки крови.

Витя знала, как это больно. В прошлом году маме удалось выкроить две недели отпуска, и они провели его в Крыму, в поразительно красивом местечке под названием Новый Свет. Там Витя, ныряя, ободрала плечо и ногу об острые ракушки мидии, и мама безжалостно вымазала её зелёной. Витя помнила, как она орала от боли. Потому и понимала Федьку прекрасно — её царапины по сравнению с его были просто пустяком.

— Уважаю, — сказала Витя, и Жекете улыбнулся во весь щербатый рот. Она знала, что через несколько минут всё пройдёт.

Федька сделался похожим на тигра. Только у тигра полосы чёрные, а у Жекете — зелёные и не поперёк боков, а вдоль. Глядеть на него без смеха было сверх человеческих

сил. Все покатывались со смеху. Даже Витя не удержалась, разглядев дело рук своих, фыркнула несколько раз.

— И ты... — печально сказал Федька.

Он опустил голову, замолчал. Вите стало стыдно. Только-только собралась она шепнуть Федьке что-нибудь хорошее, доброе, как он опередил её и громко сказал слова невероятные, ужасные, которым не хотелось, просто невозможно было поверить.

— Это я украл голову, — сказал Жекете. И чуточку потише: — Она такая красивая... — И совсем уж тихо, чуть ли не шёпотом, одной только Вите: — Она взаправду немного похожа на тебя. Тут этот дурак Андрюха прав. Я её хорошо рассмотрел.

Говоря эти слова, он ещё больше опустил голову, съёжился, словно ожидал удара. Витя схватила его за плечи, потрясла, Жекете так легко качнулся, будто костей у него не было вовсе.

— Федька! Федька, скажи, что это неправда! — быстро прошептала Витя и приложила ладони к пылающим щекам. — Ну, скажи же!

— Правда, — уныло ответил Федька.

— Да ты... ты понимаешь, что натворил? — с ужасом спросила Витя. — Ты понимаешь?!

Жекете печально усмехнулся:

— Что ж я, по уши деревянный — не понимать. Потому я и пришёл. Я принести её хотел. Положить на место... Но он меня поймал и так отметелил — во! — Он показал на своё лицо. — А потом запер в чулан.

Олег и Сергей бросились к Федьке, но путь им преградил кряжистый, как старый еловый пень, Семёныч.

— Погодь, ребята! Тут разобраться надо. Парень ведь сам пришёл, не убегает, не прячется.

Он обернулся к Жекете.

— Кто это тебя так разукрасил? — спокойно, спросил Семёныч,

— Батя, — с трудом выдавил Федька-Жекете, — его заставил кто-то. Он кого-то боится смертно, даже кричит ночью. А так бы ему и в голову не пришло. Он сказал, что тому человеку только эту... копию надо снять с головы, а потом, говорит, на место положишь, и не дал... — Жекете стукнул себя кулаком в узкую грудь. — А вообще-то мой батя никого!

Никого не боится! Чес-слово, никого! — выкрикнул он, и в голосе его были слёзы.

— Ладно, ладно... Ерой твой батя — пацана послал... — проворчал Семёныч.

— Да я же тут всё знаю, я же работаю тут, а бате никак! — воскликнул Жекете, и столько было в голосе его искренности, столько убеждённости в правоте отца — хоть руками разведи!

— А дальше что было? — стараясь быть спокойным, сквозь зубы спросил Олег. — Дальше что сделал твой бесстрашный батя?

Федька был так взволнован, что даже не заметил на смешки в словах Олега.

— А дальше... дальше я на эту голову всю ночь глядел: уж больно она красивая и древняя — жуть. И ещё думал: а вдруг её тот тип испортит, когда копию снимать будет... — Жекете всхлипнул. — Я её в сумку закинул, под утро уже, думал — отнесу назад. Никто и не хватится. А он, батя, проснулся. Ну и выдал мне. Я его ещё таким не видал. В чулан меня затолкал и под замок. — Федька показал изрезанные руки и спину. — Окошко маленькое, — пояснил он. — А под живот я штаны подложил, — с гордостью изобретателя добавил Жекете.

— Да на кой дьявол твоему бесстрашному бате копия эта?! — рявкнул Семёныч.

— Не знаю, это не ему, — сник Жекете, — здорово он кого-то боится. Ей-богу, он таким никогда ещё не был. Даже страшно... Ходит вот уже несколько дней сам не свой, лютый, просто дикий хищник какой-то. И чуть поперёк ему — по шее, по шее... А уж сегодня... Хоть из дому беги...

Федька заплакал, размазывая зелёнку по лицу. От прежней его нахальной расхлябанности, кривой усмешки — мол, все-то вы дураки, один я всё знаю, — от этой противной отмашки рукой — нашли, мол, кому приказывать, — ни следа не осталось, испарилось, словно и не было.

Перед Витей стоял перепуганный человек. И даром что он на несколько лет старше, но мальчишке этому страшно, и отца жалко, и совесть вроде у него проснулась. Впервые Витя разглядела, что слишком узки его плечи, слишком тонка шея, слишком перепуганные глаза.

И она поняла, что и ест он не досыта, и лупцуют его дома за дело и без дела — какая прихоть придёт в голову его «бесстрашному бате».

Витя никогда не принимала Жекете всерьёз, иногда злилась на него и его глупые выходки, а тут разглядела вдруг, что это за человек. И человек не больно-то счастливый. Особенно по сравнению с ней, у которой есть отец и мама. Она любит их, гордится ими. И ещё — это был первый её пациент.

— Так вот что, Федька, иди-ка в мазанку и полежи там, отдохни. Только на животе, — строгим докторским голосом сказала Витя, — и если сможешь, поспи.

И Жекете послушно поплёлся в дом.

— Ты у него хоть адрес спроси! — крикнул Сергей.

— Знаем, — коротко ответила Витя.

— Вот дают эти современные дети! Всё-то им известно! — покачал головой Семёныч.

Витя знала, где искать пропажу, она всё поняла и собиралась сообщить об этом остальным. Она уже и рот раскрыла, но вдруг услышала тонкий, тихий свист. Она подняла голову и увидела Андрюху. «Наконец-то явился», — сердито подумала Витя.

Андрюха сидел, сложив по-турецки ноги, на своём излюбленном месте — на крыше мазанки — и, прикладывая палец к губам, строил ей страшные рожи.

Младенец и тот поймёт — молчи, мол.

Витя погрозила ему кулаком, а он поманил её пальцем и спрыгнул по другую сторону домика, где не было возбуждённых людей из экспедиции.

Витя помедлила немного, чтоб не задавался, и пошла к Андрюхе, «Интересно, что ещё придумал этот медлительный тип», — подумала она.

Витя встретила Андрюху там, где и предполагала. Он сидел в густых зарослях будяка и о чём-то сосредоточенно думал. Обычно он это делал, обхватив руками ноги и положив подбородок на колени.

— Ну что, мыслитель? — сердито начала Витя. — Ты почему вёл себя так странно на крыше? Ты думаешь, если...

Андрей снова приложил палец к губам, и Витя умолкла.

— Вот что. Мы должны добыть эту голову сами, — сказал он. И голос у него был такой решительный, что Витя поневоле притихла.

— Мы знаем, где она находится, — раз, а этот твой лохматый даже представить себе не может, что Жекете придёт к нам, — два, а в-третьих, наши отцы, когда им по двенадцать было, не такие штуки проделывали. Мне-то батя кое-что рассказывал. Ты думаешь, меня не было, а я всё время был, пока вы тут суетились. Только вы меня не заметили.

— Тоже мне индеец, — буркнула Витя.

Но было ей и любопытно и завидно. Надо же! Притаился где-то, как индеец на тропе войны, всё вызнал, а его никто и не заметил. А теперь придумал что-то, пока она, Витя, как курица, кудахтала: ах, пропало, ах, пропало!

Конечно же, Федькин отец передал голову «покровителю искусств», лохматому Аркадию Витальевичу! В этом Витя тоже не сомневалась. «Аркадий Витальевич! Неужели же он такой подлец! — подумала она и тут же вспомнила его лицо во время разговора с Федькиным отцом. — Да, подлец! И никакой он не покровитель искусств, он просто ворюга и спекулянт, наверное!». Губы её сами собой искривились от отвращения, а ногти впились в ладони, так крепко сжала она кулаки. «Ну, погоди! Ну, погоди, искусствовед липовый!» — прошептала она.

— У меня есть план, — сказал Андрюха, и глаза его сверкнули фиолетовыми искрами, как у дикого кота.

«Ну вот, конечно, у него уже и план есть», — подумала Витя.

— Выкладывай, — коротко сказала она.

Но Андрюха, если даже и заметил нотки неприязни в её голосе, не обратил на них никакого внимания.

— Для этого, — сказал он, — нам необходим Жекете.

— Жекете?! — изумилась Витя.

— Да, — твёрдо ответил Андрей, — надо его поскорее позвать, пока твой отец не приехал с милицией.

— Да зачем, зачем нам этот несчастный Федька-то нужен? — закричала Витя. Терпение её истощилось. Не могла она больше разговаривать с этим невозмутимым типом.

Андрюха улыбнулся и пояснил.

— Ну рассуди, — сказал он, — сейчас приедет с милиционерами твой отец, они заберут Федьку и повезут домой. Там его неустрашимый батя, Геннадий Савельич, поупирается с полчаса и расскажет, кому отдал мраморную голову. И мы сами ничего уже не сделаем. Но суть даже не в этом...

— А в чём? — спросила Витя.

— В том, что, где сейчас Лохматый, неизвестно. Может, он уже чемоданы укладывает. А мы пойдём прямо к нему. Жекете в глаза ему заявит, что всё рассказал в экспедиции.

— Да Жекете его в глаза не видел!

— И хорошо! Зато мы его в глаза видели, этого субчика! Пусть попробует не отдать! И ещё...

— Что ещё?

— Ещё Федьку жалко, — Андрюха смутился, — хоть он и не очень-то приятный парень. И голову утащил. Но ведь он же человек! Он же сам пришёл, у него же совесть заговорила! Запутался он! Ну представь — столько на человека сразу навалилось — с ума сойти! Как же он дальше жить-то будет? Если мы с его помощью голову принесём, совсем ведь другое дело! Мы же сразу две головы выручим — Федькину и богини.

Витя с изумлением глядела на Андрея.

— Вот уж не ожидала, — прошептала она, — не ожидала, что ты такой. Я о тебе думала хуже. А ты добрый...

Андрей залился румянцем и побормотал:

— Скажешь тоже...

— Только я не уверена, что этот Аркадий Витальевич так уж сразу отдаст нашу богиню. Видно, это жулик ещё тот — о-го-го! Помнишь, как перед ним Федькин отец лебезил. И всё-таки, может быть, — нерешительно сказала Витя, — может быть, просто сказать отцу, где живёт этот лохматый.

Андрюха рассвирепел.

— Просто, просто! Попроше ей захотелось! Так и проживём всю жизнь и ничего сами не сделаем!

И такая убеждённость была в словах Андрея, такое у него было отчаянное лицо, что Витя заколебалась.

— А где Станислав Сергеевич? — неожиданно спросила она. — Что-то давно его не видно.

Андрюха на миг смутился.

— Батя дома. Мама отпуск взяла на недельку. Всё-таки восемь месяцев они не видались.

Вдруг он разозлился.

— Ты прямо скажи: трушу и всё! — прошипел Андрюха.

Витя смерила его с ног до головы высокомерным взглядом, повернулась и пошла за Жекете.

Глава девятая и ПОСЛЕДНЯЯ

Понурый Жекете пришёл в Витином свитере.

Какая-то из тёток — так, седьмая вода на киселе — недавно научилась вязать и осчастливила Витю одним из первых своих произведений. А попробуй откажись — обида на всю дальнейшую жизнь, хоть и был этот свитер Вите до колен, и рукава, как у Пьеро, болтались. Тётка утверждала, что

— А в чём? — спросила Витя.

— В том, что, где сейчас Лохматый, неизвестно. Может, он уже чемоданы укладывает. А мы пойдём прямо к нему. Жекете в глаза ему заявит, что всё рассказал в экспедиции.

— Да Жекете его в глаза не видел!

— И хорошо! Зато мы его в глаза видели, этого субчика! Пусть попробует не отдать! И ещё...

— Что ещё?

— Ещё Федьку жалко, — Андрюха смутился, — хоть он и не очень-то приятный парень. И голову утащил. Но ведь он же человек! Он же сам пришёл, у него же совесть заговорила! Запутался он! Ну представь — столько на человека сразу навалилось — с ума сойти! Как же он дальше жить-то будет? Если мы с его помощью голову принесём, совсем ведь другое дело! Мы же сразу две головы выручим — Федькину и богини.

Витя с изумлением глядела на Андрея.

— Вот уж не ожидала, — прошептала она, — не ожидала, что ты такой. Я о тебе думала хуже. А ты добрый...

Андрей залился румянцем и пробормотал:

— Скажешь тоже...

— Только я не уверена, что этот Аркадий Витальевич так уж сразу отдаст нашу богиню. Видно, это жулик ещё тот — о-го-го! Помнишь, как перед ним Федькин отец лебезил. И всё-таки, может быть, — нерешительно сказала Витя, — может быть, просто сказать отцу, где живёт этот лохматый.

Андрюха расвирепел.

— Просто, просто! Попроще ей захотелось! Так и проживём всю жизнь и ничего сами не сделаем!

И такая убежденность была в словах Андрея, такое у него было отчаянное лицо, что Витя заколебалась.

— А где Станислав Сергеевич? — неожиданно спросила она. — Что-то давно его не видно.

Андрюха на миг смутился.

— Батя дома. Мама отпуск взяла на недельку. Всё-таки восемь месяцев они не видались.

Вдруг он разозлился.

— Ты прямо скажи: трушу и всё! — прошипел Андрюха, Витя смерила его с ног до головы высокомерным взглядом, повернулась и пошла за Жекете.

— Ладно, — прервал его Андрей, — всё ясно. Потом поговорим. Пошли.

Он быстро зашагал по крутому склону, потом побежал.

Витя и Федька бросились вдогонку.

Они бежали, потом переходили на шаг и, отдышавшись, снова бежали.

Витя думала об одном: «Не отстать! Выдержать. Не отстать от мальчишек!»

Потом она втянулась, стало легче.

За два квартала от дома, где жил Лохматый, под раскидистой старой акацией остановились.

— Отдохнём, — сказал Андрей, — разговор будет трудный, надо отдышаться.

Витя прислонилась к шершавому стволу дерева, подняла глаза. Акация тонко трепетала своими листочками. И когда глядишь на эти нежные, полупрозрачные листочки (про них и не скажешь — листья), становится понятно, зачем у этого дерева имеются ещё и длинные, острые колючки: для равновесия, наверное.

Мальчишки о чём-то шептались. Витя прислушалась и уловила последние слова, сказанные Федькой:

— ...сами справимся!

— Нет! Все вместе! — громко и резко, как отрезал, ответил Андрей.

Витя сделала вид, что ничего не поняла, но про себя усмехнулась.

«Федька-то! Заботится! Чудеса. Только Андрюха знает, что я всё равно пойду!»

К домику Аркадия Витальевича (он же «Лохматый», он же «покровитель искусств») подошли незаметно, вдоль забора.

Отворили калитку и, уже не скрываясь, вошли во двор, поднялись на резное крылечко.

Андрей громко постучал. Никто не ответил.

Ребята тревожно переглянулись.

Федька изо всех сил, так, что стёкла в окнах задребезжали, грохнул кулаком. Дом молчал.

Отчаяние охватило Жекете, он вновь забарабанил кулаками, потом повернулся к двери спиной и несколько раз санданул в неё каблуками.

Ти-ши-на. Зловещая какая-то, будто притаился кто и не отворяет, подсматривает незаметно за ребятами.

— Неужели ушёл, уехал, гад! — чуть не плача, прошептал Федька.

Андрей молчал. И по его лицу Витя поняла, что он что-то обдумывает, что-то важное.

Витя проследила за Андрюхиным взглядом и увидела, что тот смотрит на открытую форточку во втором от крыльца окне.

— Что ты! — испугалась она. — Этого нельзя,

Андрей понял, что Витя догадалась о его мыслях.

— Без богини мы отсюда не уйдём, — твёрдо заявил он. — Пусть это неправильно, пусть нельзя, но надо лезть в дом. Вряд ли Лохматый таскает нашу находку с собой. Он её в доме где-то припрятал.

— Правильно! — тотчас отозвался Федька. — Надо залезть и взять. Он-то сам как её получил? Обманом. Ведь выманил! Надо лезть в форточку.

— Ни ты, ни я в форточку не пролезем, — тихо проворчал Андрей.

— Ребята, — впервые Витя испугалась по-настоящему, — а вдруг там ничего нет, а он придёт и застанет. Скажет — жулики!

— Не скажет, — усмехнулся Андрей. — Сам он жулик, а мы-то нет! Жулики — это когда для себя тащат чужое. А мы — своё и для всех!

Витя покачала головой — опять этот тихоня успел всё продумать и найти убедительные слова.

И всё же она чувствовала — что-то они делают не так, как надо. Но теперь уже поздно было отступить — Андрей и Федька выжидательно глядели на неё. Оба хмурились.

И Витя отчаянно махнула рукой.

— А-а, будь что будет! Я залезу, потом открою окно. За мной влезет Андрей. А ты, Жекете, стой на улице. Как только подойдёт к дому Аркадий Витальевич, свистни два раза и попытайся его остановить. Ты его сразу узнаешь — он огромный и лохматый, и ещё у него трубка в зубах.

— Как же я его остановлю? — с недоумением спросил Федька.

— Ты ему скажи: так, мол, и так, прислал отец, Геннадий Савельич, срочно, сию минуту, зовёт к себе. Понял?

— Понял. — Федька дёрнул подбородком.

Но было видно, что стоять на улице ему очень не хочется, а хочется быть со всеми.

— И молодец, что понял! — одобрил Андрей.—Давай-ка, подсади её мне на плечи.

Он чуть пригнулся, отставил назад ногу.

С помощью Федьки Витя мигом оказалась у Андрея на плечах.

Теперь раскрытая узкая форточка была ей на уровне груди. Витя просунула туда сперва руки, потом голову и ужом, вниз головой, перебирая руками по раме, скользнула вниз. Ребристое дерево больно проехалось по голениям, обдирая под джинсами ноги, но руки уже упёрлись в подоконник, и Витя мягко кувыркнулась в комнату.

Хорошо ещё, что пол был выстлан толстым, пушистым ковром, он смягчил удар. Но и упав на ковёр, Витя очень чувствительно ушибла плечо.

Сразу вскочила, не оглядываясь, рванула шпингалеты, распахнула окно.

Стремительно сиганул к ней Андрей, обернулся к Федьке.

— Давай на свой пост, живо! — приказал он.
Жекете нехотя, ворча, побрёл на улицу.

Первым делом Витя и Андрей внимательно огляделись. Комната была просторна, мебели мало, и расставлена она со вкусом, как показалось Вите. В такой комнате, наверное, приятно было жить.

В неё вели две двери. Одна была заперта, другая соединяла комнату с ванной.

В ванной у стены стояло несколько толстых потемневших досок, на внешней доске тускло мерцала позолота, еле угадывалось чьё-то лицо. Это были иконы.

В углу на стуле стоял пузатый саквояж.

Головы не было.

Снова зашли в комнату, внимательно огляделись. Андрюха раскрыл платяной шкаф, осторожно, стараясь ни к чему не прикасаться, осмотрел его — нету. Нет богини, и всё тут.

А больше в комнате и прятать-то было негде.

Андрей решительно прошёл в ванную, приподнял сак-
вояж.

— Тяжеленный, — сказал он и расстегнул застёжку,
молнию.

На самом верху, завёрнутая в прорвавшуюся во многих
местах газету, лежала голова.

Андрей развернул газету, и Витя тихо ахнула.

Ничего похожего на голову античной богини. На ребят
глядело страшное, грубо вылепленное из гипса, безглазое
лицо — разинутый рот, вместо волос — толстые, извивающи-
еся змеи.

— Медуза-Горгона, — угадала Витя,

— Фу! Страшная-то какая! — прошептал Андрей.

— Она вообще-то и должна быть страшной, — сказала
Витя, — все, кто на неё глядели, от ужаса превращались
в камень.

— Ну, мы-то не превратимся, — усмехнулся Андрей, —
может, потому, что слишком она новенькая — вон гипс ещё
сыроватый. — Он непочтительно колупнул ногтем нос Гор-
гоны.

И в этот миг раздались два пронзительных свистка с
улицы.

От неожиданности Андрей уронил Медузу-Горгону на
кафельный пол.

Раздался глухой удар — и страшная Горгона раскололась,
как скорлупа ореха, а под ней, как прекрасное ядро, откры-
лось задумчивое, живое, неповторимое лицо античной
богини.

— Вот она! Он её замаскировал этой дрянью! — вскрик-
нул Андрей.

А Витя опустилась на колени, бережно взяла в руки мраморную голову, покрытую чем-то жирным, чем-то вроде вазелина.

«Это чтобы гипс не прилип», — успела подумать она.

И в тот же миг с треском распахнулась дверь. Ребята
оглянулись.

В дверях стоял разъярённый Аркадий Витальевич. Лицо
его было багрово, волосы растрепались, здоровенные
кулачищи медленно сжимались и разжимались.

— Ну что, гадёныши, пронюхали? — прохрипел он.

Втянув голову в плечи, целясь ею в живот Лохматого, мет-

нулся вперёд Андрей. И тут же от жесточайшего удара с грохотом полетел в угол, затих там.

Витя осторожно положила мраморную голову на стул вытянулась в струнку.

— Вот так «покровитель искусств»! — звонко сказала она. — Вы просто подлец. И не очень-то расходитесь, сюда едет мой отец. И не один.

Аркадий Витальевич вздрогнул, резко обернулся к ней, Он побледнел.

Витя чувствовала, что лицо её горит. Кровь дробными молоточками стучала в висках.

— Вы подождите немного, он скоро будет здесь.

— Нет уж, дудки, ждать я, простите, мадемуазель, не могу, — сквозь зубы проговорил Аркадий Витальевич.

Он разом обхватил все доски икон, вынес их в комнату.

Витя взяла голову, прижала к груди.

— Не отдам! — крикнула она.

Но «покровитель искусств» молча рванул богиню, сильно оттолкнул Витю, и она полетела прямо на Андрея. Тот стонал.

— Посидите, голуби, тут. Некогда мне с вами возиться! И Аркадий Витальевич вышел из ванной.

Витя тут же вскочила, с разбега бросилась на захлопнутую им дверь. Бесполезно.

Поднялся, покачиваясь, Андрюха; под глазом его растеклась здоровенный фиолетовый синяк.

— Вот и добыли голову сами, — горько прошептал он. И тут они услышали голос Федьки.

Тот вопил во всю мочь:

— Здесь ом! Здесь, собака! И ребята там, Константин Николаич!

В комнате что-то загрохотало, резко хлопнула какая-то дверь, и буквально через минуту затряслась другая — в ванную, Витин отец так рванул её, что чуть с петель не сорвал.

Он бросился к ребятам, *ощупал* их, и тут впервые Витя увидела у своего отца смертельно перепуганные глаза. За его спиной стоял внешне спокойный, собранный Станислав Сергеевич.

— Где этот тип? — спросил он Андрея.

— Убежал. Через эту дверь, наверное, — проворчал Андрюха и показал на вторую дверь в комнате. Он ста-

рался повернуться к отцу так, чтобы не видно было побитого глаза.

В распахнутое настежь окно влезли два милиционера, за ними — печальный Жекете.

На полу лежали упавшие иконы, на столе — прекрасная голова античной богини.

Видно, «покровитель искусств» решил, что собственная шкура дороже.

— А я ведь вспомнил этого типа, — сказал Витин отец. — Он сильно постарел, но ещё на вокзале показался мне знакомым.

— Капитан, — обратился Станислав Сергеевич к одному из милиционеров, — надо перекрыть все выходы из города. Здесь орудовал старый рецидивист. Мы его знаем. С сорок шестого года знаем. Я с Генкой, то есть с Геннадием Сееель-ичем разговаривал, он и напомнил, что это за тип.

Капитан присвистнул.

— Сделаем, — деловито сказал он и тут же исчез вместе с напарником. С ними исчез и Станислав Сергеевич.

— Что же ты не задержал Лохматого? — спросил Андрюха у Жекете.

Федька нахмурился.

— Он на такси приехал и сразу увидел раскрытое окно. Я только свистнуть успел. Он и дверь отпирать не стал, в окно прыгнул. А я домой со всех ног. Я же знал, где сейчас Константин Николаич. Вот привёл...

— Вовремя, — серьёзно ответил Андрей.

— Ты просто молодец, Федька, ты умница. — Витя обняла Жекете за плечи, тот болезненно поморщился. — Что, больно? — забеспокоилась Витя, — Извини.

— Какая там боль! — отозвался Федька и прошептал: — Батя вот... как с батей будет — не знаю... Только нам с ним вместе не жить.

Несколько дней спустя на жёлтом песке пляжа под яростным солнцем лежали трое: Витя, Андрей и Жекете. Витя и Андрей были счастливы. Они ехали к новому морю — открывать неведомую, легендарную страну — Диоскурию.

Мама прислала категоричную телеграмму:

«Немедленно высылай ребёнка! Не могу я больше без

Витьки! Пусть приезжает с Андреем. Море тёплое и голубое...»

— Везёт же людям! — сказал папа, прочитав телеграмму. — И море голубое, и Диоскурия на дне... Эх, поехал бы я с вами, ребята, да куда ж денешься от нашей богини! — Папа подмигнул ребятам, показал глазами на мрачного Жекете и убежал по своим делам.

Витя и Андрей весело переглянулись.

— Ты чего это нос повесил, Федька, — сказал Андрей, — ты гляди, как вокруг здорово — море зелёное, небо синее, обрывы рыжие. Красота!

— Дурак ты, хоть и умный, — вяло ответил Федька. — И море мутное, и небо белёсое, и обрывы осыпаются. С чего это мне веселиться? Вы уедете, а мне куда? Общежитие искать или комнату. И на работу устраиваться, а я к вам привык, мне у вас нравилось. Эх, да что говорить! Сытый голодному не товарищ!

Витя и Андрей приснули.

— Сказать ему, Андрюха? — спросила Витя.

— Не стоило бы, раз у него море мутное и небо белёсое и вообще. Ну да ладно, скажи! — величаво разрешил Андрюха и почесал загорелый дочерна живот.

— Ты же с нами едешь, Жекете! Вчера мне папа сказал! — выпалила Витя. Ты в маминой экспедиции мотористом работать будешь.

Федька подпрыгнул, будто на него капнули расплавленным варом. Не знал ещё — верить или нет, уставился на приятелей, внимательно заглянул им в глаза.

И сразу понял, что они не шутят, — такие у них были глаза, и такое важное это было дело.

Федька завопил на весь пляж и принялся отплясывать непонятный танец. Потом он попытался сделать сальто, нелепо вскинул длинные ноги и шлёпнулся на песок, И сам первый захохотал над своей неловкостью.

Хохотали все трое, кувыркались, возились, поднимая тучи песка. Со стороны могло показаться, что они с ума посходили, но просто в них бродили нерастраченные силы, и радость, и счастье, и расплавленное солнце в крови.

Впереди было новое прекрасное море, новые люди, новая, полная приключений жизнь.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава первая. В ОЖИДАНИИ ЧУДА	3
Глава вторая. ДОРОГА	12
Глава третья. ВСТРЕЧИ И ЗНАКОМСТВА	21
Про коварную букву «г» и о многом другом. От автора	32
Глава четвёртая. ЖЕКЕТЕ	48
Друзья. От автора (продолжение)	66
Глава пятая. ГОЛОВА ПРЕКРАСНОЙ БОГИНИ	87
Глава шестая. ПРО БОГИНЬ И ГРАНАТЫ	99
О том, как не надо глушить рыбу гранатами, о голубях, бескорыстии, благородстве и о многих других вещах. От автора (продолжение)	109
Глава седьмая. ПОКРОВИТЕЛЬ ИСКУССТВ	131
Испытание. От автора (продолжение)	143
Глава восьмая. ПРОПАЖА	154
Глава девятая и ПОСЛЕДНЯЯ	163

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы
о прочитанных книгах и
пожелания об их содержании и оформлении.
Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу:
Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги издательства
«Детская литература».

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Дворкин Илья Львович

ГОЛОВА АНТИЧНОЙ БОГИНИ

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.
Художественный редактор Б. Г. Смирнов.
Технический редактор Л. Б. Куприянова.
Корректоры Л. Л. Бубнова
и К. Д. Немковская

Сдано в набор 29/IV 1976 г. Подписано к печати 20/VIII 1976 г. Формат 70X100/16. Бумага офсетная № 2. Печ. л. 11. Усл. печ. л. 14,3 Уч.-изд. л. 9,65. Тираж 150 000 экз. Заказ № 219 Цена 48 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград. 192187. наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Дворкин И.Л.

Д 24 Голова античной богини. Повесть. Рис. А. Ско-
лозубова. Л., «Дет. лит.», 1976.

174 с. с ил.

Повесть о том, как во время археологических раскопок встретились друзья детства — моряк и археолог. Они вспоминают суровые дни войны. Сегодняшние ребята узнают, какой ценой их отцы и деды завоевали для них право на счастливую жизнь.